

10
1973

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т

Фото А. КОГЛЯКОВА (г. Пермь)

ГРУЗОВОЙ ПОРТ

В НОМЕРЕ:

В. Кобельков. ОГНИ ЕГО РЕК ПЕРМИ—250 ЛЕТ	2
В. Радкевич. В КАМСКОЙ ЗЕЛЕНИ И СИНИ	6
В. Михайлюк. ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ ИЗ ЛЕТОПИСИ ПЕРМИ	7
А. Походов. СУДЬБА ЕГОШИХИ ДЕСЯТЬ ЛЕТ СПУСТЯ	9
В. Аборкин. ОН ВРУЧАЛ ПАРТБИЛЕТ ИЛЬИЧУ	12
Н. Захаров. ТАНЦУЕТ НАДЯ ПАВЛОВА	14
А. Чехов. ПЕРЕДАЮ ЦЕЛЬ. Приключенческая повесть	17
И. Соколова. МАРШРУТЫ «ИСКАТЕЛЕЙ» СЛЕДОПЫТСКАЯ ХРОНИКА	36
А. Нагибин. КОСМИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТОР	38
Муса Гали. СТИХИ	40
М. Листов. ПРИШЛА СКВОЗЬ НОЧЬ	42
В. Санин. ПРИКЛЮЧЕНИЯ ЛАНА И ПОУНА. Фантастическая повесть (окончание)	47
А. Матвеев. ЕЗДИЛ ЛИ ЦАРЬ ПО ЦАРСКОЙ ДОРОГЕ!	64
Л. Румянцев. В ПОСЕЛКЕ У ДИКОЙ РЕКИ	67
Б. Рябинин. ТВОЙ ЧЕТВЕРОНОГИЙ ДРУГ	68
Н. Николаев, П. Коверда, П. Чубенко. РАССКАЗЫ ИЗ «КНИГИ ПРИРОДЫ»	69
СЕРЬЕЗНОЕ С КУРЬЕЗНЫМ	77
ФОТОКОНКУРС	78

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ
ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ЖУРНАЛ ДЛЯ ДЕТЕЙ И ЮНОШЕСТВА

ОРГАН СОЮЗА ПИСАТЕЛЕЙ РСФСР,
СВЕРДЛОВСКОЙ ПИСАТЕЛЬСКОЙ ОРГАНИЗАЦИИ
И СВЕРДЛОВСКОГО ОБКОМА ВЛКСМ

ГОД ИЗДАНИЯ ШЕСТНАДЦАТЫЙ

г. Свердловск
Средне-Уральское Книжное Издательство

10
1973

У Р А Л Ь С К И Й
С Л Е Д О П Ы Т Ы

ОГНИ ЕГО РЕК

Василий КОБЕЛЬКОВ

Рисунки В. Сыскова

Хариус брал неплохо, и мы с Всеволодом заметили, как в ущелье Кантегира пришли сумерки, подкралась темнота.

Меня охватывает беспокойство: как доплывем? Всеволод плохо видит днем, привязывает на леску красную тряпочку, чтобы замечать, где мушка. А тут темень, гул в тайге и на реке. За шумом не услышишь сатанинского зазывания камней. И что хуже всего: сам я никогда в жизни не брался за румпель мотора.

— Да, припозднились,— Ветошкин заматывает леску, складывает удочку, выпрямляется, глядит вниз по реке и тихо гово-

рит:— Жаль, первые шивера снова не обловил. А там, может, лучше берет: хариус-то сейчас скатывается в Енисей.

Он складывает в коробочку из-под чая поводки с мушками, блесны, крючки, в отдельную коробочку из-под леденцов — медвежью шерсть, петушиные перья, барсучью щетину. Велит накрыть вещи брезентовым плащом, чтоб не замочило, идет к мотору и вдруг потеплевшим голосом говорит:

— Вадька ждет. Обещал я ему к восьми быть. Успеем ли?

Глаз еле различал стрелки на часах.

— Час еще в запасе.

— Любит, пострел, в рюкзаке покопаться. Собираемся вместе. Сует все, что видит. Мне уж тайком приходится переключа-

«Уральский следопыт», 1973

дывать или убирать лишнее. А вернешься — он опять к рюкзаку, каждую рыбину на руке взвесит, спорит, которая потяжелей...

Ветошкин долго ждал сына, и теперь днями рассказывает о пятилетнем Вадьке, о его находчивости, неусидчивости, проказах и, так сказать, путях «к мирному урегулированию напряженности». Иногда ему приходится и наказывать, ставить сына в угол. Тогда Вадька с надеждой смотрит на мать, показывает руками, чтоб освободила, разрешила выйти из угла, но, увидев, как рыжеватые брови отца опускаются на глаза, покорно застывает. После уже подходит к матери с фотографией отца и спрашивает: «Мама-мам, почему папа-пап тут всегда добрый, а ты нет?» Как не улыбнешься? Как не смягчит и не потеплеет в груди? Чего стоит одно это его «мама-мам», «папа-пап!» Будто все время подчеркивает: «Ты лучшая из мам, ты лучший из пап!»

Всеволод подкачал бензину, дернул за тросик стартера, мотор вздрогнул от первого толчка и заревел под рукой, — то на полную, то вполсилы.

Мы двинулись вниз. На тихих плесах Всеволод выжимает скорость, а чуть появятся проблески светлой пены, стихает. ход, будто подкрадывается к берегу, идет рядом, предупреждает меня:

— Не бойся, сейчас слив будет.

В устье Кантегир прижимается к скале. Валы набрасываются на каменный отвес, разворачиваются и идут под наклоном — настоящий водяной пропеллер.

Ветошкин настораживается:

— За прижимом лодку развернет, — глушит и поднимает сапог мотора, тут же кричит: — Табань, табань!

Буруны пляшут выше лодки, идущей боком, волны хлюпают по всей длине, и уже плывет между шпангоутами банка с оставшимися червями. Что есть силы гребу веслами в разные стороны. Но не легко справиться с такой рекой, если правое весло никак не может достать до воды, а левое затапливается по самую уключину. Всеволод отталкивает меня от весел, резкими рывками разворачивает лодку, и река выносит нас на плес.

— Теперь гребите на створ! — командует Ветошкин, и скоро Енисей подхватывает нашу лодку, а «вихрь» опять заводит свою песню, на течении весело и ровно, на водоворотках — с подвывом.

Встречный студеной ветер врезается в лицо, холодит так, что сжимаешься, прячешься от него. А днем было солнце, бабья

пора осени. На солнцепеке резвились кузнечики в запоздалой, как говорил мне Всеволод, брачной поре. Над ними ярко краснел единственный цветок багульника, распустился даже сугубо весенний прострел, а рядом, за бугорком в тени, под сапогами хрустел ледок.

В середине октября самая неустойчивая погода. Особенно в этом году — снег, солнце, дожди. Сегодня к вечеру закрыли тучи небо, из-за поворота подула низовка, бьет высокой волной, захлестывает лодку, и кажется, вовсе не движемся.

Мне еще терпимо, прилег на дно и поглядываю из-за борта вперед, а Всеволоду около часа держаться: не отвернешься. Всматриваюсь в осеннюю хлябь и только замечу белые буруны, хочу его предупредить, как лодка поворачивает на чистое. Мне кажется, Ветошкин берет памятью, слухом, а больше — чутьем.

Ветер жгет. Не помогает и меховая куртка, а о промокших ногах не стоит и говорить — их просто свело. Оглядываюсь, Всеволод неподвижно темнеет на корме. Различаю его шапку с чуть приподнятыми ушами, будто птица на взлете расправляет крылья. И было в моем друге что-то от индейских вождей: стрелами летят брызги. Вспыхивает и гаснет огонек папирасы. Торжественная застылость.

Но было мгновение, когда Всеволод повернул голову к берегу, где как раз угадывалась песчаная покатошь, сбросил газ, и нос лодки тут же зарылся в волне. Раздумывая смотрел он некоторое время на ивовые заросли, затем вроде встрепенулся, может вспомнил свое обещание сыну, — и снова наш «вихрь» заработал на полных оборотах.

Показались далекие, мощные люминесцентные лампы, которые освещают не только котлован Саянской ГЭС, но охватывают часть реки, словно маяки, зовут и манят нас к себе. От ламп по воде выстлалась золотистая дорожка, искристая, неровная, но прямая, и Всеволод ведет теперь лодку по ней, как по самому надежному поводырю. Я вижу, как от ветра и брызг забронзовело лицо моего напарника. Всматриваюсь в него, когда-то полное, теперь же со складками у рта, обычно с тем малоподвижным, будто уже не подвластным страсти выражением, которое бывает у людей много видевших и пере-

живших, а больше всего у фронтовиков. Я думал, что Ветошкин воевал, но ошибся, он только в сорок шестом окончил в Иркутске десять классов и из-за слабого зрения был признан непригодным к службе.

Работать начинал на заводе в литейном цехе, но, выросший среди буйной зелени и не менее бурной Ангары, он не мог привыкнуть к городу с его гарью и шумом, а потому уехал к себе в рабочий поселок, находящийся невдалеке от Шаман-камня. Но и здесь ему стало чего-то не хватать, теперь его чем-то манил город, и он понял: ему надо жить в таком месте, где была бы большая стройка или завод, а рядом — тайга с рекой. Может поэтому, когда начали зачищать зону затопления Иркутской ГЭС, он перешел из леспромхоза на стройку. Бригадиром по вырубке леса со дна будущего моря. По окончании перевелся на Красноярскую ГЭС.

Как сам Всеволод Иванович говорит, в Дивногорске он нашел все, здесь он поработал от души, всласть. В его трудовой книжке три вкладыша с записями, а места все не хватает: грамоты, благодарности, награжден значком «Отличник энергетики и электрификации СССР», занесен в Книгу почета строительства, фотография — на Доске почета... Так сказать, все регалии строителя.

А за этими вкладышами была жизнь, была скала, был бетон. Однажды его бригаду на втором участке основных сооружений решили сделать специализированной, чтобы занималась только опалубкой. Начальник участка послал Ветошкина в другую бригаду, которая уже готовила на водоводах блоки, опыт перенять, а по возвращении спросил:

— Ну как, сумеем за пяток смен выставить опалубку?

— Можно, Кузьмич, и за смену, однако и быстрее можно, — ответил бригадир и многозначительно замолчал: мужик себе на уме. Он уже обдумывал, как ставить опалубку.

И действительно, скоро за смену выставляли все одиннадцать щитов. А однажды звеньевой Валентин Радецкий просто засветился от гордости: за три с половиной часа отгрохал блок! Правда, его рекорд скоро перекрыло звено Юрия Алесаева — уложилось в два сорок семь. Но и это не было пределом.

Я знал и видел, что это за опалубка: наклонная да еще пятигранником. Посмотришь — залобуешься. Да и каждый теперь

может оценить воочию или на фотографии нашей плотины эти, будто точеные, двадцать четыре выпуклости, по которым несется Енисей к агрегатам.

Работал Ветошкин по-своему. Приезжал за час до смены. Обходил все предполагаемые работы, прикидывал, обдумывал, договаривался с бригадирами смежных организаций о кране, о месте, о времени, чтобы не мешать друг другу. А после в прорабской требовал, что ему нужно на день.

Приходил в бытовку, распределял, кто куда пойдет, что будет делать и, главное, за сколько. И если кран ему давали в девять часов, а без него нечего было делать, садился за шахматы. Ребята на него поглядывают, а он спокойно двигает фигуры. Начальник участка прибежит, обеспокоенный тем, что нет бригады:

— Чего сидите?

— Собеседование у нас, — бригадир смотрит на часы и спокойно добавляет: — Через десять минут выйдем.

Куда обычно ставят двоих — посылал одного, где четверо требовалось — выделял двоих: знал, справятся ребята за то же время, только меньше болтовни будет. Иной заартачится, что дают на неделю работы. «Сделаешь!» — заверит парня бригадир, а через некоторое время посмотрим — парень по эстакаде таким фертом ходит, со строповщицами балагурит. Проверит бригадир его работу и даст за быстроту полчасика на отдых, а затем подзовет пальцем:

— На двадцатом надо зашить щели, а кончат разваривать — доски и мусор собирать.

— Да что ты, Всеволод Иванович, там же высоко, один не смогу.

— Сможешь. Вон на двадцать первом молодцом сделал. И здесь справишься.

Иногда не получалось в работе. Так было в самом начале с опалубочными щитами. Ставили их впритык, чтобы заделок было меньше, а попадал брус на брус — вырубали его. Одним словом, морока была. Ветошкин ходил, ругал проектировщиков и инженеров на участке, а дома что-то чертил, подсчитывал, и вот как-то подошел к звеньевому Радецкому, который ставил щиты, сказал:

— Надо вот так, — и огрызком карандаша на доске начертил схему.

— Так щели будут больше, — возразил ему звеньевой.

— А брус легче рубить? Жесть надо пошире резать, зато следующие щиты просто будут ставиться...

Или смотрит, как парни «запихивают» в пазуху под эстакаду бульдозер. Поставить можно только в одном месте, а там целой лентой кабели от трансформатора тянутся. Повозились, повозились и решили отступить. Тем временем бригадир спустился вниз.

— Цепляй! — командует Ветошкин.

— Не входит! — кричат ему сквозь шум стройки сверху.

— Майнуй! Войдет! — кричит Всеволод и подставляет под задний мост брус, — упирает второй конец в бетон, опускает, брус под тяжестью наклоняется и вталкивает бульдозер в пазуху. — Думать надо! — снова учит бригадир звеньевого...

— Всем хорош Всеволод, но хоть бы раз кого похвалил. Стараешься, делаешь, у другого за подвиг бы сочли, а ему все мало. Только хмыкнет, качнет головой, — не поймешь: одобряет или нет — и вся твоя недолга, — рассказывает Валентин Радецкий.

Да, разговоров, а тем более сентиментальничанья Ветошкин не любит. Не умеет. Часто два-три слова за смену услышишь — и то хорошо. Вот почему я удивился, когда на рыбалке, у костра, в палатке он с увлечением рассказывал о своих парнях, о своей жизни.

...Наша лодка подошла к котловану — считай, мы дома.

Я окоченел так, что не чувствовал тела, особенно ног, и одно было в желаниях — скорей бы выпрыгнуть на берег. Вот и мост, под которым даже в тихую погоду давит ветер, и снова волны захлестывают лодку, но видны уже и деревья, где находится стоянка черемушенских лодок.

— Посмотри, куда пристать, а то я не вижу, — просит Всеволод.

Лодка тычется о камни. Угомонился мотор. Стало теплей. Перетаскиваем вещи.

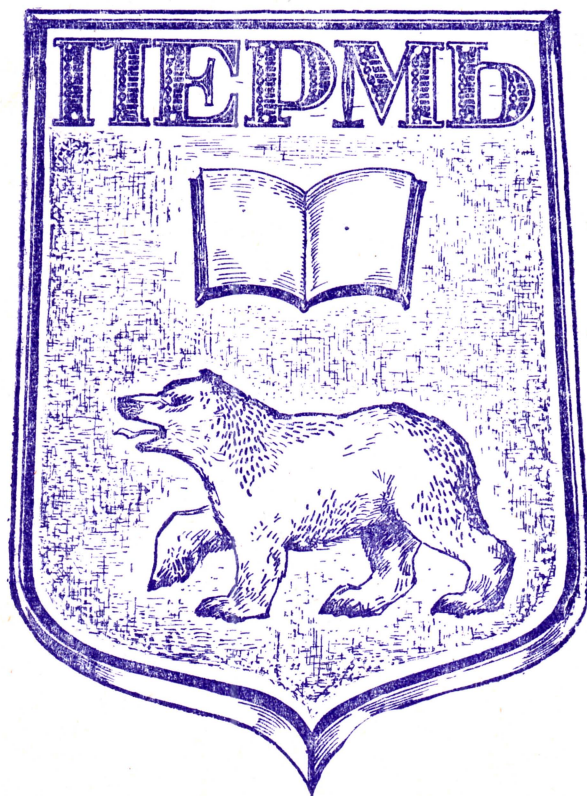
— А я думал, не выдержу, — удивляется Всеволод, и мы расходимся по домам.

Поздней ночью мы снова вместе, в бригадной бытовке. Лицо Ветошкина непроницаемо. Он стоит посредине в расстегнутой телогрейке и командует:

— Черников и Дорок, распишитесь на кран. Сосновский и Шароглазов, на вибраторы. Виктор, твое дело — сварка... По местам!

250 лет

В камской зелени и сини
Жил как будто бы в тиши
Город в глубине России,
В глубине моей души.

Но когда настали сроки,
Это здесь открылось мне:
Как стихи и новостройки
Прорастают в тишине.

Был он прост, не обессудьте.
Только, судя по всему,
Город мой —
        поэт по сути,
По призванию своему.

Не торжественною одой,
А лирической строкой
Он связал свои заводы
С Камой, камнем и тайгой.

Пермякам пришлось по вкусу
Крутизна такой земли,
Где — к заводу или к вузу —
В гору улицы вели!

В добрый час и в трудный самый
С нами рядом — город встал...
Прежде чем расти над Камой,
В нас самих он вырастал.

Так что, видимо, с рождения
Все мы ходим, пермяки,
Под высоким напряжением
Той лирической строки!

Вл. РАДКЕВИЧ

Так начиналась Пермь

ДЕНЬ РОЖДЕНИЯ

Жаркой была весна 1723 года в долине Егошихи. Как только сошел с Камы лед, в устье речки хлынули паузки — барки, груженные разным добром, струги и коломенки с людьми. Плыли они издалека, из самого уездного города Кунгура, бывшего тогда центром медеплавильной промышленности Прикамья.

— Мир на стану! — приветствовали, сходя на берег, вновь прибывшие тех, что приехали сюда раньше, на подводах, из того же Кунгура, чтобы разведать удобное место для будущего завода.

Из барок разгружали инструменты, строительные припасы, производственное оборудование. А вдали на реке уже маячили новые коломенки и барки.

Еще в октябре прошлого, 1722 года, с барабанным боем в Кунгуре объявили указ о строении на реке Егошихе медеплавильного завода. Кликали подрядчиков для поставки материалов и постройки зданий новых заводов. Всем, кто пожелает к строению тех заводов «кирпич и уголь ставить и анбары строить подрядом, те б люди для подряду и договору о цене явились в канцелярию ведомства». Правительствующий сенат приписал к строению Егошихинского завода два села Кунгурского уезда — Кылосовское и Комарово с деревнями, в которых было мужского полу 735 душ.

И вот теперь они съезжались — пешие и конные, на коломенках и стругах, приписные крестьяне и вольнонаемные, бобыли и колодники, рудознатцы и плавильщики, рудокопы и каменщики, углежоги и плотники.

ИЗ ЛЕТОПИСИ ПЕРМИ

1735 год

В поселке Егошихинского завода открыта «Цифирная школа».

1787 год

В Перми числилось 3800 жителей при 631 дворе.

1792 год

Открыта первая на Урале типография. Первой книгой, отпечатанной в ней, был труд штаб-лекаря М. Гамалея «О сибирской язве и ее народном лечении...»

1807 год

Управление горными заводами края переведено из Екатеринбургa в Пермь (до 1831 года).

1838 год

Начала издаваться первая на Урале газета — «Пермские губернские ведомости».

1863 год

На улицах города появились керосиновые фонари. Электрическое освещение улиц началось с 1902 г.

1868 год

На Мотовилихинском заводе из чугунного слитка весом 4 тысячи пудов изготовлен ствол самой большой в России крепостной 20-дюймовой пушки. Ядра к ней весили 30 пудов каждое.

1871 год

Основан фосфорный завод — первый в России.

1886 год

На Мотовилихинском заводе пущена первая на Урале заводская электрическая станция, построенная по проекту выдающегося русского инженера Н. Г. Славянова. Два года спустя здесь же Н. Г. Славянов демонстрировал изобретенный им способ электрической сварки металлов. Электросварка Славянова получила широкое распространение во всем мире.

1900 год

На улицах Перми появился первый автомобиль.

1905 год

12—13 декабря мотовилихинские рабочие подняли первое на Урале вооруженное восстание против самодержавия.

1916 год

В октябре состоялось открытие первого на Урале высшего учебного заведения — отделения Петроградского университета.

Из Кунгура приплыли в основном кузнецы, издавна славившиеся своим умением, недаром еще в 1679 году специальной грамотой кунгурские мастера были вызваны в Москву для починки и изготовления ружейных замков.

Из близлежащих деревень шли плавильщики, которые частным образом сами плавил в ближних урочищах железо в малых печах. Этим делом отныне им запрещено было заниматься, чтобы таким образом заполучить на казенный завод опытных мастеров своего дела.

В мае на закладку завода съехались из Кунгура начальственные лица и горные чиновники, церковнослужители, купцы и солдаты.

В воскресенье, 4 мая, после торжественного молебна, как это было положено на Руси, у наскоро сбитых столов работных людей угощали вином и бараниной. На угоре палили из пушек и ружей.

А на высоком обрывистом берегу Егошихи, откуда хорошо просматривалась вся долина, стоял артиллерии капитан Василий Никитич Татищев. Он лично сам выбирал место для будущего поселения, сам снимал план местности и составлял проект укрепления поселения на Егошихе. Теперь он стоял и прикидывал ее будущее, думая о тех удобствах, которые сулила поселению и заводу красавица Кама.

Был он невысокого роста, сухопарый, со шрамом на правой щеке — сподвижник смелого царя Петра, один из самых энергичных и деятельных проводников его начинаний и преобразований, в будущем видный государственный муж, крупнейший ученый — историк, географ, филолог, естествоиспытатель, экономист, организатор горной промышленности, стремившийся превратить Урал в опорный край России.

До поздней ночи на берегу Камы не стихал гомон. Повсюду горели костры, озаряя бородатые лица — работные люди толковали про свое житье-бытье, про будущий завод, который им с завтрашнего дня доведется строить.

А на рассвете долина Егошихи наполнилась перезвоном плотничьих топоров и кузнечных молотов, визгом пил и скрипом телег. Падали наземь деревья. Ухала чугунная баба, забывая первые сваи в заводскую плотину. Всеми работами руководили выпускник Московской артиллерийской школы Дмитрий Одинцов и «приставник», пленный шведский офицер Гюкан Берглин.

А тем временем где-то в тайге вели поиск новых залежей рудоискатели Иван Кондаков, Боляк Русаев, Никон Шаламов и другие первооткрыватели прикамских руд. Их поиск был полон опасностей — строгановские приказчики постоянно охотились за теми, кто указывал залежи руд для казенных заводов.

Простые людишки, крестьяне и бобыли тесали камни и обжигали кирпич, возводили стены и добывали руду. Не было цены золотым рукам строителей. Но жизнь их была нелегкой. Жили они в сырых землянках и шалашах, гибли от простуды, от голода, от несчастных случаев, от непосильных тяжестей.

Медь нужна была России. И Прикамье стало давать ее. Вскоре Петру I уже отпала надобность свозить на Пушечный двор церковные колокола для литья гаубиц и mortир — медных слитков стало в достатке.

Строительство Егошихинского завода шло быстро и велось меньше года. За этот период была построена плотина, плавильня с шестью плавильными печами, две кузницы, амбары для руд и припасов, заводская контора, светлицы — управительские и на проезд начальников, семь изб для житья служителям и мастерам.

людям. Все эти строения обнесли высоким палисадом с четырьмя бастонами на углах.

Так в долине Егошихи, примерно в том месте, где сейчас висит старый заброшенный мост, начинала рождаться Пермь, а по тем временам — Егошихинский завод, которому судьба приготовила большое будущее.

Основатель Егошихинского завода Василий Никитич Татищев с особой симпатией относился к своему детищу, предвидя его будущее. Отозванный Петром Первым в Петербург, он и оттуда прислал в декабре 1723 года «к содержанию Егошихинского завода» своих собственных денег триста рублей и содействовал тому, чтоб на облюбованном им месте в полную силу работал завод.

То был его особой стратегии расчет. На берегу Камы, в преддверии богатого Урала, на границе Азии и Европы рождался горный городок, которому суждено было в освоении края сыграть особую роль. Заложена чуть ниже устья Чусовой, в том месте, где Кама становится полноводной, Егошиха надежно связывает горный Урал с Волгой, с центральными и южными областями России.

В. МИХАЙЛЮК

СУДЬБА ЕГОШИХИ

Счастливой была судьба Егошихи. Прямо на глазах росла и крепла она, обретая все большее значение в жизни края. Молодой Егошихинский завод, набрав темпы, стал основным поставщиком меди Прикамья. Баржа за баржой шли на пушечные фабрики и монетные дворы страны.

Удобная пристань, оборудованная для отправки металла по Каме и Волге в Россию, с каждой навигацией привлекала все больше проходящих мимо караванов — с Чусовой, с верхней Камы и Вишеры и с идущих встреч им — для ремонта, замены лоцмана, пополнения экипажа. Бородатые кормщики, зашедшие в егошихинский «порт», удивлялись: еще и не подросли ребяташки, родившиеся в год основания завода, а пристань стала уже важным станом, связывающим север и восток с югом и западом страны.

Да и сам завод оказался центром прикамского промышленного района. Так что даже издавна обосновавшееся в Соликамске «Пермское горное начальство» — управление прикамского горного округа — пришлось перевести сюда, в Егошиху. Теперь ее административно-хозяйственная власть распространилась на всю обширную территорию Прикамья — хошь не хошь, а Егошихе поклонись. В 1735 году здесь — заботами В. Н. Татищева — открыли «цифирную школу», построили «гошпиталь». И стала Егошиха как бы некоронованной столицей горного края.

В 1917 году оно получило права самостоятельного университета.

1917 год

4 марта в Перми образован Уральский Совет рабочих и солдатских депутатов.

1917 год

16 декабря открылся губернский съезд Советов рабочих и солдатских депутатов, провозгласивший власть Советов в губернии.

1918 год

24 декабря колчаковские войска захватили Пермь.

1919 год

1 июля 29-я дивизия Красной Армии освободила Пермь.

1919 год

В декабре открылся один из первых в стране детский клуб «Муравейник», положивший начало созданию детской коммунистической организации в крае.

1920 год

В феврале восстановлен и открыт для движения взорванный колчаковцами железнодорожный мост через Каму. Совет труда и обороны в постановлении, подписанном В. И. Лениным, поздравил рабочих Перми с этой победой.

1920 год

В марте открылся рабфак Пермского университета, первый на Урале рабочий факультет.

1923 год

В связи с образованием Уральской области Пермь стала окружным городом.

1924 год

Дополнительно к уже выходившим газетам «Горн» и «Звезда» начали выходить периодические издания: «Страда», «На третьем фронте», «Экономика», «Известия биологического института», «Медицинский журнал», «Студент-пролетарий», «Пермский труд». 20 сентября 1924 года вышел первый номер газеты пермских пионеров «Будь готов».

1925 год

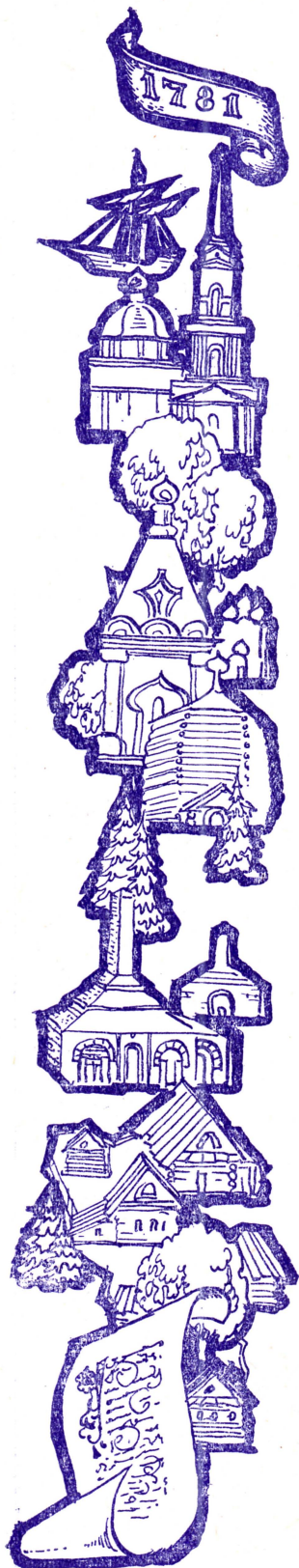
Организована первая в крае детская экскурсионно-туристская станция.

1925 год

На заводе Уралсепаратор выпущен первый в России молочный сепаратор марки «Звезда».

1935 год

С конвейера завода им. Я. М. Свердлова сошел первый авиамотор марки М-25 конструкции А. Д. Швецова. За выпуск этого мотора

И хотя переданный в 1759 году в частные руки (Екатерина II пожаловала его канцлеру графу Воронцову) завод стал хиреть — от неумелого управления и от истощения рудной базы, а управление округом было переведено в Кунгур, Егошиха оставалась крупным транспортно-перевалочным пунктом на пути из Сибири в Россию и центром оживленной торговли. Этому, кстати, помогла и отмена в 1763 году существовавших прежде (с XVI века) ограничений на торговлю с Сибирью — освобожденные от пошлин сибирские товары потоком обозов и караванов двинулись за Урал. Аж от самого Тобольска приплывали суда водными дорогами, разведанными еще Ермаком, а вереницы телег и саней приходили и из более дальних мест — по проложенному недавно новому Сибирскому тракту, не миновавшему этот удобный пункт.

Академик И. Г. Георги, проезжавший Егошиху в 1773 году, назвал ее «оживленным горным городком». К тому времени по числу домов (около 400) она далеко обогнала даже древнейший город Прикамья — Чердынь (270 дворов).

Не случайно поэтому Егошихе вскоре предстояло подняться еще выше среди всех своих прикамских и уральских соседей. Когда в 1775 году царица Екатерина решила объявить административную реформу, чтобы привести в порядок свое расстроенное после Пугачевского восстания государство, встал вопрос о выборе центра для вновь создаваемой Пермской губернии. Посланные в эти края «для приискания удобного места» казанский губернатор Мещерский и генерал-поручик Кашкин, «определенный в должность генерал-губернатора Пермского», остановили свой выбор на Егошихе, хотя были претенденты и постарее и посолднее.

В ноябре 1780 года последовал царский указ Кашкину, утверждавший этот выбор: «Уважая выгодность положения Егошихинского завода и способность места сего для учреждения в нем губернского города... предписываем вам город губернский... назначить на сем месте, наименовав оный город Пермь».

Все лето в спешке и горячке велись строительные работы, чтобы довести «оживленный горный городок» до кондиций губернского города к установленному указом сроку. Строители срок выдержали — 18 (31) октября 1781 года состоялось торжественное открытие Пермского наместничества и церемония обращения Егошихи в его столицу с новым именем — Пермь.

А. ПОХОДОВ

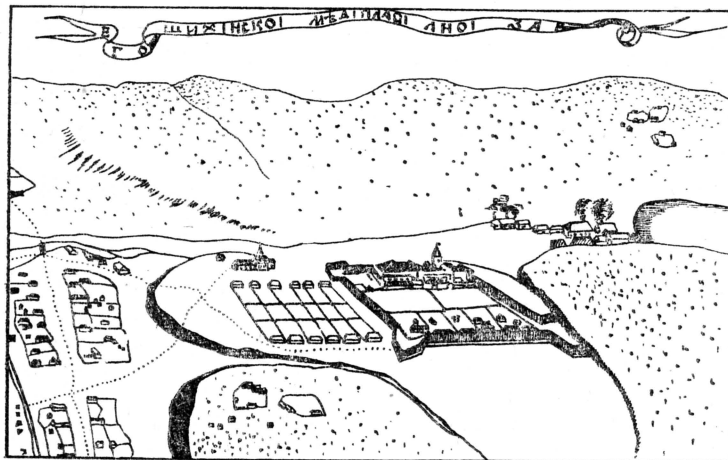
ДЕСЯТЬ ЛЕТ СТУСЛЯ

ПЕРМЬ, главный город всего Наместничества, стоит на левом берегу реки Камы, при устье речки Ягошихи, на возвышенной равнине с небольшим угором к реке Каме, с восточной же и западной сторон окружают его два возвышения, отделяющиеся от ровного места глубокими логами, с которых положение всего города вдру обозреть можно...

...Сколько ни коротко время, протекшее от учреждения города Перми, однакож находятся уже многие признаки, по которым должно его причислить к не последним городам. Правильное и порядочное расположение онаго придает ему надлежащий вид и красоту. В нем находятся две церкви, ... Генерал-Губернаторской, Губернаторской, Виц-Губернаторской дома, главное Народное училище, основанное в 1786 (году), Сентября 22, в коем юношество всякого звания обучаются различным знаниям на природном языке; смиренный дом, богадельня, гостиный двор четырехугольной фигуры, с находящимися вне онаго лавками; вновь выстроенных обывательских домов 500, из коих многие расположены порядочно и красиво, застроенных каменных зданий 1, все ж жительство со старым селением содержит 738 домов...

...В вешнее время по вскрытии реки Камы приступают к городу множество плывущих с веру оной судов, составляющих казенные и частные караваны для запасения себя хлебом и друими нужными вещами; а в осеннее в Сентябре месяце из пришедших с низу судов, нагруженных разными товарами, происходит выгрузка оных, которые по том развозятся сухим путем в города Пермского и Тобольского Наместничеств. Пермский уезд изобилует медными и железными рудами, лесом и хорошими пахотными землями...

Из книги: «Древняя Российская Вивлиофика, содержащая в себе собрание древностей Российских, до истории, географии и генеалогии Российския касающихся, изданная Николаем Новиковым. Отпечатанная в Москве в Типографии Компании Типографической в 1791 году».

ЕГОЖИХИНСКИЙ МЕДЕПЛАВНЫЙ ЗАВОД
СТАРИННЫЙ РИСУНОК

завод был награжден орденом Ленина.

1938 год
Постановлением Президиума ЦИК СССР образована Пермская область, город Пермь стал областным центром.

1941 год
Пермский телефонный завод выпустил первый телефонный аппарат. Ныне пермские телефоны закупаются многими странами мира.

1953 год
Началось перекрытие Камы у города Перми в месте строительства Камской ГЭС. В ноябре 1956 года КамГЭС достигла проектной мощности 500 тыс. киловатт.

1956 год
Началось строительство крупнейшего в Европе Камского кабельного завода. В 1957 г. завод выдал продукцию.

1958 год
Вышел первый номер сатирического журнала «Спутник крокодила», издающегося на Моторостроительном заводе им. Я. М. Свердлова.

1960 год
Организован Пермский политехнический институт, самый молодой и самый крупный вуз города — в нем обучается более 14 тысяч студентов.

1964 год
На заводе им. Дзержинского выпущена миллионная мотопила «Дружба». Ее серийное производство началось в 1956 г.

1965 год
20 марта в районе Перми приземлился космический корабль «Восход-2». Летчики-космонавты П. И. Беляев и А. А. Леонов стали первыми почетными гражданами города Перми.

1969 год
Пермскому государственному театру оперы и балета им. П. И. Чайковского, одному из старейших на Урале, присвоено звание академического.

1970 год
На судостроительном заводе «Кама» заложен первый нефтерудовоз грузоподъемностью 4 тысячи тонн в морском исполнении.

1972 год
На золотых приисках в Якутии закончен монтаж гигантской драги № 135, изготовленной на Пермском заводе им. Ленина.

Иван Дмитриевич Чугурин (давний снимок).

и один из организаторов этого восстания, скрывался от полиции. В начале января 1906 года он нелегально прибыл из Нижнего Новгорода в Пермь с паспортом на имя Константина Алексеевича Вошинина. Член РСДРП с 1902 года, Чугурин руководил в Перми партийным кружком высшего типа, занимался политическим образованием рабочих Мотовилихинского завода, работал в химической лаборатории взрывчатых веществ при штабе боевой дружины Пермского комитета РСДРП. Жил Иван Дмитриевич в поселке Мотовилихе, в нескольких верстах от города.

Во второй половине января 1906 года в Пермь и Мотовилиху по заданию ЦК РСДРП приехал

ОН ВРУЧАЛ ПАРТБИЛЕТ

Незабываемой была встреча рабочими, революционными солдатами и моряками Петрограда Владимира Ильича Ленина на Финляндском вокзале третьего апреля 1917 года.

Широко известны многие детали этого первого свидания Ильича с Россией после его возвращения на родину из десятилетней эмиграции. Но немногие знают об одном очень важном эпизоде этой встречи.

В 11 часов 10 минут вечера поезд подошел в перрон Финляндского вокзала. Улыбающийся, взволнованный Ленин спускается с подножки вагона. Питерские рабочие преподносят ему букет живых цветов, горячо приветствуют. В этот торжественный момент к Ильичу подошел секретарь Выборгского райкома РСДРП(б) Петрограда Иван Дмитриевич Чугурин.

— Разрешите, Владимир Ильич, вручить вам, по поручению большевиков Выборгской стороны, партийный билет.

Чугурин подал Ленину карточку за № 600 из плотной бумаги. Принимая партийный билет, Владимир Ильич сказал: — Благодарю вас, товарищ Петр!

Оказалось, что он давно знает Чугурина, помнит даже его партийную кличку. Он обнял Чугурина и с гордостью положил карточку в карман.

Это был первый партбилет основателя нашей партии. Известно, что до Февральской революции коммунистам, в целях конспирации, партийные билеты не выдавались. Поэтому и вождь большевистской партии получил свой первый партбилет лишь после свержения самодержавия, возвратившись на родину.

Но кто же был И. Д. Чугурин, которому выпала эта высокая честь? Оказывается, он имел отношение к Уралу, точнее — к Перми.

После вооруженного восстания в Сормове в 1905 году И. Д. Чугурин, как участник уличных боев

из Екатеринбурга Я. М. Свердлов. Он был обрадован, встретив здесь своих боевых друзей-подпольщиков по Нижнему Новгороду, в том числе и Чугурина.

Некоторое время первым проводником по Мотовилихе и Перми у Я. М. Свердлова был молодой рабочий, большевик Михаил Павлович Туркин. Но случилось так, что его пришлось «спрятать» от глаз полиции в подпольной большевистской типографии, находившейся в Перми на улице Монастырской. Якову Михайловичу потребовался новый провожатый, хорошо знавший Мотовилиху. И Чугурин, беспокоившийся о безопасности Свердлова, подыскал надежного человека.

В мартовский вечер 1906 года у Сунцевского моста в Мотовилихе, на улице Большой, появились Свердлов и Чугурин. Иван Дмитриевич сразу же исчез, чтобы не навлекать подозрений полицейских, которыми буквально кишела в ту пору Мотовилиха. Свердлов решительно направился к крепкому

**СТАРАЯ И НОВАЯ
ПЕРМЬ**

Фото Э. КОТЛЯКОВА

ПЕРВАЯ ЖЕРТВА

След был свежий. Отпечатки самодельной обуви — чарыков — пересекали взрыленную бороной контрольно-следовую полосу (именуемую сокращенно КСП) и тут же возвращались обратно. Точно какой-то шальный бродяга топтался здесь.

Но едва ли это было так: «шалый бродяга» далеко в погранзону не зайдет — его остановят.

Станным было и то, что след не вел ни к границе, ни в сторону аулов, расположенных по краю песков Каракумов, а уходил по каменистому ущелью в горы, где не было ни дорог, ни каких-либо населенных пунктов.

— Посвети-ка еще, сынок, — сказал лейтенанту майор Кайманов.

Ему, опытному следопыту, заместителю коменданта, пришлось сегодня самому выехать сюда к границе, чтобы помочь организовать поиск молодому начальнику заставы лейтенанту Воронцову.

Воронцов включил следовой фонарь, опустил его к самой земле. Ослепительно белый луч выхватил из темноты склонившуюся над следом сухопарую фигуру замполита заставы младшего лейтенанта Пинчука, отпечатки обуви нарушителя на взрыленной поверхности, попавшие в след с краев комочки грунта. Эти комочки и не стершаяся еще выпуклая полоска от косой трещины на пятке правого чарыка означали, что кто-то побывал тут совсем недавно.

— Нарушитель прошел до того, как поднялся ветер, — сказал Кайманов. — Выехали мы из комендатуры около четырех. В двадцать минут пятого подул утренничек, сначала порывами, потом засифонил полным ходом... Сейчас без четверти пять, — значит, давность следа не больше часа.

— А я что-то и не приметил, когда утренник дул, — признался Воронцов. — В машине ветер все навстречу.

— Из машины тоже можно приметить по листве кустов и деревьев, — сказал Кайманов. — Ну что ж, давайте разбираться, кто здесь побывал...

— Разве и это можно узнать?

— Захочешь, и характер узнаешь... Вот, смотри: на пятке правого чарыка — трещина. Аккуратный человек чарык зашьет, а этому — наплевать. Сразу видно, лодырь... Правую ногу ставит «полуелкой», левую волочит. Энергичный — ноги ставит параллельно. А этот — наверняка шаромыга, и весу-то в нем килограмм пятьдесят, не больше, вместе с его торбой.

— Однако пятка следа заглублена больше, чем носок, видимо, нарушитель — человек в возрасте, — заливая след гипсовой кашицей, сказал младший лейтенант Пинчук.

Всей комендатуре было известно, что недавно прибывший на заставу Пинчук увлекался криминалистикой, и Кайманов, уважая всякую науку, терпимо относился к его замечаниям. Даже называл Пинчука не иначе, как на «вь».

— До КСП-то он все-таки дошел? Значит, не так уж и прост, — поддержал своего замполита Воронцов.

Лейтенанту, видимо, хотелось, чтобы нарушитель оказался опасным диверсантом. Замечание майора насчет «шаромыги» его явно разочаровало.

Кайманов понимал, что и Воронцов и его замполит, младший лейтенант Пинчук, смотрят на него, как на человека, уже отработавшего свое, хоть и не лишённого некоторого практического опыта. Что

ПЕРЕДАЮ ЦЕЛЬ

*Приключенческая
повесть*

Анатолий ЧЕХОВ

Рисунки Н. Мооса

говорить, опыта ему не занимать: тридцать четыре года на границе в этих горах, сначала начальником заставы, а затем и заместителем коменданта,— все это чего-нибудь да стоит...

Майор наклонился, еще раз внимательно осмотрел следы, измерил длину шага, сравнил глупину отпечатков с заглаблением следа лейтенанта. Со своими отпечатками не сравнивал: сапоги шил всю жизнь на заказ, обмундирование, как правило, брал самого большого размера.

В общих чертах он уже представлял себе, что за человек здесь побывал, хотя интуиция, конечно, не доказательство.

Лейтенант выключил следовой фонарь, и Кайманов некоторое время ждал, пока глаза привыкнут к темноте. Вид ночных гор, великолепные чинары, поднимающие свои кроны в звездное небо, журчащий в темноте у подножья этих чинар ручей, шорохи щебенки по склонам и посвист охотящихся сохачей,— все это, с юности знакомое и привычное, составляло ощущение границы, где были его дом, его работа...

Он спросил Воронцова:

— Все ли направления перекрыл, товарищ лейтенант?

— Застава поднята по тревоге согласно боевому расчету,— ответил тот.— На особо важные направления выслал дополнительно наряды.

— А в район родника Ак-Чишме?

— Так это же у соседей и вроде бы в стороне?

— Ручаться не могу, но нарушитель, скорей всего, выйдет туда: родник единственный во всей округе. Направь к нему усиленный наряд: нарушитель, может статься, и не один...

Лейтенант включил радиостанцию, передал дежурному по заставе, чтобы тот выслал на машину наряд к роднику Ак-Чишме. В это время младший лейтенант Пинчук закончил свои исследования и, подойдя к Кайманову, словно бы оправдываясь, сказал:

— Товарищ майор, у меня все. Надеюсь, не задержал...

— Если вы закончили, то поехали,— никак не отреагировав на извинения Пинчука, сказал Кайманов, а сам подумал:

«Все-таки, на кой черт сюда поперся этот нарушитель? Чтобы запутать следы? Чьи следы?.. Отвлек на КСП и тут же вернулся? Зачем? Чтобы отвлечь на себя преследователей? А кто может поручиться, что он пришел один, что нет еще какого-нибудь сюрприза?»

Когда сели в машину и выехали на шоссе, Воронцов спросил:

— Что можно сказать насчет этих следов, товарищ майор?

— Ну, что можно сказать?.. Побывал здесь человек никчемный, какой-нибудь бродяга-зимогор. На КСП попал по дурости или по чьей-либо указке. Дальше КСП не пошел, значит, шел без смысла. А может быть, и со смыслом: привлечь к себе внимание... Роста ниже среднего, худой, на правую ногу прихрамывает, обувь тридцать девятого размера. Чарыки носить отвык: жмут они ему, из сыромятины сделаны, ссохлись. От чарыков и охромел... Ну, что еще?.. Ходит расхлябанно, ступни ставит врозь, плетется шалаяй-валаяй. Одет в ватник, домо-тканые штаны, курит терьяк...¹

Заметив сдержанную улыбку на лице Пинчука, Кайманов умолк.

— Вы так расписали нарушителя, товарищ майор,— сказал Пинчук,— как будто знаете его сто

лет: и в ватную телогрейку одет, и терьяк курит, еще и прихрамывает...

— Когда задержим, увидите,— ответил Кайманов.— Кроме того, что в ватник одет, еще и небрит...

Пинчук и Воронцов переглянулись, промолчали. А Кайманов подумал:

«Насчет того, что «не брит», может и зря сказал. Но ведь наверняка небрит! Эти замухрышки раз в году бреются, а терьякеш в горах не первый день...»

В предутренней темноте по обеим сторонам шоссе угадывались то виноградники с низкорослыми, скрюченными лозами, то невысокие дувалы, сложенные из камня-плитняка.

Газик круто свернул с проселка, подъехал к заставе. На крыльцо выбежал дежурный:

— Товарищ майор, разрешите обратиться к лейтенанту Воронцову. Товарищ лейтенант, вас к телефону...

Офицеры вошли в канцелярию. Воронцов взял трубку.

— Семин?.. У родника Ак-Чишме?.. Никого нет?.. И следов никаких?.. Армейские сапоги?.. Что ж вы собственные следы не узнаете?

Кайманов молча наблюдал, как на лице Воронцова все заметнее проступало выражение досады. Положив трубку, лейтенант оглянулся на майора, словно ожидая от него объяснений. Тот снял трубку, доложил коменданту:

— Товарищ майор, всей группой выезжаем к роднику Ак-Чишме. Прошу дать указание начальнику соседней заставы—блокировать ущелье в районе урочища Кара-Тыкен. В случае появления неизвестных, будем действовать вместе.

«Ах, Семин, Семин,— мысленно посоветовал Кайманов,— что-то ты там, друг сердечный, опять недосмотрел! А ведь сколько на тебя одного и времени и сил потрачено!..»

Знакомство майора Кайманова с ефрейтором Семиным состоялось еще в прошлом году, когда Семин только прибыл на заставу с учебного пункта. Кайманов проводил на местности занятия с молодыми солдатами, а после занятий, отпустив группу с сержантом, сам решил пройти лошинкой, посмотреть—нет ли выводов горных курочек. Шел, шел, да и заметил, что солдаты на вышке неподалеку от заставы Воронцова очень уж бдительно несут службу. Только смотрят в бинокль не вокруг, а все в сторону границы, как будто именно оттуда ждут нарушителя.

Кайманов скрытно, со стороны кустов, зашел к вышке, постучал камнем по опоре:

— Есть кто живой?..

Семин, худощавый, жилистый, вытянул шею, посмотрел вниз и ответил:

— Есть...

А сам не знает, что ему делать: то ли документы спрашивать, то ли тревогу поднимать.

Кайманов видит такое дело и спрашивает:

— Подскажи, браток, как тут ближе за кордон пройти?

Ну, Семин понял, что его разыгрывают, и говорит:

— Я вас, товарищ майор, сразу узнал. Видел еще, когда вы у белых камней стояли.

— Молодец, что кого-то у белых камней видел, бдительный часовой. Только я с другой стороны, от кустов ежевики подходил. А почему ты решил, что именно меня видел?

— А вы с группой вон в том распадке занятия проводили...

¹ Терьяк — опиум.

— Так то не я проводил. То мой брат-близнец. Он тут у вас живет. А я за кордоном живу. Оттуда пришел, туда и возвращаюсь...

Семина молчит, соображает, что ему делать, а Кайманов и говорит:

— Пока мы тут, милый, с тобой рассусоливаем, тебя вместе с вышкой и твоим напарником очень даже просто можно и за кордон унести...

После этого Кайманов несколько раз приезжал к Воронцову на заставу, брал Семина вместе с другими молодыми солдатами, учил уму-разуму... И вот опять что-то там у Семина не получилось...

Под колесами машины шуршала щебенка, в днище кузова стреляли мелкие камешки. У самой дороги стали попадаться обломки скал.

Сразу, как это бывает в Средней Азии, наступил рассвет: стали различимы пыльные кусты у обочин, во склонам — заросли горного клена, миндаля.

В машине все молчали. Наблюдая за откосами сопки, Кайманов припомнил, казалось бы, незначительное происшествие у того же родника Ак-Чишме. Заставой командовал тогда капитан Аверьянов, служивший теперь в чине подполковника на побережье Балтийского моря. Кайманов уже в те времена был заместителем коменданта погранучастка.

Пришел он как-то к этому роднику посмотреть на горных курочек, взял с собой новенький «зимсон». Выбрал хорошее место, посидел, отдохнул и, уходя, обронил несколько папковых гильз. Не успев вернуться в расположение комендатуры, начальник резервной заставы капитан Аверьянов докладывает: «Товарищ майор, наряд обнаружил в том месте, где вы отдыхали, посторонние предметы иностранного происхождения» и, чуть улыбаясь, кладет на стол две папковые гильзы тоже с маркой «зимсон». Пришлось говорить, нарочно, мол, оставил. Проверил бдительность наряда.

...— Родник!.. — сказал Воронцов.

Действительно, родник нетрудно было определить по свежей зелени, похожей на брошенный у подножья горы коврик.

Машина остановилась. У родника дождался прибытия офицеров старший наряда ефрейтор Семина.

Увидев с лейтенантом Воронцовым майора Кайманова, Семин одернул стеганный, защитного цвета бушлат, отпартортовал:

— Товарищ майор, в шесть часов сорок минут в районе родника Ак-Чишме найден неизвестный без документов и оружия. При обыске в котомке у него обнаружен складной нож, чурек, фляга с водой. В тряпке с полкилограмма опия-сырца.

— Почему «найден», а не «задержан»? — спросил Кайманов. — Где младший наряда?

— Нарушитель найден мертвым, товарищ майор. А младший наряда рядовой Гуляев там, за камнем, охраняет его.

— Идемте...

У обломка скалы маячил младший наряда Гуляев, веснучатый и белобрысый, не успевший загореть на среднеазиатском солнце.

Нарушитель — по виду бродяга из бродяг — лежал навзничь, раскинув руки, устремив остеклевший взгляд в утреннее небо. Серое морщинистое лицо его было спокойно. Казалось, он спал с открытыми глазами. Видимо, смерть наступила внезапно.

Кайманов отметил про себя: все, что он говорил о «шаромыге» совпадало: и рост, и вес, и старый ватник, и ссохшиеся чарыки. К тому же, нарушитель был, действительно, небрит...

То, что именно этот бродяга забрел сегодня утром на КСП Воронцова, не вызвало сомнений: трещина на пятке его правого чарыка была настолько заметна, что и менее опытные специалисты узнали бы его след.

Но, едва увидев мертвого, Кайманов понял, что этот замызганный, доведенный наркотиком до последней степени отчаяния терьякеш — наверняка фигура второстепенная: слишком часто Кайманов встречал таких вот бедолаг, носчиков-контрабандистов, особенно в первые годы своей пограничной службы. Всегда у них были главари, был хозяин. И очень вероятно, что и сейчас хозяин есть, может быть даже по эту сторону границы.

Младший лейтенант Пинчук наклонился к сложенному в сторонке немудреному имуществу нарушителя.

— Осторожно, — предупредил Кайманов. — Терьяк наверняка отравлен.

— А может, просто смертельную дозу хватил? — предположил Пинчук, смотравший теперь на Кайманова с плохо скрываемым удивлением.

— Возможно, — согласился майор. — Причину смерти установит экспертиза, а нам необходимо срочно искать тех, кто отправил его к аллаху.

— Вы считаете, товарищ майор, смерть насильственная?

— Нисколько не сомневаюсь. Его отравили — убрали свидетеля.

— На заставу сообщил? — спросил лейтенант Воронцов у Семина.

— Так точно, товарищ лейтенант...

— Покажите, где видели следы армейских сапог, — спросил у Семина Кайманов. — Ваши это следы или, может быть, еще чьи?..

Семина смешался. Вопрос застал его врасплох.

— Вроде наши, товарищ майор. Других тут не может быть. Нарушитель — в чарыках...

— Вся группа вернулась к роднику. Но у самого родника все было настолько затоптано, что разобраться в следах не представлялось никакой возможности.

— Ах, Семина, Семина, — искренне посетовал Кайманов. — И чему только я тебя учил? Если уж чужие следы не уберегли, покажите хоть, как выглядят ваши собственные.

Оба — старший и младший наряда — наступили на влажную землю у самого родника. Кайманов наклонился, внимательно осматривая отпечатки.

— А на обратную проработку следа ушли у тебя люди? — спросил он у Воронцова.

— Так точно, товарищ майор.

— В каком направлении?

— Последний раз докладывали с направления на урочище Кара-Тыкен.

— Черная колючка, — перевел Кайманов название урочища. — Туда мы и двинемся, да побыстрей.

— А как же со следами от сапог?..

— Если все так, как я думаю, в районе этой самой «Черной колючки» должны быть и сапоги и их хозяева.

Что позволяло сделать ему такой вывод? Ничего определенного. Только то, что в направлении от этого урочища Кара-Тыкен шел терьякеш к границе. Скорей всего, именно там он получил отравленный терьяк — плату за выход на КСП. А это значит, что в урочище могли быть и отравители... Само место многое подсказывало Кайманову. Неподдалеку от этой «Черной колючки» — ущелье, заваленное обломками скал, — естественная крепость, занятая которую в старые времена стремились все главари

контрабандистов. В этом ущелье несколько хороших стрелков могут выдержать осаду целого взвода, а то и роты солдат.

Кайманов из машины передал по радио коменданту, что вся группа едет к урочищу Кара-Тыкен и что Семин с Гуляевым доставят труп нарушителя в комендатуру для медицинской экспертизы.

Газик резко набрал скорость и, лавируя между камнями, выехал на дорогу.

Сколько раз Кайманов проезжал по этой мощной булыжником и только после войны заасфальтированной дороге! В юности он сам строил и ремонтировал ее, зарабатывая на хлеб нелегким трудом каменотеса. Став пограничником, вдоль и поперек исходил не только шоссе, но и все эти хребты, кажущиеся отсюда неприступными, но на самом деле весьма успешно освоенные еще в недавнем прошлом контрабандистами...

Бежит и бежит навстречу серое от пыли извилистое шоссе, петляет между сопками, поднимается серпантинном на склоны, выходит на край огромной, наполненной воздухом и утренней свежестью горной котловины. А по другую сторону котловины поднимается сплошной стеной, изрубцованной вертикальными складками, неприступный и величественный горный кряж.

Словно огромные древние мамонты, ставшие в ряд, горы протянули в долину каменные бугристые хоботы, выставили навстречу солнцу каменные лбы.

— До наших дней на этой скале, — сказал Кайманов, — сохранились развалины старинной крепости Сарма-Узур предводителя древнего племени Асульмы. Грядя эта и сейчас называется его именем. Мальчишками мы лазили в эту крепость, находили серебряные монеты, наконечники стрел...

Отсюда, с дороги, невозможно было рассмотреть горный карниз, запомнившийся Кайманову на всю жизнь.

По этому карнизу лет тридцать назад гнался двадцатипятилетний Яков Кайманов за матерым главарем бандитов Шарапханом, расстрелявшим в семнадцатом году его отца. Тяжело дыша, изнемогая от усталости, молодой Кайманов все выше и выше поднимался по крутому склону, маскируясь за выступами скал. Пот заливал лицо, щипал глаза. Рубаха прилипла к спине. Сердце било в грудь гулками ударами, стучало в висках. Не думая об опасности, слепо веря в удачу, Яков взобрался на карниз и побежал вдоль склона горы над глубокой пропастью. Стемнело. Он почти ничего уже не видел, лишь угадывал направление, но точно знал: Шарапхан здесь, он близко. На карнизе ясно отпечатались огромные следы его ног. И вдруг впереди на фоне звездного неба вырисовался выступ, от которого перед самым носом Якова отделилась тень. Изюм всех сил ударил он прикладом в эту тень и тут же почувствовал, как, повав в пустоту, увлекательный тяжелой винтовкой, летит под откос. На голове его запутался то ли халат, то ли плащ Шарапхана. Словно молотом ударило его в темя, перед глазами вспыхнуло пламя, и он провалился в крошечную темноту...

Прошло немало лет, прежде чем удалось схватить заклятого врага, но до Кайманова дошел слух, что задержанному Шарапхану во время пересылки из одного пункта в другой удалось под бомбежкой бежать. Не он ли объявился опять в этом районе? Сколько раз было у Кайманова: стоит подумать о каком-нибудь человеке, и обязательно или встретиться с ним, или тот окажется где-нибудь побли-

зости!.. Не Шарапхановский ли это почерк? Историю со следами армейских сапог он уже проделал однажды вместе со своим хозяином Таги Мусабековым, ни много ни мало — тридцать лет тому назад...

Вьется и вьется дорога вдоль склона, вихрится пыль, ровно гудит мотор, постреливают мелкие камешки в днище кузова.

И не впервые уже кажется Кайманову, что древние мамонты Асульмы, выстроившись в ряд на противоположной стороне котловины, медленно разворачиваются, теснят друг друга, шевелят каменными лапами, бугристыми хоботами и — тяжелой поступью, неотвратимо, как прожитые годы, отступают назад.

Ни человека, ни силуэта козла или архара на пустынных карнизах, седловинах и склонах. Лишь кое-где, словно нашлепка, темнеет на перевалах и в распадах вечнозеленый древовидный можжевельник — могучие арчи, да кланяются на ветру, словно это нарушители идут по косягору, пушистые метелки «телячьего цветка» — гули-кона...

Из-за поворота дороги выплыло ущелье (поместному «щель»), заваленное огромными обломками скал.

По знаку майора остановились.

— Ну вот и Кара-Тыкен, — сказал Кайманов. — Дальше надо пешком, да еще с маскировкой: в этих гиблых местах недолго за здорово живешь и пулю в лоб схлопотать...

ТРОЙНАЯ СТРАХОВКА

У высокой, почти отвесной скалы, от которой и начиналось предгорье, оставили машину под охраной водителя и двинулись пешком. Не прошли и полсотни шагов, как на рыхлом участке, поросшем верблюжьей колочкой, увидели отпечатки армейских сапог.

— Вот и они, — сказал Кайманов. — Следы свежие. «Друзья» нашего терьякеша сделали дневку, сидят где-то в этих камнях...

Младший лейтенант Пинчук, молчавший всю дорогу, не выдержал:

— Товарищ майор, — сказал он, — вы что, сквозь скалы видите? Как можно утверждать, что здесь были именно те, кто дал терьякешу отравленный опий?

— А вы сличите ваши гипсовые отпечатки со следами, что видите здесь, вот вам и будет ясно. Реплика Пинчука его задела.

— Было бы с чем сличать, — буркнул Пинчук. — У КСП — чарыки, здесь — сапоги. Мало ли пограничных нарядов могло здесь пройти?

— Тогда подождем, что скажут солдаты.

Все обернулись в ту сторону, куда показывал Кайманов, увидели двух бегущих к ним пограничников с собакой на длинном поводке.

Старший наряда — сержант — доложил майору, что обратная проработка следа привела их сюда, в урочище Кара-Тыкен, и что нарушители пока не обнаружены. Он хотел было снова продолжать поиск, но Кайманов остановил его:

— Пока не торопитесь...

На вопросительные взгляды присутствующих ответил:

— Здесь они. Никуда не денутся. За поворотом горный отщелок, а в отщелке — небольшие пещеры-гавахи. В одной из этих пещер, наверное, и сидят. Надо хорошенько подумать, прежде чем их брать,

А пока нам нечего тут маячить. Давайте-ка за скалу, да побыстрее...

— А вы уверены, товарищ майор, что именно те, кто отравил терьякеша, надели наши армейские сапоги и пришли сюда?

— Пока лишь на девяносто девять процентов...

Кайманов внимательно осматривался, как будто нарочно оттягивая время. Насколько он торопился догнать нарушителей, когда обнаружил след на КСП, настолько сейчас не спешил.

Что говорить, Кара-Тыкен — знакомое место! Скверное место! Как есть черная колючка: загнишь — не вытащишь. Лучшее место для засады... Так кому и для какой цели понадобился этот трюк с армейскими сапогами?

Он заметил, как на гребне скалы качнулась ветка арчи. У ближайшего камня появилась фигура солдата-пограничника. Кайманов узнал его: ефрейтор с соседней заставы.

Сделав знак, чтобы тот вышел из сектора обстрела со стороны устья ущелья, Кайманов прислонился плечом к шероховатому, нагретому солнцем камню, подождал остальных.

— Товарищ майор, докладывает ефрейтор Демченко! Нарушители дошли до отщелка. Младший наряда рядовой Баяджиев наблюдает за ними со скалы. Товарищ майор! Баяджиев сигналил! У нарушителей замечено какое-то движение. Разрешите идти на задержание...

— Не торопитесь. Успеем. Деваться им некуда. Выход из ущелья с той стороны блокирован. Полезут наверх — Баяджиев увидит. Скажи лучше, откуда ты взял, что здесь, в отщелке, нарушители? Следы от армейских сапог.

Вопрос этот он задал больше для того, чтобы ответ услышал младший лейтенант Пинчук.

— А других нарядов, кроме нашего, здесь не может быть, товарищ майор. Два наряда в одно место не пошлут, — ответил удивленный Демченко. — Значит, нарушители...

— Правильно, — одобрил Кайманов, — продолжай наблюдение. Разделимся на две группы, товарищ лейтенант, — сказал он Воронцову. — Мы с младшим лейтенантом Пинчуком пойдем на сближение прежним курсом, а вы с солдатами в обход и наверх. Как подниметесь, просигнальте, чтоб мы видели. Огонь открывать только в воздух — по моему знаку: брошу вверх камень или комок земли. Брать будем живьем...

— Слушаюсь, товарищ майор, — четко сказав Воронцов.

Они разделились на две группы. Кайманов и Пинчук некоторое время наблюдали, как Воронцов с солдатами карабкаются наверх по едва заметной тропинке — в обход на скалу. Только когда те скрылись из вида, двинулись вперед.

Едва майор оглянулся, чтобы посмотреть, на каком расстоянии идет за ним младший лейтенант, со стороны ущелья ударили выстрелы.

Оба мгновенно упали за камни. Кайманов дал знак, чтобы Пинчук не поднимался, а сам осторожно осмотрелся. Ничего не увидев, тоже замер в неудобной позе за камнем.

Томительно потянулись минуты. Если бы не часы, которые Кайманов видел, не поворачивая головы, на руке младшего лейтенанта Пинчука, можно было бы подумать, что прошел и час и два. На самом деле не прошло и получаса, как на противоположном склоне качнулись кусты, и среди камней показались осторожно спускающиеся по косогору люди... Всего двое... Есть ли еще?.. Что, если этих двоих откуда-нибудь прикрывает третий?..

Кайманов, не меняя положения, подбросил вверх комок земли так, чтобы сигнал увидел лейтенант Воронцов. Тут же над головами нарушителей ударила автоматная очередь.

— Бросай оружие! — вскакивая на ноги, крикнул Кайманов.

Растерянные, с перекошенными лицами нарушители, бросив на землю винтовки, медленно подняли вверх руки. Оба — восточного типа, темнолычие, горбоносые, с густыми бровями. У того, что постарше, седеющая борода. Одеты в заплатанные куртки, такие же ветхие, чуть ли не домотканые штаны. Зато обуты в новые, добротные, покрытые пылью армейские сапоги.

Униженно кланяясь, испуганно оглядываясь по сторонам, оба затянули такое неважущее, что даже Кайманов, отлично знавший язык, не сразу разобрался, о чем они говорят.

Лейтенант Воронцов приказал проверить, нет ли у них холодного оружия, и начал было допрашивать задержанных, но Кайманов остановил его:

— Товарищ лейтенант, прикажите солдатам охранять задержанных. А офицеров прошу со мной вон к тому роднику...

Когда Воронцов и Пинчук подошли, он спросил:

— Так сколько здесь было нарушителей, товарищи начальники?

— По всем данным — двое, — ответил Пинчук. — И оба — в армейских сапогах.

— Что в сапогах, то верно, — согласился Кайманов. — А вот то, что только двое — этого я не говорил.

Некоторое время они внимательно осматривали влажный песок у родника, изучая отчетливые отпечатки армейских сапог.

На тропинке Кайманов без труда отыскал след затыльника приклада одной винтовки. В полукруга метрах от этого места увидел маленькое полукруглое углубление диаметром всего в две копейки — отпечаток рукоятки затвора второй винтовки. Но не это он здесь искал.

Вернувшись к самому роднику, Кайманов еще раз осмотрел всю площадку вокруг него и там, где была примята трава, собрал в бумажку белый пепел от дорожного папироса.

Это уже была находка. Такой пепел бывает только от легкого табака. Запустив пальцы под травянистый кустик, Кайманов вытащил втиснутый в землю окурочек с золотым ободком на мундштуке.

— Вот вам и третий, — с удовлетворением сказал он. — Срочно сообщите коменданту подполковнику Журбе. — Те двое, что по нас стреляли, наверняка таких папирос и в глаза не видели...

Самый тщательный осмотр больше никаких вещественных доказательств не дал. Но Кайманов снова и снова, шаг за шагом, явь за явдью исследовал камни и траву у самой лужицы кристально чистой воды, песок, кусты шиповника, подступавшие к самой тропинке, взяв в спичечный коробок немножко земли с того места, где нашел окурочек, у самой тропки, ведущей к роднику, сгреб в клочок газеты щепотку пыли. Присмотревшись к кусту шиповника, аккуратно срезал небольшую веточку вместе с шипами, тщательно завернул ее в носовой платок, затем в газету.

— Разрешите задать вопрос, товарищ майор, — наблюдая за ним, сказал младший лейтенант Пинчук. Он тоже внимательно обследовал всю площадку вокруг родника. — Если не секрет, для чего вы срезали шиповник?

— Для гербария. Собираю листики-цветочки...

Может быть, Пинчуку ответ показался невежливым, но не мог же Кайманов выдавать за доказательство — свои предположения, скорее догадки, основанные на едва заметных признаках.

Он их скорее чувствовал, чем видел, эти признаки, одной лишь интуицией заподозрив возможность оставленного здесь кем-то даже не самого следа, а лишь тени следа. Правда, эта «тень», если предположение подтвердится, впоследствии сможет рассказать об очень многом....

Продолжая осмотр, Кайманов краем глаза заметил, как, привлекая внимание Воронцова, Пинчук сделал неопределенный жест, пожимая плечами, дескать, в «следопыта» играет старик, набивает себе цену.

«Цыплят по осени считают», — никак не показав, что заметил это, подумал Кайманов. К правильным выводам такие, как Пинчук, приходят обычно через собственный горький опыт.

— Теперь остается проверить, в каком направлении он выходил отсюда, — идя к дороге, сказал Кайманов.

Вся группа вслед за ним некоторое время пробиралась между обломками скал, затем вышла на открытое пространство.

У куста верблюжьей колючки, на ровном, как стол, такыр Кайманов обнаружил в пыли след сапога с явственно опечатавшимися шляпками гвоздей на каблуках. Сапоги были примерно сорок четвертого размера. Следы вели к дороге.

— Вот здесь, пожалуй, стоит задержаться и сфотографировать след, — обращаясь к Пинчуку, сказал Кайманов.

Он быстро прошел к проселочной дороге, осматривая пыльную обочину. Худшие предположения оправдались: неизвестный след, видно, в попутную машину и уехал. Успеют ли его перехватить на шоссе, ведущем в город? Поедет ли он туда?

— А теперь, лейтенант, — сказал Кайманов Воронцову, — давай команду срочно вести сюда задержанных.

Когда те, конвоируемые Демченко и Баяджиевым, подошли, Кайманов спросил:

— Где третий, что с вами был?

Старший вскинул голову, быстро заговорил:

— Был терьякеш, короткий ватный халат на нем, старые чарыки. Курил терьяк...

— Куда пошел?

— В горы пошел. Говорил, родник Ак-Чишме...

— Я не о нем спрашиваю. Где тот, которого вы проводили сюда, до этого места? Высокий, сильный, в хромовых сапогах. Каблуки подбиты косячками: на одном косячке три гвоздика, на другом — четыре.

— Начальник, откуда взял? Не знаем такого!

Кайманов показал окурок с золотым ободком. С минуту длилось молчание. Наконец, нарушитель, опустив глаза, едва выдавил из себя:

— Если скажем, нас убьют, семьи вырежут...

— Вы уже сказали.

— Ай, начальник! Ничего мы не знаем! Был маленький терьякеш! Пошел родник Ак-Чишме! Никакие папиросы он не курил, терьяк курил.

— Маленький терьякеш уже на небесах у алаха. Терьяк отравлен. Если вы тоже курили, скоро встретитесь...

Кайманов расчетливо нанес удар. Оба нарушителя с таким неподдельным ужасом глянули друг на друга, что сомнений не оставалось: с ними расправились так же, как и с «маленьким терьякешем».

Кайманов вызвал по радио коменданта, доложил о задержании, передал свои соображения:

— Надо перекрыть все дороги и тропы к городу, выслать наряды на железнодорожный вокзал и в аэропорт. Имейте в виду: нарушитель высокого роста, физически очень сильный, крайне опасен своей решимостью. Одет в военную форму. Погоня и фуражка погранчастей. На ногах хромовые сапоги, каблуки подбиты косячками. На правом косячке — три гвоздика, на левом — четыре... И еще... Задержанные курили отравленный опий, направляем их в комендатуру, прошу сообщить, чтобы немедленно вызвали врача...

— В каком направлении ушел тот, кого вы сопровождали? — обращаясь к задержанным, спросил Кайманов.

Бородач рухнул на колени, поднял кверху лицо, воскликнул в отчаянии:

— Начальник! Я понимаю по-русски! Спаси нас! У нас семьи, маленькие дети! Мы правду скажем! Бай послал проводить через гулили¹ большого господина. Здесь он шел. В этом месте нас оставил. Приказал стрелять, если на его след выйдут геопалак². Сказал, если не будем стрелять, его люди убьют нас дома, вырежут жен и детей. Мы стреляли в воздух, в вас не стреляли!..

— Скажи лучше, не попали, — поправил его Кайманов. — Как одет этот ваш господин?

— Ты все сказал правильно: в советском военном... На голове зеленая фуражка. Китель. Погон — четыре звездочки. Хромовые сапоги, какие ваши офицеры носят. Всю дорогу мы своими сапогами, что нам бай дал, его следы топтали... Начальник! Маленькому терьякешу и нам он давал один и тот же терьяк! Скорей вези к доктору!

ПОИСК ПРОДОЛЖАЕТСЯ

— Товарищ майор, у радики подполковник Журба, — лейтенант протянул Кайманову трубку.

Комендант сообщал о том, что поисковая группа выслана и что, тем не менее, сам он выезжает в район развилки дорог, где будет ждать Кайманова.

— Ефрейтор Демченко и рядовой Баяджиев, отвезете задержанных в комендатуру, — приказал майор. — Мы трое, — он обернулся к Воронцову и Пинчуку, — в сопровождении наряда Семина следом по направлению к аэропорту. Туда же выезжает комендант.

Демченко и Баяджиев с задержанными сели в одну машину, Кайманов и Воронцов с Пинчуком в сопровождении Семина и Гуляева — в другую.

Газик резко тронул с места, выбрался на асфальт, помчался по шоссе.

— Не довезет ефрейтор до медпункта этих горе-проводников, — сказал Кайманов.

Пинчук и Воронцов промолчали.

Майор мог бы сказать им, что неизвестный, хладнокровно отправивший на тот свет трех человек, оставляет на грунте следы не менее глубокие, чем сам Кайманов, а это значит — он с грузом. Однако быстро идет. Не человек, а боевая машина. Брать такого будет трудно...

Некоторое время все трое наблюдали, как, словно взлетная полоса, мчится навстречу дорога, как в свете начинающегося дня алеют на зелени по обе стороны шоссе тюльпаны и маки.

¹ Гулили — граница.

² Геок-папак — зеленые фуражки.

— И все-таки, товарищ майор, — сказал Пинчук, — не могу понять, как вам удалось установить, что был еще один, как вы считаете, главный нарушитель?

— А я ведь, как тульский мастер Левша, что аглицкую блоху без мелкоскопа ковал: следы всю жизнь на глазок да вприкидку определяю, — с усмешкой ответил Кайманов.

— Не сердитесь, товарищ майор, — вмешался Воронцов. — И мне понять трудно, откуда вы взяли сегодня столько сведений?

— Здесь любой чабан, любой охотник наблюдателен. А пограничнику сам бог велел...

Кайманов не закончил фразу — впереди на развилке дорог увидел военный «ГАЗ-69» и стоящего у машины подполковника Журбу.

— Последние известия, Яков Григорьевич, — когда машина остановилась, сказал комендант. — Нарушителя мы еще пока не задержали, но почти точно знаем, где его возьмем. Ваш неизвестный отравитель сумел каким-то образом обмануть шофера попутной машины, оставил его на шоссе и сам увел машину в направлении аэропорта, но перед самым аэродромом, видимо, заметил наши заслоны, свернул на проселок и, как предполагаем, выехал на шоссе, ведущее к железнодорожному вокзалу. След я тут же направил резервное отделение. Все дороги, кроме этой, перекрыты. Вас, Яков Григорьевич, прошу контролировать это шоссе от развилки до аэропорта. Проверяйте каждую машину на всякий случай, если он предпримет попытку вернуться. Вам, младший лейтенант, надлежит немедленно выехать в аэропорт. Наряд с рацией уже там. Администрация аэропорта предупреждена. Я еду в город к вокзалу. Каждые пятнадцать минут держать со мною связь по радио...

Пинчук сел в первую попавшуюся машину, умчался в сторону аэропорта. Комендант на своем «газике» — в противоположную. Клубы пыли бросились вслед за машиной коменданта, затем отстали, растеклись полупрозрачной кисеей над дорогой, лениво оседая на придорожные кусты.

Лейтенант Воронцов посмотрел на майора. Тот неопределенно махнул рукой.

— Давай проверяй, — сказал Кайманов. — Встретится кто, останавливай, смотри документы. Толку от этого не будет никакого, но пока ничего другого не придумаешь...

Он не верил, что так просто может закончиться этот поиск, что нарушитель после стольких ухищрений даст себя схватить на дороге, когда и след-то его, как говорится, давным-давно простыл. Но пока что и сам Кайманов не мог предложить никакого другого разумного решения, лишь отметил про себя, как летят одна за другой драгоценные минуты.

Прямой отрезок шоссе просматривался в оба конца на несколько километров.

Приказав Семину смотреть в заднее стекло и оповещать о приближении кого бы то ни было, Воронцов стал наблюдать за дорогой перед машиной. Кайманов же безучастно сидел на переднем сиденье и вел себя так, как будто ничто его уже не касалось.

Воронцов с Семиным и Гуляевым останавливали очередную машину, проверяли документы и отпускали водителя. Через несколько минут все повторялось сначала.

«Тут что-то не так...» — неотступно думал Кайманов, наконец не выдержал и, оставив лейтенанта с солдатами на шоссе, попросил водителя проехать по дороге к аэропорту, туда, где в полукilометре

от перекрестка виднелся мосток, от которого уходил в сторону зарослей турунги узкий проселок. Как сказал подполковник Журба, именно на этот проселок свернул нарушитель, спасаясь от заслонов, выставленных в районе аэропорта.

Выйдя из машины, Кайманов внимательно осмотрел почву, на обочине остановился, удивившись, что мог делать здесь нарушитель в такой спешке, когда уже чувствовал за собой погоню.

Но ошибки быть не могло: хорошо видны были и отпечатки сапог с косячками на каблуках и такого же размера огромных ботинках с рифленой подошвой. В турунге — потревоженная листва, несколько вмятин на почве от каблучков: видимо, те, кто был здесь, изрядно торопились.

Кайманов хлопнул себя по лбу и от всего сердца выругался.

— Что, товарищ майор, нарушитель? — спросил с недоумением шофер.

— Давай скорей к лейтенанту!

Воронцов отреагировал так же, как шофер:

— Наружитель?..

— Черта лысого, а не нарушитель! Провели нас, как малых ребят! Вызывай скорей по радио подполковника!

Воронцов включил рацию, комендант ответил сразу.

— Товарищ подполковник, — взволнованно начал Кайманов, но комендант тут же его прервал:

— Что шумишь, Яков Григорьевич? — умиротворенно сказал Журба. — Взяли мы гуся лапчатого.

— Как взяли? Не может быть! Не того взяли!

— Точно того. Можешь не сомневаться...

— Товарищ подполковник, еще раз вам говорю, не может этого быть!

— Как же не может, когда он с наручниками у нас в машине сидит. Вот тебе и раз! Сам его проманежил от границы до города, а теперь не может быть!

— А приметы?

— Все точно, как ты гозорил. Совпадают и физические данные и гвоздики на каблуках...

— Товарищ подполковник, — едва выслушав его, воскликнул Кайманов, — поскольку вы уже задержали пособника, прошу срочно выехать с ним в аэропорт. Я со своей группой выезжаю туда немедленно. Прошу разрешить действовать самостоятельно.

В трубке — секундное молчание, затем голос коменданта:

— Действуйте, Яков Григорьевич. Выезжаю к вам...

— Вызови-ка мне к рации Пинчука, — сказал Воронцову Кайманов и, когда тот подошел к микрофону, приказал:

— Немедленно предупредите диспетчера аэропорта и сопровождающего пассажиров контролера о присутствии в аэропорту опасного преступника. Передайте приметы: нарушитель высокого роста, в демисезонном пальто бежевого цвета, в зимних ботинках на толстой рифленой подошве. Рисунок следа напоминает панцирь черепахи. Особая примета нарушителя — на тыльной стороне правой руки свежие царапины от колючек шиповника. Об этом обязательно скажите контролеру. При проверке билетов, когда начнется посадка, контролер должен подать вам знак. Достаньте и наденьте комбинезоны, под видом техсостава будьте у самолета, ждите нас. Одного пошлите встречать нас с какой-нибудь аэродромной машиной на поворот дороги.

— Понял вас, товарищ майор, — напряженным голосом доложил Пинчук.

В телефоне раздался щелчок, и на той же волне послышался голос коменданта:

— А у моего нарушителя царапин от шиповника на руке нет, — сказал подполковник Журба.

— И ногти у него наверняка чистые, — добавил Кайманов. — Пальцами в землю он окуроч не прятал...

Пинчук встретил их с машиной техпомощи у поворота дороги, от которого оставалось не больше трехсот метров до аэровокзала.

— Товарищ майор, вот и вам комбинезоны. Диспетчер дал в наше распоряжение эту машину. До отправления ближайшего самолета через Москву в Ленинград остается меньше часа. Пассажира с переданными вами приметам нигде не видно.

— Комбинезоны есть, нарушителя нет, — подвел итоги Кайманов. — Ладно. Встречайте подполковника. Подъедете со своей машиной к ангару, что справа от вокзала. Я буду у начальника аэропорта.

«Неужели ошибся? — по пути к аэровокзалу раздумывал Кайманов. — Тогда задержанный комендантом и есть нарушитель. Или преступник настолько осторожен и хитер, что и здесь приготовил нам какой-то сюрприз».

Представившись начальнику аэропорта, Кайманов отправился к ангару, куда, как он это заметил, уже проехала машина техпомощи с подполковником и задержанным.

— Товарищ подполковник, — доложил он встретившему его Журбе, — самолет в Ленинград через Москву вылетает через тридцать пять минут. Посадка будет произведена через двадцать. Времени в обрез. Хотя я и оставил наблюдение на аэровокзале, но там необходимо быть нам самим.

— А этот?.. — спросил подполковник, открывая дверь в соседнюю комнату, где с двумя конвоирами находился задержанный. Журба как будто хотел сказать: «Чем не хорош?»

Тот был, действительно, хорош. Богатырского роста, с объемистой талией, в запыленных сапогах и форме капитана погранвойск.

Кайманов попросил его показать одну и другую подошву сапог. Сапоги были те самые, не новые, с косячками на каблуках: один косячок подбит тремя гвоздиками, другой — четырьмя.

Вид у задержанного — самый внушительный: из-под насупленных бровей угрюмо смотрят свирепые глаза. Дышит тяжело, широко раздувая ноздри, хотя гонка от границы до города закончилась два часа тому назад и на последнем этапе — не пешком шел, ехал на машине.

Кайманов жестом предложил нарушителю податься и покачал головой.

— Можно увести, товарищ подполковник.

Когда они остались с Журбой одни, добавил: — Пособник. Ему только и не хватает черной повязки на глаз да финку в зубы...

— Ты уверен в этом, Яков Григорьевич?

— Абсолютно. Пройти всю погранзону, отправить на тот свет трех человек, и все только для того, чтобы примитивно попасться патрулю у железнодорожной кассы, — такого не бывает...

— Так что ты предлагаешь?

Кайманов пожал плечами:

— Все должно решиться при посадке пассажиров в самолет, — сказал он. — Нарушителю деваться больше некуда. Любые промедления увеличивают для него степень риска. Это во-первых. А во-вторых, раз уж у него был пособник, отводящий удар на себя, значит, и билет он ему брал на ближайший рейс.

...Кайманов с Журбой, переодетые в комбинезоны, следили за наполнением заправочной автоцистерны в каких-нибудь ста пятидесяти метрах от самолета, под плоскостями которого и у шасси копошились «технари» в комбинезонах.

От здания аэропорта в сопровождении дежурной двинулась толпа пассажиров, среди которых Кайманов еще издали приметил того, за кем гнались они от самой границы.

В первую минуту он усомнился в своем выборе: высокий человек в темных очках, в светло-бежевом демисезонном пальто и такой же шляпе нес чемодан и вел под руку женщину в легком малиновом плаще. Рядом с женщиной, держась за плечо, шла девочка лет пяти. Все трое на ходу переговаривались, спутница высокого пассажира смеялась.

Кайманова прошиб холодный пот: «Неужели ошибся?..» Только вблизи он мог бы сказать, тот ли это человек перед ним, ради которого они ведут поиск с четырех часов утра.

Выждав, когда группа уже почти подошла к самолету, Кайманов поднялся на подножку бензовоза, скомандовал водителю: «Поехали».

Тот медленно направил машину к самолету, остановился под плоскостью у самого трапа.

Кайманов рассчитал точно: как раз в это время импозантный «отец семейства» протягивал билеты стоявшей у подножья трапа дежурной. Она быстро взглянула на подошедшего сбоку Кайманова, но майор и сам увидел смазанные йодом легкие царапины на тыльной стороне кисти «пассажира». По знаку Кайманова «техники» Воронцов и Гуляев, Пинчук и Семин — по два человека с каждой стороны — схватили «пассажира» за руки, с силой завели их к нему за спину, а Журба защелкнул наручники.

В то же мгновение Кайманов схватил задержанного за голову, потянув его ртом к плечу, на котором были нашиты клапаны в виде погончиков с декоративными пуговицами. Сорвал с погончика пуговицу и вытащил из кармана пальто задержанного вороненый «вальтер».

— Продолжайте посадку, — сказал подполковник дежурной, быстро проверяя, нет ли у задержанного еще оружия или ампул с ядом.

— Вас тоже прошу в машину, — сказал он женщине с девочкой. Та попыталась было разыграть возмущение, но, увидев пистолет, изъятый из кармана ее спутника, сразу притихла и, ни слова не говоря, села в подъехавшую крытую машину техслужбы.

— Но у меня в самолете вещи, — спохватилась она вдруг. — Я с этим гражданином только здесь познакомилась.

— Вещи ваши не пропадут, а знакомых следует выбирать, — заметил Кайманов, жестом приглашая в машину и задержанного.

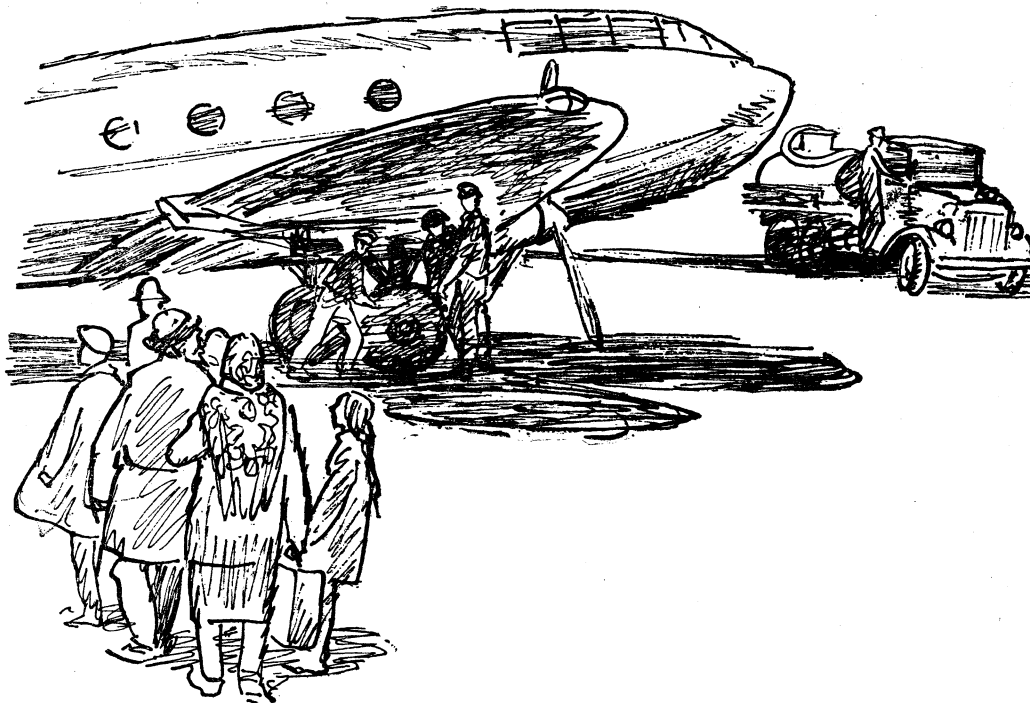
Едва отъехали от аэропорта, подполковник вышел с радиостанцией на дорогу и, пропустив машину вперед, связался с начальником отряда.

— Приказано немедленно доставить всю троицу в Управление к начальнику войск, — сказал он Кайманову.

Скоро показался город, и машина, промчавшись по прямым асфальтированным улицам, остановилась у здания с метровыми шарами по обе стороны главного входа.

Задержанных сдали дежурному, и конвоиры увели их в глубь здания.

— И все-таки, товарищ майор, — не выдержал Пинчук, — как вам удалось установить, что задержанный на железнодорожном вокзале — не главный нарушитель, а пособник?

— А вы наденьте чужой костюм, и вам сразу все станет ясно. К тому же, с таким животом по горам и трех километров не пройдешь, а тот, что проводников своих, как мух, травил, звон сколько от границы отмотал. Тут уж другую, жилистую конституцию иметь надо.

Дождаясь в приемной генерала, Кайманов подумал, что после такой гонки неплохо бы принять душ да отдохнуть, но начальник войск, выйдя к ним и поблагодарив за успешно проведенную операцию, отпустил подполковника Журбу, а Кайманова попросил еще подождать в приемной.

Спустившись к выходу и раздумывая, что бы это могло значить, Кайманов почистил сапоги, отряхнул пыль с обмундирования, посмотрел на себя с неодобрением в зеркало, снова поднялся в приемную генерала.

Сколько раз он приходил сюда и по срочным делам и на совещания. За время его службы сменился не один начальник войск. Разные это были люди, с разными характерами, и ни у одного из них к нему, Кайманову, не было никаких претензий.

Что же сейчас хочет от него генерал? Узнать подробности преследования или есть еще причины? Наконец Кайманова пригласили в кабинет.

Начальник войск — еще молодой, слегка полнеющий человек с бледным лицом и темными глазами — вышел из-за стола, пожал майору руку.

— Прежде всего, еще раз спасибо за отличную операцию, — сказал он. — Хотя должен вас огорчить: два проводника, которых вы задержали в урочище Кара-Тыкен, не доехали до комендатуры, скончались в дороге.

— Этого и следовало ожидать, — заметил Кайманов. — Первому проводнику-терьякешу понадобилось гораздо меньше времени, чтобы от той же отравы уйти на тот свет...

— Наверное, сам понимаешь, Яков Григорьевич, — переходя на «ты», сказал генерал, — что не ради этого сообщения я тебя просил подождать... Задержанный вами преступник уличен изъятими у него документами и материалами, по которым уже сейчас ведется следствие. Он отлично понимает, что его ждет за все художества, поэтому пытается смягчить свою вину, как он сам выразился, «чистосердечным признанием». Нам его «чистосердечность» в общем-то не очень нужна, но суть показаний этого отравителя в том, что на встречу с ним должен выйти сообщник, хорошо известный ему по Средней Азии, нарушив нашу северо-западную границу, заметь, в ближайšie сутки. После этого по их плану они уже должны были бы действовать совместно. Как действовать, с какой целью, этим занимаются кому положено. Наша задача — не допустить прорыва второго нарушителя в наш тыл и задержать его так же успешно, как и первого...

Чувствуя, куда клонит начальник войск, Кайманов пока ничем не выдавал свою догадку. Тот продолжал:

— Вполне понятно, что я сейчас же поставил в известность Главное управление и пограничников северо-западной границы. Там посовещались и решили: кто это дело начинал, тому и завершать. Короче говоря, поскольку ты с давних пор знаешь повадки нарушителей здешней границы да еще умеешь узнавать человека, не видя его, просили откомандировать тебя в распоряжение полковника Пересветова.

— Я знаю, товарищ генерал, кто эту мысль подал, — сказал Кайманов.

— Кто, если не секрет?

— Подполковник Аверьянов — начальник мангруппы у Пересветова. С Аверьяновым мы еще здесь, в Средней Азии, вместе служили, а как и

сейчас, заместителем коменданта, а он тогда — начальником заставы.

— Есть соображения против?

— Наоборот, товарищ генерал. И с Аверьяновым поведуся, а главное, чую нутром, кто-то из старых знакомых действует: чтобы сохранить себя, идет по трупам пособников.

— Это у них в принципе...

— Кроме принципа, товарищ генерал, такую штуку с армейскими сапогами они уже один раз проделали лет тридцать назад.

— Шарапхан?

— Он самый...

В памяти Кайманова вспыхнула навсегда врезавшаяся картина: каменистый откос горы. Отец и молодой доктор со связанными за спиной руками стоят у обрыва. Напротив — анненковцы с винтовками наперевес... Сам он, Яшка, обхвативший руками колени отца, обернувшись через плечо, видит покачивающийся в трех шагах от себя черный зрачок маузера. Доносится грубый голос: «Убрать мальчишку! Кончай, Шарапхан!» Грохот выстрелов... Грузно оседает тело отца... Сброшенного под откос Яшку обволакивает пронизавшая болью все тело звенящая темнота...

— Совпадения бывают, но не обязательно, — возвращая Кайманова к действительности, сказал генерал. — Во всяком случае, будьте осторожны. Судя по событиям у нас, там пошлют не менее опасного...

— всю жизнь настороже, товарищ генерал...

— Фотографии отравленных уже передали, — продолжал начальник войск. — Командировка у дежурного, машина ждет возле подъезда.

— Разрешите, товарищ генерал... Младший лейтенант Пинчук с заставы лейтенанта Воронцова тоже фотографировал и найденного терьякеша и двух проводников в сапогах, когда они были еще живы. Эти снимки тоже стоило бы передать Аверьянову.

— Прикажу сделать немедленно. Есть еще вопросы?

— Жене бы о моем отъезде сообщить...

— Обязательно сообщим... А теперь у меня вопрос, — прежде чем отпустить Кайманова, сказал начальник войск, — поделись, если не секрет, как сделал вывод, что и царапины должны быть у нашего нарушителя на правой руке, и пальто светлое?

— Очень просто, товарищ генерал, — ответил Кайманов. — Вот вещественные доказательства. Хотел передать следователю, но поскольку срочно выезжаю, разрешите оставить у вас...

Кайманов развернул газету и носовой платок, в котором бережно сохранил ветку шиповника, окурок с золотым ободком, светло-бежевую шерстяную нитку.

— Насчет окурка, товарищ генерал, вам, очевидно, докладывали.

Светлая шерстяная нитка зацепилась в зарослях турунги, где в районе аэропорта переодевались они с пособником под мостом, а насчет шиповника, —

там, где нарушитель прятал окурки у родника, с этой вот ветки осыпалась роса. Значит, зацепил. А если зацепил — оцарапался. Думаю, наверняка совпадет точно группа крови нарушителя и — вот тут на шпите, где вроде осталась едва заметная засохшая кровь...

СЛАБЫЕ ИМПУЛЬСЫ

Перелет с юго-востока страны на северо-запад в течение нескольких часов сместил все представления о времени. С юга Кайманов вылетел весной, почти летом, а в Прибалтике — это он увидел из окна самолета — Балтийское море еще держали в ледяном панцире мартовские морозы...

Встретивший Кайманова назвал себя майором-инженером Фомичевым, извинился за подполковника Аверьянова.

— Со вчерашнего дня мы все на ногах, — сказал он. — Подполковник выехал на один из постов технического наблюдения, просил вас проводить прямо к нему...

Мимо пронеслись аккуратные коттеджи, слабо освещенные уличными фонарями, проплыли на высоком холме развалины старинной крепости.

— Как на границе? — спросил Кайманов. — Есть ли признаки готовящегося перехода?

— На том участке, куда мы едем, — ответил Фомичев, — радиолокационная станция засекала какую-то цель, но импульс настолько слабый, что ни оператор, ни подполковник не могут разобраться, что там такое...

Машина миновала укрытый пушистым инеем сквер, затем две-три улицы и вырвалась на простор искрящейся под лунной снежной равнины.

По обе стороны шоссе угадывались пронесшиеся мимо небольшие хутора, березовые рощицы. Синела, пропадая впереди в серебристом свете луны, свежая колея накатанной машинами зимней дороги.

Весь этот прибалтийский равнинный пейзаж был так не похож на привычный вид горных районов Средней Азии, что утомленный перелетом Кайманов стряхнул одолевавшую его дрему и уже с немалым интересом рассматривал разворачивавшиеся перед ним картины.

— Не знаю, смогу ли быть здесь полезным, — сказал Кайманов. — Уж больно непривычные условия, хотя и у нас, конечно, бывает снег, особенно в горах.

— Поскольку пригласили вас, наверняка будет и вам работа, — ответил Фомичев. — Сделана радиолокационная станция, чтобы корабли да самолеты засекали, но ведь к суше, тем более в зимнее время, на корабле не подойдешь, а пешком да с ухищрениями можно: рванет такой в маскхалате под берег, в мертвую зону, где его и станция не возьмет и, если пропустит наряд, — поминай как звали!..

Кайманов оценил деликатность майора. Но кто может поручиться, что преступник, задержанный в Средней Азии, дал верные показания, что второй нарушитель пройдет здесь? Граница-то большая...

«ГАЗ-69» свернул с шоссе и углубился в покрытый белым кружевом лес. В глубине заиндевелой роши машину остановил часовой. Фомичев назвал пароль, ответил на приветствие солдата, и «газик», подминая свежий, поскрипывающий под колесами снег, покатиł между белыми стволами берез, за которыми неожиданно близко показалось

кубической формы строение с возвышающимися над ним заснеженными переплетениями пограничной вышки. Над крытой площадкой вышки мерно вращалась антенна.

— Ну вот и приехали, — сказал Фомичев, — а вон и подполковник нас встречает...

Старые друзья обнялись и расцеловались.

Лицо Аверьянова с глубокими складками у рта стало, может быть, пообветренное да поглубже, но светлые глаза смотрели по-прежнему тепло и внимательно.

— Вводи в курс дела. Чем похвалиться можешь? — сказал Кайманов.

— Хвалиться, конечно, есть чем, — улыбнулся Аверьянов. — Живем на берегу моря. Курорт! Золотые пляжи! Дюны! Сосны! Живи да радуйся!.. Да только в целом ряде мест к самому морю выходит и шоссе и железная дорога. На берегу — рыбацкий поселок, причалы, санатории, дома отдыха. В праздники собираются тысячи людей. Условия для охраны границы, сам видишь, сложнее не придумаешь...

Аверьянов не успел закончить фразу: на крыльце здания выскочил сержант в защитного цвета бушлате, шапке-ушанке, вскинул руку к виску:

— Товарищ подполковник, разрешите обратиться. Ясно вижу цель. Был импульс слабый, сейчас видно хорошо. Докладывает сержант Таиров.

— Если хорошо видите, действуйте.

— Есть действовать!

Сержант бросился в помещение. Донеслась его команда в переговорное устройство. В прожекторном отделении заработал двигатель. В мглительные просторы скованного льдом моря ударил ослепительно-белый луч.

Поземка, вихрившаяся у льда далеко внизу, вспыхнула в белом пламени живыми струями, скользкими и клубящимися на ветру.

— Давайте и мы посмотрим, — сказал Аверьянов, — что там за цель.

Офицеры поднялись на вышку. Нетрудно было догадаться, почему пост технического наблюдения установлен на высоком берегу: чем выше точка, тем лучше обзор. Но, как сказал еще в машине майор Фомичев, зимой не может быть таких крупных целей, как корабли, и операторы чаще включали станцию на ближнее расстояние.

Поэтому-то особенно важно было вовремя распознать цель: слишком мало времени остается на задержание возможного нарушителя.

Луч прожектора бил точно в то место, которое запеленговала станция, но никого там не было.

— За всю летнюю навигацию, — сказал Аверьянов, — операторы ни разу не ошиблись. Местные рыбаки и то усвоили: в самый туман выйдут в море, локатор их обязательно засечет... Такого, чтобы, как сегодня, станция брала цель, а люди и следов не видели, — еще не было.

Донесся гул автомашин. С площадки вышки было хорошо видно, как у самого берега остановилось несколько крытых брезентом грузовиков. Быстро разворачиваясь цепью, на лед скатывались лыжники, охватывая полукольцом район, откуда радиолокационная станция получила ответный сигнал.

По распоряжению подполковника луч прожектора медленно обшарил весь сектор наблюдения, выхватил уходящие в глубь снежной равнины аэросани, высланные Аверьяновым, чтобы отсечь возможного нарушителя со стороны залива.

В переговорное устройство Аверьянов спросил радиста:

— Что сказал капитан Гребенюк?
— Только что капитан Гребенюк передал — в районе острова никого не нашли.

— Поскольку визуально ничего не установили, — сказал Аверьянов, — вернемся к технике...

Все, один за другим, спустились с вышки, вошли в помещение.

Прямо против входа Кайманов увидел приоткрытую дверь, ведущую в небольшую комнату. В щель между косяком и дверью виден был угол накрытого к ужину стола, что было весьма кстати: хоть и на самой границе и во время «обстановки», а Кайманова все-таки встречали по всем правилам.

Но вошли все не в эту комнату, а в операторскую, и Яков Григорьевич не обиделся: хороши были бы начальники, если бы вместо выяснения, какая там цель, в честь дорогого гостя уселись бы за ужин.

Кайманов окинул взглядом операторскую — сравнительно небольшую комнату, уставленную агрегатами и приборами. Аверьянов взял журнал дежурного, вслух прочитал запись:

— Цель неопознанная, обнаружена в четыре часа восемнадцать минут, пеленг 347 градусов, удаление от берега восемь кабельтовых. А последняя запись, — подполковник прочитал нерасшифрованный кодовый набор цифр, — обозначает положение цели совсем в другом месте сектора наблюдения... Посмотри еще ты сам, Геннадий Михайлович...

Фомичев сел на место оператора, быстрыми и уверенными движениями подрегулировал станцию, принял к резиновому тубусу, защищающему экран от света, затем уступил место подполковнику.

— Цель в районе островка вижу ясно, — сказал Фомичев. — Курс и пеленг определены правильно, последнее ее местоположение на планшете нанесено точно.

— Вызывайте вертолет, — распорядился подполковник. — Пока что обещанный буран не пришел. Район обнаружения цели блокировать до рассвета, а там будем действовать по обстановке.

Кайманов не вмешивался, знал, что придет и его очередь сказать свое слово.

В светлом еще небе проплыл в сторону моря вертолет, в ту же минуту со стороны оцепленного района раздались один за другим два выстрела.

Аверьянов немедленно вызвал по радио капитана Гребенюка.

Тот доложил, что рядовой Веденеев — вожатый собаки Рекс — в районе островка убил... лису.

Несколько секунд длилось молчание.

— Метет поземка, видно плохо, — счел необходимым пояснить Гребенюк. — Веденеев действовал правильно...

Подполковник передал микрофон радисту.

— Сраму не оберешься, — сказал он. — Начальник отряда будет докладывать генералу, тот обязательно скажет: «Богато живете: двумя заставами, с вертолетом и аэросанями лису ловили...» Не могу только понять, что же там может быть на ледяном поле, — раздумывая вслух, сказал Аверьянов.

— А мы поступим просто: пойдём и посмотрим, — предложил Кайманов.

— И то верно... Так и сделаем... Подкрепим только свои силы и — на лед. Сержант Таиров, приготовьте нам белые лыжи и маскхалаты...

— Покажи-ка, Дмитрий Дмитриевич, присланные нашим округом фотоснимки отравленных нарушителей вроводников, — попросил Кайманов.

— Вот, пожалуйста, — расстегивая планшетку и передавая пачку фотографий, сказала Аверьянов. —

Целая фотовыставка. Но пока не вижу, для чего эти фото могут понадобиться.

— Точно не скажу, но на всякий случай, — ответил Кайманов. — Если не возражаешь, по одному экземпляру оставляю у себя...

НА ЛЕДЯНОМ ПОЛЕ

Прежде чем выйти на лед, Кайманов решил кое-что уточнить у майора Фомичева и подполковника Аверьянова.

— Насколько мне известно, — сказал он, — станция может засекают самолеты и корабли.

— Совершенно точно, — подтвердил Аверьянов.

— А если цель поменьше?

— Возьмет и лодку и человека...

— Вот это-то я и хотел знать, — сказал Кайманов. — Значит, лису, что ваш солдат Веденеев в районе островка убил, станция тоже берет?

— Безусловно...

— Вот и отлично, — сказал Кайманов. — А теперь давайте порассуждаем... Если до выхода ваших солдат на лед лиса понарисовала вам на планшете такой график в районе островка, значит, никто ей не мешал, людей там не было, и нарушителя на льду мы сейчас при всем желании не найдем.

Подполковник пожал плечами, тем не менее с интересом слушал, что Кайманов скажет дальше.

— Но что-то ее привлекало? — продолжал майор. — Почему она совершала свои маршруты в открытое море и обратно?... На островке могут быть мыши, зайцы... А за островком? Что делать лисе в торосях? Нарушителя там быть не может: к человеку она не подойдет.

— Что ты предлагаешь? — спросил подполковник.

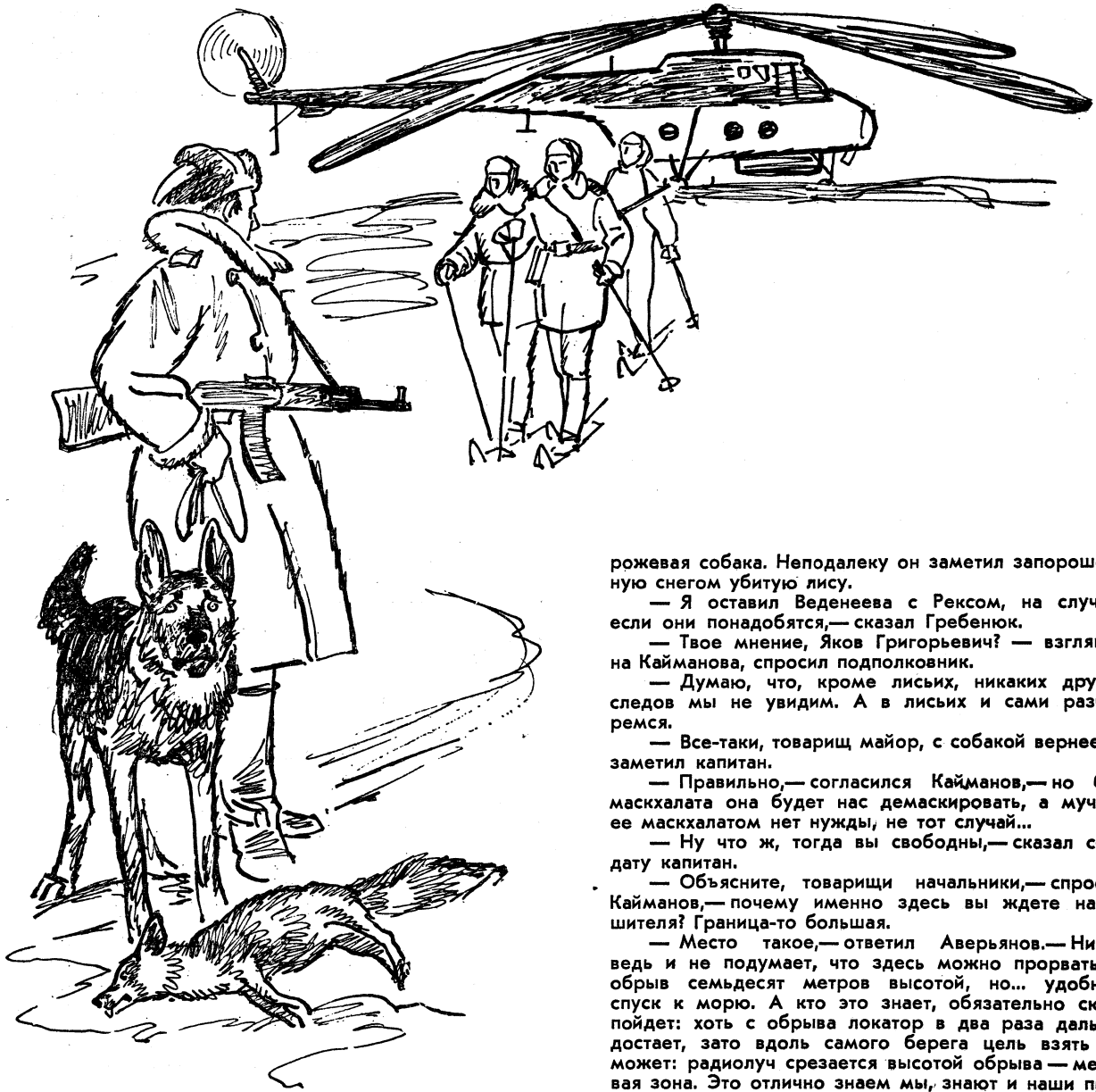
— Прежде всего, — сказал Кайманов, — думаю, что надо демонстративно снять оцепление и с песнями отправить солдат на берег. Оставь здесь в резерве не больше взвода, причем скрытно. За этим участком наверняка ведется наблюдение, поскольку враги наши должны так же тщательно готовить переход второго диверсанта, как готовили переход первого... Надо им показать, что «учения» закончены и солдаты возвращаются на заставы. Мы трое с двумя очень тепло одетыми радистами, в полушубках и валенках, и так же тепло одетым нарядом — все в маскхалатах — как можно более скрытно выйдем на лед и посмотрим, что там за лисьи следы. Такое мое предложение, товарищ подполковник, — закончил Кайманов, — слово за вами.

— Так и сделаем, — сказал Аверьянов. — И не откладывая...

Кайманову не так часто приходилось ходить на лыжах, но он довольно уверенно заскользил вслед за Аверьяновым по укатанным ветром снежным заступам.

От ночной мглы, от ощущения бескрайних просторов моря, скованного льдом, под которым до самого дна затаилась темная холодная вода, от молчаливого движения людей, похожих на белые привидения, становилось жутковато. Кайманов — человек далеко не робкий — чувствовал себя неуютно на этих открытых всем ветрам ледяных просторах (то ли дело в родных горах!), но ничем не выдавая своих ощущений, внимательно прислушиваясь к звукам ночи, осматриваясь вокруг.

Темневший в километре от берега занесенный снегом островок с серебристой остроконечной елью оказался совсем близко. Возле островка встретил

их высокий и худой, с обветренным лицом, тоже в белом маскхалате и на белых лыжах, капитан Гребенюк.

— Товарищ подполковник, — доложил капитан, — личный состав по вашему приказанию отправлен на заставу, резервный взвод оставлен в расположении поста технического наблюдения...

— Петр Карпович, — вполголоса сказал Аверьянов. — Познакомься. Наш гость из Средней Азии. Ветеран пограничной службы майор Кайманов.

Капитан официально представился майору. Кайманов ответил рукопожатием, поздоровался со стоявшим тут же солдатом, у ног которого сидела сто-

рожевая собака. Неподалеку он заметил запорошенную снегом убитую лису.

— Я оставил Веденева с Рексом, на случай, если они понадобятся, — сказал Гребенюк.

— Твое мнение, Яков Григорьевич? — взглянув на Кайманова, спросил подполковник.

— Думаю, что, кроме лисьих, никаких других следов мы не увидим. А в лисьих и сами разберемся.

— Все-таки, товарищ майор, с собакой вернее, — заметил капитан.

— Правильно, — согласился Кайманов, — но без маскхалата она будет нас демаскировать, а мучать ее маскхалатом нет нужды, не тот случай...

— Ну что ж, тогда вы свободны, — сказал солдату капитан.

— Объясните, товарищи начальники, — спросил Кайманов, — почему именно здесь вы ждете нарушителя? Граница-то большая.

— Место такое, — ответил Аверьянов. — Никто ведь и не подумает, что здесь можно прорваться: обрыв семьдесят метров высотой, но... удобный спуск к морю. А кто это знает, обязательно сюда пойдет: хоть с обрыва локатор в два раза дальше достает, зато вдоль самого берега цель взять не может: радиолуч срезается высотой обрыва — мертвая зона. Это отлично знаем мы, знают и наши противники. «Мертвая зона» и притягивает нарушителей. Так и норвят под самым носом у локатора проскочить. Пока что, как говорится, бог миловал...

Хоть ответ не очень удовлетворил Кайманова, но он подумал: «Свои участки им лучше знать»... Вслух сказал:

— Наверняка имеее в виду и другие направления?

— Конечно, — подтвердил подполковник, — но самое вероятное здесь, на участке заставы капитана Гребенюка... Давай, Петр Карпович, рассказывай, что тут у вас, тебе слово...

Капитан Гребенюк вздохнул и наклонился к переметаемому поземкой снежному покрову.

— Вот, товарищ подполковник, — сказал капитан, — это — заячьи следы, а это — лисьи. И так по всему заливу. Никаких других следов здесь нет...

Гребенюк замолчал, а Кайманов подумал, что

много раз во время пограничного поиска, как раз в те минуты, когда уж готовы были дать отбой и сестра по машинам, нарушитель и проскакивал, и снова начинался поиск, только в гораздо худших условиях...

Некоторое время все трое обследовали снеговой покров, затем Аверьянов спросил:

— Что скажешь, Яков Григорьевич?

— Пока ничего. Но уж больно приметное здесь место: остров — ориентир, елка — ориентир, под высоким берегом — «мертвая зона» — локатор не берет. Даже тот, кто первый раз сюда выйдет, отлично найдет по описаниям эти ориентиры и в темноте ночью... А давайте-ка вокруг острова на лыжах обойдем, — предложил Кайманов. — Кататься мне не часто приходится: у нас снег не каждый год, да и то все больше в горах...

Отталкиваясь палками, Кайманов медленно заскользил по льду, обходя островок по дуге со стороны моря. Аверьянов, Гребенюк и солдаты последовали за ним. Кайманова занимала мысль: если предположить, что остров действительно ориентир, то какие ориентиры могут быть на берегу, в отыскании которых невозможно было бы ошибиться и в темноте?

Все время поглядывая на силуэт ели, возвышавшейся над островом, Кайманов скользя взглядом по линии протянувшегося с юго-востока на северо-запад берега, выискивая такой же безошибочно-приметный предмет на поднимавшемся в километре от острова семидесятиметровом обрыве.

«А вот и ориентир!» — мысленно воскликнул он. Заметить его было нетрудно. Господствующее положение над всей округой занимала труба какого-то завода в поселке. Снизу виднелась только ее верхняя часть, но и этого было вполне достаточно. Труба торчала как палец. Даже ночью, когда вся эта картина вырисовывалась неясными силуэтами, заводская труба, сливаясь с линией берега, все равно оставалась самой высокой точкой — прекрасным ориентиром, заметным на фоне неба и в ночную темень.

Продолжая обходить на лыжах остров, Кайманов остановился в том месте, где верхушка трубы попадала в створ с верхушкой ели на острове. Остановившись, внимательно осмотрелся.

На снежном покрове — все те же лисьи следы, но заячьи, что он видел у островка, как не бывало.

— Так что же может делать лиса в открытом море, Дмитрий Дмитриевич? — спросил он.

— Понял тебя, — ответил Аверьянов. — Хочешь сказать, а не проверить ли нам в створе с заводской трубой и елью вон те дальние торосы? Так, что ли?..

— Именно. И давайте двинемся туда рассредоточившись, хотя едва ли там кто-то есть.

Все трое в сопровождении солдат двинулись к дальним торосам. Погода заметно портилась. Встречный ветер дул порывами, гнал по темному небу низкие лохматые тучи. Сильней завихрилась поземка. Но на открытом месте было еще достаточно светло. Вот уж и островок стал исчезать за мельтешащими снежинками, зато отчетливо проступили сквозь метель ледяные торосы, оказавшиеся на одной линии с елью на островке и верхушкой заводской трубы на берегу.

Шедший впереди Аверьянов наклонился и поднял клочок какой-то бумаги, затем — разорванную полиэтиленовую пленку. Оттолкнувшись палками, поехал быстрее. Кайманов и Гребенюк последовали за ним. Что-то белое в расщелине нагроможденных льдин заставило остановиться. Но это «что-то», почти занесенное снегом и обложеное кусками

льда, отнюдь не напоминало человеческую фигуру.

— Рюкзак, — сказал Аверьянов. — А вот и лыжи и палатка. Спасибо, значит, лисе-покойнице, надоумила...

— Что говорить, поработала рыжая тут на славу, — сказал и майор. — Ясно, что это место показало ей ненадежным: кругом лед. Она и решила перетасить найденный клад к острову...

Рыжая разбойница выволокла на лед все, что могло ее заинтересовать. Тут были консервные банки, надорванные пачки галет, сверток с теплой, видимо шерстяной, одеждой, рыбацкие, смазанные жиром высокие сапоги, обертки от плиток шоколада. Немного поодаль валялись зимние удочки, рассыпанные рыболовные крючки, леска.

— Так что ты обо всем этом думаешь, Яков Григорьевич? — спросил Аверьянов.

— Думать нечего. Оставляем наряд и — как можно скорее обратно, — ответил Кайманов. — Теперь-то уж можно предположить, что именно здесь планируется нарушение границы... А разбираться будем завтра днем со специалистами-саперами, не торопясь: еще неизвестно, какие взрывчатые сюрпризы приберег здесь для нас тот, кто все это оставил...

— Ефрейтор Калабухов, вы старший, — обращаясь к солдатам, распорядился капитан. — Все четверо оставайтесь с радиостанцией здесь в наряде. Ничего не трогать. С двадцати одного часа каждые пятнадцать минут включать рацию на прием.

— Отправляемся, — ответил подполковник, — К берегу идем без палок; чтоб ни скрипа, ни шороха. Метель скроет нашу лыжню, но та же метель всяма на руку и нарушителю, который, судя по погоде, может появиться и сегодня ночью...

«ПЕРЕДАЮ ЦЕЛЬ»

Кайманов десятки и сотни раз участвовал в пограничных поисках, многими руководил сам, во многих выполнял те задачи, которые ставили перед ним старшие начальники. Он вовсе не собирался ограничиваться ролью наблюдателя, но пока лишь внимательно слушал, как, командуя мангруппой, подполковник Аверьянов из помещения пункта технического наблюдения четко отдавал приказания по телефону.

Капитан Гребенюк доложил, что застава развернута по тревоге. Поступали доклады и от других командиров подразделений.

Разгулявшийся «норд» зашел с северо-запада, нагнал еще больше туч и стал швыряться такими снежными зарядами, что вся округа окуталась сплошной снежной мглой.

— Видимость — ноль, — сказал Аверьянов. — Условия идеальные для нарушителя, самые тяжелые для нас. Главное — перехватить «его» до подхода к берегу, не дать выйти к транспортным магистралям.

— Через море-то и на лыжах сейчас идти не очень уютно, — вспомнив свой выход на лед, сказал Кайманов.

— Его могут высадить с подлодки у кромки льда: море-то не все замерзло, только в Финском да Ботническом заливах, а чистая вода от нас всего в километрах двадцати-тридцати. Ветер с северо-запада, нам в лицо, под острым углом к берегу, ему почти попутный. — Аверьянов посмотрел на часы:

— Время, — сказал он. — Выезжаем встречать мангруппу на шоссе...

Кайманов, хоть и понимал, что в такой бурн

едва ли пригодится его искусство следопыта (и свои-то следы не увидишь), тем не менее сел вместе с Аверьяновым и двумя радистами в вездеход.

Через несколько минут были на шоссе.

Аверьянов развернул на коленях карту и стал методично отдавать приказания командирам машин — кому какой занимать участок дороги, в каком направлении и в каком квадрате выставлять наряды. Сам, руководствуясь картой, занял место в непосредственной близости от оцепленного района.

Один за другим поступили доклады от командиров машин о готовности подразделений.

Наблюдавший за подполковником Кайманов не мог не оценить ту оперативность, с какой Аверьянов взял под контроль огромный район. Но, как назло, метель все усложнялась. Сыпал и сыпал снег. Щетки стеклоочистителя едва успевали сметать его с ветрового стекла, на которое тут же садились мохнатые снежинки. Такой снегопад означал, что целая ман-группа, рассредоточенная от берега в глубину погранзоны, может не заметить нарушителя. Лучше было бы задержаться его еще до подхода к берегу, на ледяном поле. Но кто может поручиться, что пойдет он точно к торосам, где спрятан рюкзак, а не в каком-нибудь другом направлении?

Кайманов, полускрыв глаза, мысленно перебирал в памяти события прошедших суток, сопоставляя и сравнивая самые незначительные эпизоды, встречи, разговоры, вспоминая лица людей, реплики, интонацию, жесты... Он еще не мог сказать ничего определенного, но думал все об одном: если в Средней Азии действовала целая группа, то и здесь наверняка должны быть пособники, встречающие нарушителя, а то и отвлекающие на себя внимание пограничников. Одна за другой летели минуты. Метель все усиливалась. Ветер швырял в ветровое стекло пригоршни снега. Стоило выйти из машины — стегал по глазам, забивал дыхание.

— Что скажешь, Яков Григорьевич? — спросил по своему обыкновению Аверьянов. — Может быть, он в такой буря и не пойдет? А может, уж и провался через оцепление?

— Все возможно, — ответил Кайманов. — Скажу только то, что всегда говорил мой первый начальник заставы: «Думай за нарушителя». Такая непогода для него — сущий подарок. Должен идти...

— Весь вопрос, в каком месте и откуда? — сказал подполковник. — Мы его здесь довим, а он возьмет и пойдет где-нибудь за полсотни километров в стороне...

Аверьянов на секунду задумался, вызвал по радио капитана Гребенюка и, когда тот появился в эфире, спросил, кто у них на посту технического наблюдения.

— Сержант Таиров.

— Предупреди: снегопад создает помехи. Если нарушитель действительно идет в нашем направлении, он уже может быть в секторе локатора. Что у вас в районе обрывает?

— Вдоль берега направил дозоры с собаками.

— Имей в виду, что собаки едва ли смогут работать: очень сильный ветер, следы замечает. Докладывай мне каждые пятнадцать минут.

— Слушаюсь, товарищ подполковник.

Аверьянов не исключал возможности появления нарушителя в любой точке блокированного района, но офицеры, контролирующие все возможные направления, по-прежнему ничего не могли доложить.

Вездеход тронулся с места. Снег все валил и валил. Включенные фары, казалось, упирались короткими желтоватыми столбами света в трепещущую на ветру белую стену. И непонятно было, как только

водитель находил дорогу в этой сплошной снежной завесе.

Солдат-радист передал подполковнику микро-телефонную трубку.

— Товарищ подполковник, докладывает капитан Гребенюк. У дальнего мыса Таиров засек цель на льду. Двигается со скоростью по крайней мере в пятнадцать-шестнадцать узлов¹. Направление движения почти совпадает с направлением ветра. Лейтенант Друзь доложил, что с нарядом лыжников перекрывает район появления цели со стороны моря.

— Наконец-то! — воскликнул подполковник.

И хотя нарушитель появился совсем в другом секторе, чем его ожидали, но шел он все равно к островку, к тому месту, где его не мог взять локатор и где только и можно было подняться на крутой высокий берег.

— Пятнадцать-шестнадцать узлов — это около тридцати километров в час, без двигателя, — сказал Аверьянов. — Какая сила его так прет? Свяжите меня с командиром аэросаней...

Приказав лыжному наряду идти развернутой цепью за лейтенантом, Аверьянов предупредил о том, что нарушитель, заметив преследование, может повернуть обратно.

— А теперь срочно на пост технического наблюдения! Только на экране локатора можно увидеть всю картину!..

Выехали на дорогу, по которой уже прошел снегоочиститель. Вот показалась вся занесенная снегом березовая рощица, за рощицей, наконец-то, вырос белым кубом пост наблюдения.

Войдя в помещение, Аверьянов ответил на приветствие, сбросил с себя шапку и куртку, попросил Таирова уступить место возле экрана.

Фомичев доложил подполковнику курс, пеленг, скорость движения, расстояние от берега — все данные о нарушителе, но с некоторым сомнением до-бавил:

— Не пойму только, что его подгоняет. Двигается слишком быстро для лыжника. Вот посмотрите, этот импульс — отличный лыжник лейтенант Друзь. А нарушитель уходит от Друзя и даже от аэросаней.

Луч развертки антенны, протянувшийся от центра к периферии экрана, мерно описывающий круги, указывал на едва заметный передвигающийся импульс. Это — нарушитель, неизвестно каким способом выдерживающий скорость всадника. Вслед за этим импульсом двигался еще один, но помедленнее. Как понял Кайманов — лейтенант Друзь. С другой стороны выгнулось дугой оцепление с юго-востока до района торосов, где был оставлен наряд под началом ефрейтора Калабухова. Вслед за импульсом нарушителя и лейтенанта Друзя двигалась самая яркая и самая быстрая точка — аэросани. Но и сани двигались с остановками, видимо, им мешали снежные заряды, заструги и торосы.

Достаточно хорошо разбираясь в значении светящихся на экране, Кайманов все же подумал: «Тут-то хорошо видно, кто куда движется! А там, на льду, ничего не видно! Можно под самым носом у лыжников или аэросаней прошмыгнуть, и поминай как звали! На такой скорости нарушителя никакие лыжники не возьмут. Только аэросани и догонят, а они пробираются ощупью».

— Всем рациям перейти на прием, — сказал Аверьянов, не отрываясь от экрана. — Деменчук, измените курс саней на пять градусов к северо-западу. Осторожнее, впереди торосы. Стоп. Выбрасы-

¹ «Узел» — 1 морская миля/1825 м/ — в один час.

вайте десант. Лыжников разверните по оси с юго-запада на северо-восток. Дистанцию держите в пределах видимости. Номера лыжников: к югу — первый, к северу — последний. Будьте внимательны — нарушитель останавливается... Лейтенант Друзь, перед вами нагромождение льда. Нарушитель остановился от вас в ста пятидесяти метрах. Будьте внимательны! Нарушитель вас заметил. Будьте внимательны! Не стреляйте! Брать живыми!.. Ефрейтор Калабухов! Вашей группе — бросок на лыжах в направлении островка. Выйти на двести метров левее. Там вероятно встреча с нарушителем...

Затаив дыхание, Кайманов слушал наполнявшие комнату ответные голоса: неведомого командира аэросаней Деменчука, лейтенанта Друзя, возглавлявшего группу лыжников, старшего наряда, оставленного в торосах ефрейтора Калабухова, начальника соседней заставы, других офицеров.

Командиры подразделений, блокировавшие берег, молчали, но Кайманов знал, что и их радиостанции стоят сейчас на приеме, а сами они готовы в любую минуту выполнить распоряжение начальника мангруппы.

— Правее, Деменчук, — спокойно продолжал Аверьянов. — Лейтенант Друзь, нарушитель заметил ефрейтора с группой, снова возвращается, идет по своей лыжне на вас.

— Посмотри, Яков Григорьевич, — сказал Аверьянов. — Ручаюсь, что такого задержания ты еще не видел...

Подполковник отстранился настолько, чтобы и самому наблюдать за экраном и в то же время дать посмотреть Кайманову. Тот наклонился и увидел остановившийся яркий импульс аэросаней, идущие от него фронтом светлые точки — цепочку лыжников. Еще один импульс — нарушитель. Навстречу ему двигалась такая же точка — лейтенант Друзь. Со стороны островка приближалась, замыкая кольцо, группа оставленного в торосах наряда.

И вдруг Кайманов вспомнил безобидный случай, тем не менее, оставшийся в памяти на всю жизнь... Сам он, молодой Кайманов, сидит, поджав ноги на ковре, перед ним — его учитель, знаменитый в Туркмении следопыт — Амангельды. Дочь Амангельды, по имени Аксолтан, разводит в тамдыре огонь, собирается печь чуреки. Из закопченной дыры тамдыра жаркими языками вырывается пламя от горящих, как порох, веток саксаула, освещает лоб и глаза девушки, нижнюю часть ее лица, закрытую в присутствии мужчин яшмаком — цветистым платком.

Пламя прогорело, и Аксолтан начинает укладывать в тамдыр чуреки, пришепывая их к внутренним стенкам.

— Сколько чуреков насчитал? — лукаво улыбаясь, спрашивает у Кайманова Амангельды.

— А я их и не считал, яш-улы¹, — смущенно говорит Кайманов. — Шесть или семь...

— Ай-яй-яй!.. Хочешь стать следопытом, а чуреки не считаешь, — с упреком говорит Амангельды. — Чурек — не бандит, стрелять не будет. Бандит будет. Поймает Ешка кочахчи — бандитов, скажет, шесть или семь поймал... А восьмой бух из винтовки Ешке в спину: «Зачем меня не посчитал?»..

Воспоминание мелькнуло в мозгу и пропало. Кайманов весь напрягся, понимая, что сейчас, когда нарушитель уже в зоне локатора, счет времени идет на секунды.

— Сколько у тебя лыжников за аэросанями, Дмитрий Дмитриевич? — спросил он.

¹ Яш-улы — уважительное обращение. Дословно «большие годы».

— Шесть. Лейтенант Друзь седьмой...

Это совпадение чисел еще больше встревожило Кайманова.

— Семь... — твердо сказал он. — Лейтенант восьмой...

— Ты обсчитался, — спокойно сказал Аверьянов. — На буксире за аэросанями ушло вместе с лейтенантом семь человек.

— Посмотри сам.

Аверьянов принял лбом к козырьку локатора, тут же отстранился.

— Всего семь, — сказал он. — Помехи в такой снегопад и опытного оператора с толку собьют...

Кайманов наклонился к экрану локатора и увидел, что Аверьянов прав: в группе лейтенанта, расположившись полукругом, двигались на сближение с импульсом нарушителя семь светлых точек. Но Кайманов совершенно ясно видел, что всего минуту назад их было восемь. Исчез крайний светлячок, тот, что ближе других передвигался к высокому берегу.

— Опутали нас с тобой, Дмитрий Дмитриевич! — воскликнул Кайманов. — Нарушитель не на ледяном поле у острова, а в вашей «мертвой зоне», под обрывом!

Аверьянов с секунду молчал, зная, что Кайманов не бросает слов на ветер, но и не видя причин для такого его решения.

В ту же минуту радист передал ему трубку: — Товарищ подполковник, вас просит начальник заставы...

— Докладывает капитан Гребенков, — прозвучал глуховатый голос в мембране. — Товарищ подполковник, под высоким берегом, в двадцати метрах от спуска к морю, прятался в нише неизвестный восточного типа. Документов у него нет. Говорит, приехал к родственникам, шел с соседнего хутора, заблудился в метель.

— Вот он, пособник! — воскликнул Кайманов. — Теперь веришь, что восьмой импульс вошел в мертвую зону? Сколько времени займет на машине отсюда — к этому спуску?

— Пять-шесть минут...

— Срочно выезжаем... Основному нарушителю понадобится минут пятнадцать, чтобы туда дойти.

— А тот импульс, что в районе острова?

— Справятся и без нас, потом выясним... Передай нарядам под обрывом, во избежание ненужных жертв замаскироваться, в случае появления неизвестного, скрытно преследовать, блокируя со стороны моря.

— Тогда кто же так лихо пер прямо к островку через все море? — передо мной распоряжение и уже садясь в машину, спросил Аверьянов. — Слушай, Яков Григорьевич, а тебе не померещилось?

— Пусть даже померещилось, но мы немедленно должны быть на том месте, где задержал пособника!..

Водитель, дежуривший у крыльца в «газике», так рванул машину с места, что майор и подполковник от неожиданности откинулись.

Тем не менее Аверьянов еще и подхлестнул командой шофера:

— Гони вперед! В три минуты быть под обрывом!..

Но как гнать, когда встречный ветер несет снег почти горизонтальными струями, залепляет стекло? Вот уж и дорога пошла под уклон. Вездеход заносит. Удерживая машину, водитель отчаянно в обе стороны крутит баранку, пытается тормозить двигателем. «Газик» идет почти юзом, чудом удерживаясь в колее.

— Гони! — приказывает Аверьянов, теперь уже заразившись тревогой Кайманова.

Кайманов молчал, лишь наблюдая, как побледневший водитель лихорадочными усилиями, почти вслепую удерживает на курсе машину.

Наконец, спуск кончился. Под колесами захрустел ноздреватый у берега ледяной припай. Струи снега здесь летели навстречу машине почти вдоль обрыва.

Проехали метров двадцать вдоль обрыва, у его подножья вездеход остановил уже дожидавшийся их здесь капитан Гребенюк.

— Ни звука! — вполголоса предупредил его подполковник. — Где задержанный?..

Капитан жестом предложил подойти к стене обрыва. В ближайшей нише со связанными за спиной руками сидел у стены незнакомец в белом полушубке и такой же белой барашковой шапке, опустив глаза в землю, сдвинув сросшиеся на переносице темные брови.

— Салам алейкум, Аббас-Кули, — подходя вплотную, вполголоса сказал Кайманов. — Можете развязать ему руки. Теперь с места не двинется, если жить хочет...

Задержанный, узнав Кайманова, не то что слова сказать не мог, от страха, как рыба, лишь хватал воздух.

— Ешка!.. — наконец едва прошелестел он сдавленным шепотом.

— Точно, Ешка,— подтвердил Кайманов.— Только для всех — давно уже Яков Григорьевич.

— Прости, Кара-Куш...

— Ладно, прощаю,— так же сказал Кайманов.— Так кого ты здесь встречаешь?

Ноги задержанного подогнулись, как будто он почувствовал свой смертный час.

— Не хочешь говорить?.. Сами узнаем... Смотри сюда.

Кайманов развернул перед лицом задержанного фотографии отравленных проводников.

— Узнаешь?..

Тот, став белее снега, молча, не отрываясь, смотрел на фотографии трупов.

— Вы и сами могли их убить,— то ли оправившись от первого испуга, то ли нагляя, а может быть и на что-то надеясь, тихо сказал Аббас-Кули.

— Кто их убил, ты отлично знаешь,— так же вполголоса сказал подполковник Аверьянов.

— Вызовите-ка мне лейтенанта Друзя,— приказал он радисту.

Щелкнул тумблер радиостанции, раздался взволнованный голос:

— Товарищ подполковник, докладывает Друзя! Нарушитель мертв. Кем-то убит совсем недавно ножом в спину. Шел с попутным ветром к острову под парусом на специальном устройстве вроде буера. Ведем преследование по лыжне, появившейся в направлении к высокому берегу.

Аверьянов и Кайманов молча переглянулись: оставались считанные минуты до появления того, ради сохранения которого был убит еще один пособник.

— Прекратить преследование, развернуться цепью, замаскироваться,— скомандовал Друзя подполковник.

— Пусть лейтенант повторит, что он сказал о нарушителе,— попросил Аверьянова Кайманов и, взяв микротелефонную трубку из рук радиста, поднес ее к уху Аббаса-Кули.

Тот, все так же молча, с бегающими от страха глазами выслушал доклад лейтенанта.

— Ты понял, Аббас-Кули, что не приди мы сюда, это была бы и твоя судьба,— сказал Кайманов,— ни Клычхан, ни Шаралхан свидетелей не оставляют...

— Понял...— едва прошептал серыми губами задержанный.

— Пароль?..

Аббас-Кули, опустив глаза, покачал головой.

— Ты сам его скажешь... тому, кого встречаешь. И еще скажешь, что все спокойно, что дураки геок-папак, как один, побежали к острову... Если к этому добавишь еще хотя бы слово, оно будет последним в твоей жизни...

Чуткое ухо Кайманова уловило подхваченный и донесенный сюда ветром чей-то кашель.

Подполковник сделал знак всем рассредоточиться и замаскироваться. Одетые в белые маскхалаты пограничники словно растворились в вихрях метели.

Шорох лыж и тяжелое дыхание бегущего человека доносилось еще с минуту, затем все стихло.

Чувствуя, что напряжение достигло предела, Кайманов, укрывшись в нише позади Аббаса-Кули, подтолкнул того в спину.

Словно очнувшись, Аббас-Кули поднял голову, произнес хриплым голосом по-древнетюркски: «Сруби голову неверному»...

— ...«И да вознаградит тебя аллах»,— донесся ответ.

Из белой мглы шагнула рослая фигура в маскхалате, с белой марлевой занавеской на лице. Прислушиваясь, замерла.

В одной руке появившегося Кайманов рассмотрел гранату, в другой маузер.

— Дорога свободна? — по-курдски спросил пришедший. (Снова толчок в спину Аббаса-Кули).

— Свободна... Все геок-папак побежали к острову...

Прибывший нарушитель сунул гранату в карман и, не выпуская маузер из рук, наклонился, стал отстегивать лыжи.

— Сейчас пойдем,— сказал он.

Чувствуя знакомый холодок, появляющийся в минуты крайней решимости, Кайманов с силой толкнул вперед Аббаса-Кули, одновременно вышиб ногой маузер из руки нарушителя, на которого тут же навалились подоспевшие солдаты.

Кайманов узнал этот голос, эти точные уверенные движения: слишком часто встречался он с этим человеком в начале войны, когда, разыгрывая из себя близкого друга «кизил-аскеров» — красных солдат,— Клычхан вел крупную игру, стремясь поднять восстание целого племени в приграничных районах.

Признаться, Кайманов не рассчитывал встретить его так далеко от родной Средней Азии, но едва увидел Аббаса-Кули, понял: тигр придет за шакалом...

— Салам, Клычхан,— сказал он, срывая марлевую занавеску, закрывавшую лицо нарушителя.— Вот мы и встретились...

— А-а, Кары-капитан! — не теряя самообладания, ответил удерживаемый за руки солдатами Клычхан.— А я еще подумал, кто ж это сумел меня задержать?

— Кары-майор...— поправил его Кайманов.— Теперь не удивляешься?..

— Не-ет... Теперь не удивляюсь... Со старым другом приятно встретиться и в аду... Что ж, хитростью и льва можно поймать, а силой не поймать и мыши... Аббас-Кули! — обернувшись, окликнул он пособника.— Молись аллаху, чтобы послал тебе легкую смерть. О том, что геок-папак меня взяли, узнают уже сегодня. Тебя найдут и на дне этого холодного моря...

Аверьянов с Каймановым снова сидели в теплой операторской. Майор невольно сравнивал свою жизнь, прожитую в трудностях и лишениях, с жизнью таких молодых защитников границы, как лейтенант Друзя, сержант Таиров, капитан Гребенюк, не говоря уже о подполковнике Аверьянове, человеке по возрасту не намного моложе его самого, но работающего совсем, казалось бы, в другом времени. Многого изменилось в охране границы, особенно за последнее время, и все эти изменения прошли всего лишь на протяжении одной жизни, его жизни...

Кайманов не жалел о том, что в дни его молодости не было на границе этих удивительно умных машин, всякого рода аппаратов и приборов: долго еще будет необходимо и его испытанное мастерство слепопыта, такое же обязательное в работе, как и эта чудо-техника, с помощью которой так мастерски вел операцию подполковник Аверьянов... Опыт таких, как он, Кайманов, и сегодня нужен границе. И тем не менее...

В операторскую вошел сержант Таиров.

— Товарищ подполковник, разрешите принять вахту? — сказал он.

— А вот майор Кайманов сейчас оператор,— ответил подполковник,— спрашивайте у него.

— Давай, сынок, принимай,— вздохнув, ответил Кайманов.— П е р е д а ю ц е л ь ...

¹ Старый капитан.

МАРШРУТЫ

Эти мальчишек и девчонок из Черкесского городского клуба «Искатель» называют то спелеологами, то геологами, то краеведами... Но во всех случаях они — настоящие следопыты. Их девиз — «Наука — спорт — пропаганда».

Создан клуб во Дворце пионеров и руководит следопытскими кружками всех школ города. Члены клуба — отличные инструкторы альпинизма. Каждый из них обучает элементам альпинистской и туристской техники учащихся подшефных школ. Да иначе и нельзя. Ведь большинство маршрутов Ставрополя проходит в горах, и без определенных знаний строгая маршрутная комиссия не выпустит ни один отряд даже в однодневный поход.

А сколько их было, этих туристских километров, через Клухорский и Марухский перевалы, через бурные горные реки Гоначхир, Теберда, Амнауз, вдоль берегов красавицы Кубани!

Как-то клуб «Искатель» получил задание исследовать девять пещер в Волчьем спелеологическом районе области. Ребятам надо было определить породы, в которых образовались пещеры, измерить атмосферное давление и температуру воздуха и воды, скорость воздушных потоков в пещерах.

Юным спелеологам удалось определить некоторую закономерность в расположении пещер. Так, рядом с балкой Мокрая их оказалось четыре —

Кискак, Аэлита, Лунный камень и Радужная. «Там, где мокро, там и пещера», — записали следопыты в походном дневнике. — Под землей собирается влага, фильтруется, обогащается минеральными солями, а затем медленно уходит в почву, питая родники, реки. Вода в пещерах оставляет после себя «на память» застывшие сталактиты, сталагмиты и целые колонны. В небольших углублениях — ванночках, заполненных водой, образуются бусинки оолита — «пещерного жемчуга».

Когда рабочие-взрывники на склонах западного Кавказа обнаружили пещеру Южный слон, ребята по заданию Кавказского геофизического общества провели комплексное изучение этого огромного карстового подземного дворца. Исследование длилось не один день. Прежде всего следопыты у входа в пещеру установили постоянное дежурство спелеологов, — самых опытных альпинистов. А затем началась работа с приборами: измерение температуры воздуха, давления, скорости воздушных потоков. На шестой день в дневнике появилась запись: «Бросили в ручей сталактитового зала сильный краситель флюоресцеин... Началась гидрологическая разведка». Тут уж пришлось дежурить круглосуточно. Приборы оказались настолько чувствительными, что постоянное присутствие в пещере даже одного человека влияло на их показания. Следопыты ежедневно

Клуб интернациональной дружбы в Волгоградском Дворце пионеров носит имя Юлиуса Фучика. Много материалов собрали ребята о тех днях, когда Фучик приезжал в их город. Это было через несколько дней после пуска Сталинградского тракторного завода.

Следопыты разыскали тех, кто встречался с Фучиком во время его приезда в Сталинград, и тех, кто прошел с боями от Волги до Праги.

Особенно интересными были встречи ребят с генералом армии Лелюшенко и бывшим секретарем Сталинградского обкома партии Чуяновым. Танки Лелюшенко первыми ворвались в пражский район Смихов. В этом рабочем районе родился Юлиус Фучик. А Чуянов рассказал следопытам о

встречах с писателем в Киргизии. Там Фучику присвоили звание почетного красноармейца и вручили форму красного кавалериста.

Геологией учащиеся Карташевской восьмилетней школы Ленинградской области увлеклись в 1969 году. Тогда они получили первое задание от ленинградских геологов — разведать месторождение полезных ископаемых в Лужском районе. Недалеко от совхоза имени Дзержинского ребята обнаружили большие залежи извести. Раньше хозяйству приходилось для обработки кислых почв известь привозить издалека, теперь ее берут рядом. Здесь же в Лужском районе юные геологи нашли залежи минеральных красок.

Особенно интересным был поход в Карелию в 1972 году. Ребята обнаружили залежи сырья для минеральных красок, флюорит, который широко используется в металлургической и химической промышленности, и даже нашли драгоценный камень топаз. Правда, он был всего один. Но кто знает, может эта находка станет началом большого открытия.

Работу юных геологов Карташевской восьмилетней школы высоко оценили в Министерстве геологии СССР.

«Кузбасс» — так назвала свой историко-этнографический клуб молодежь Беловского района Кемеровской области. Следопыты клуба провели экспедицию, посвященную изучению прошлого и

“ИСКАТЕЛЕЙ,”

спускались на глубину 45 метров и записывали данные. А сколько было интересных находок! Череп и кости бурого медведя, две берцовые кости пещерного медведя, части черепа ласки и волка. Особый интерес у ребят вызвал скол трубчатой кости медведя со вставленными осколками кварца. Сразу же они повезли находку в краеведческий музей. Специалисты установили, что эта кость была ножом — оружием человека эпохи неолита.

Когда члены экспедиции вели исследования пещеры Южный слон, жители соседнего аула Кызыл-Кала на берегу реки Джекута обнаружили выход каких-то окаменелостей. На разведку прибыл отряд юных археологов. Осторожно провели раскопки. И вот — удача! Найден прекрасный бивень настоящего южного слона.

А чем занимались в это время географы клуба? Они изучали и описывали оползни, угрожающие линиям электропередач и предприятням, расположенным вдоль горных рек. Наиболее опасные участки ребята нанесли на карту, сделали замеры оползневых площадей. Все обработанные материалы «искатели» сдали в Ставропольское геологическое управление и краеведческий музей.

Все эти экспедиции клуб «Искатель» проводил в прошлом году. А нынче была объявлена операция «Полезный тисс» — операция по спасению реликто-

вого растения тисс ягодный. Очень мало его осталось на территории Карачаево-Черкессии. Лишь на вершине скалы Шоане, у древнего храма X—XI веков, приютилась уникальная тиссовая роща.

И вот на отвесной скале Шоане застучали молотки, — ребята налаживали надежную страховку. Несколько дней юные географы собирали семена редкого растения и высевали их на соседних труднодоступных вершинах. А потом — подъемы по отвесным скалам, чтобы полить растения, разрыхлить землю. Следопыты верят, что выращенные ими саженцы скоро перекочат на берега Кубани, и там, как и раньше, вновь зазеленеют тиссовые рощи.

Спелеологи, геологи, краеведы, туристы... Все они много трудятся. Чтобы оправдать свой девиз, в начале которого стоит слово «наука», надо много знать. Во время учебного года ребята готовятся к новым экспедициям: разрабатывают маршруты, изучают специальную литературу, консультируются с учеными, краеведами.

Сейчас «искатели» заняты подготовкой к очень интересной экспедиции — поиску месторождения лечебной смолы мумиё, которую изучают ученые всего мира. У ребят есть своя гипотеза происхождения кавказского мумиё. Но ее надо проверить.

И. СОКОЛОВА

настоящего телеутской народности. Ребята получили наглядное представление о том, как жили телеуты до революции и как живут теперь.

В селах со светлыми домами им показывали заброшенные землянки, в которых когда-то ютились люди. Прежде почти все коренное население было неграмотным, а сейчас только из числа жителей одной телеутской деревни Челухоево два человека учатся в аспирантуре и шестнадцать — в вузах и техникумах.

Участники экспедиции собрали предметы народного быта для музея, записали песни, пословицы и поговорки.

В центре маленького районного городка Литин на Винничине стоит сол-

датский памятник. На гранитном постаменте высечены имена 63 советских воинов, которые в марте 1944 года пали смертью храбрых на подступах к городу.

Следопыты средней школы № 1 решили узнать, откуда эти солдаты ушли на фронт, сообщить их родным о месте захоронения героев.

Одно из первых писем ушло на Памир — на родину Юсуфбека Мирзобаева. Недавно ребята получили письмо от его отца Марзобека. Вот что он написал:

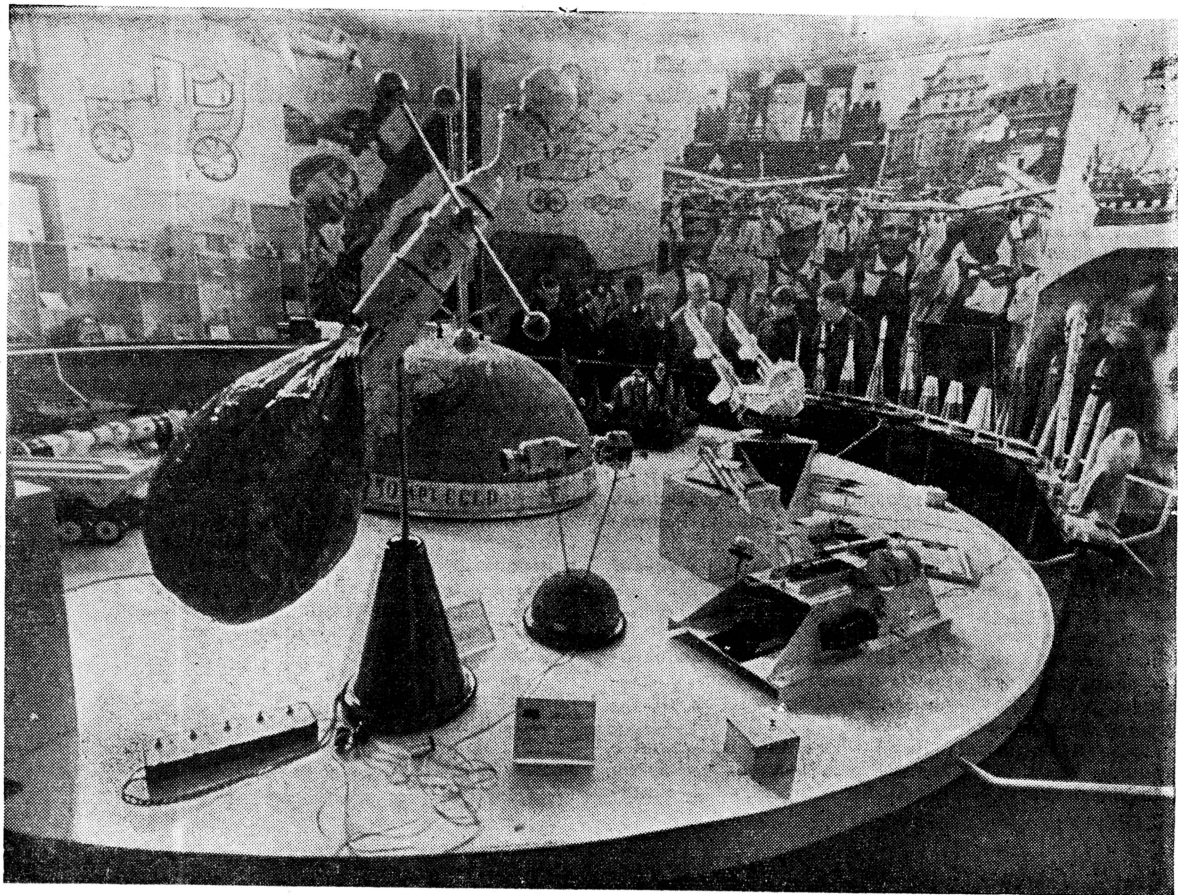
«Дорогие мои внуки! Много времени прошло с тех пор, как закончилась война, но раны, нанесенные ею, еще кровоточат. Моему мальчику было восемнадцать лет, когда в 1942-м оставил он родные го-

ры и ушел защищать Родину. Он часто писал письма домой. Мы знаем, что он был дважды ранен. Но вот письма перестали приходить, а весной 1944 года в наш дом поступило горе — пришла повестка о его гибели.

Не успела рана зарастить, как мы узнали о гибели старшего сына — Файзака. Но где его могила — до сих пор не знаем. Тяжело, очень тяжело писать о смерти сыновей.

Мы все очень благодарны вам, мои внуки, за память о Юсуфбеке».

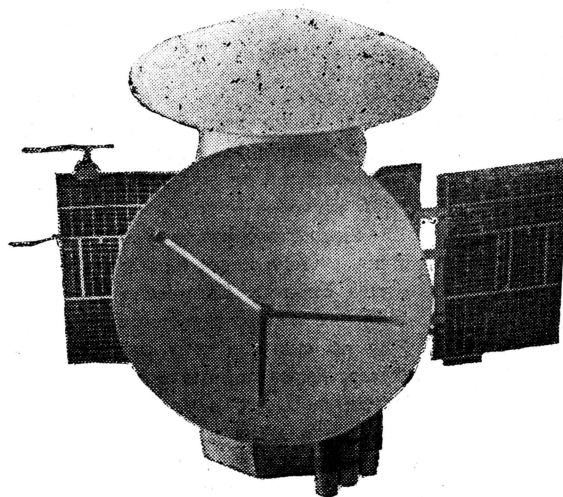
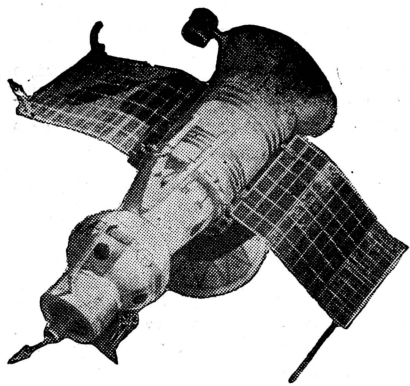
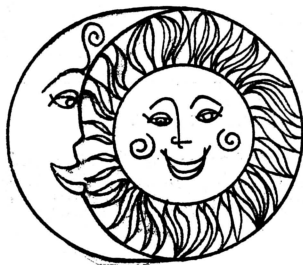
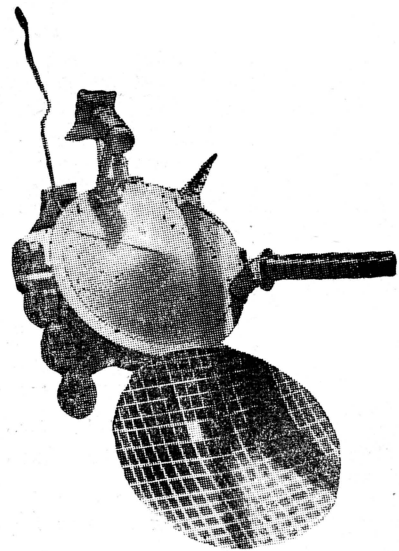
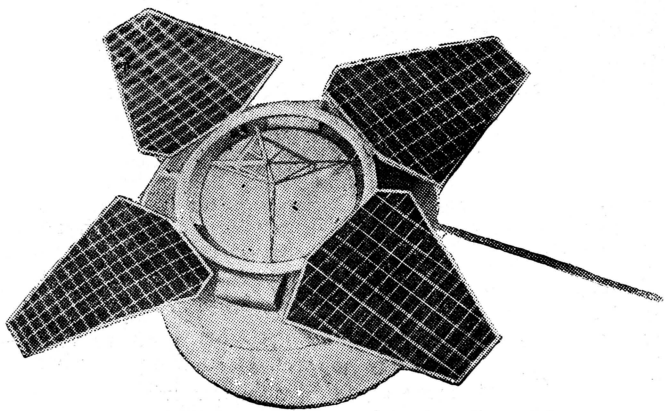
КОСМИЧЕСКИЙ КОНСТРУКТОР

В Музее истории космонавтики имени К. Э. Циолковского в Калуге собраны уникальные экспонаты, некоторые из них побывали в космосе. Перед вами тоже экспонаты музея. Правда, в космосе им побывать не доводилось и не доведется — они сделаны из бумаги.

Георгий Аршев, Сергей Волков, Евгений Фукмаков, Игорь Губенко, Сергей Киселев и Владимир Тихомиров из лаборатории космического моделирования Крымской областной станции юных техников под руководством Георгия Романовича Эстрина разработали этот конструктор. Пользоваться им очень просто. Надо разрезать листы точно по линиям и склеить. И в ваших руках появятся, как настоящие, или луноход, или спутник Земли, или межпланетная станция...

Космические аппараты из бумаги видели ученые, покорители космоса. Всем им они понравились, они считают, что это — великолепная игрушка для детворы. Пользуясь конструктором, изобретенным ребятами из Крыма, каждый школьник может организовать домашний музей космической техники.

А. НАГИБИН,
фото автора

МУСА ГАЛИ

Мужественность, чистота помыслов и чувств, юношеская страстность, любовь к родной башкирской земле — все это характерно для стихов Мусы Гали, и тех, что увидели свет в первом его поэтическом сборнике, вышедшем в 1953 году, в книгах, изданных в последующие годы, и в тех стихах, которые написаны им сегодня. Поэт встречает свое пятидесятилетие в расцвете творческих сил.

Снега, самые теплые снега

Снега. Какие легкие снега...
 Так и нырнул бы в их прохладный пух,
 Чтоб остудил он жар моих тревог,
 Чтоб освежил и плоть мою и дух.
 Сияние, какого нет нигде!
 Лишь родина несет нам этот свет...
 Снега блестят. Сверканье стальных слез,
 Забытых наших сказок синий след.
 Иду по снегу, куртку расстегнув...
 Снега, какие теплые снега,
 И над любовью первой — первый снег,
 Вы греете меня издалека.
 Сквозь холод лет вы греете меня,
 Вбираю ваше давнее тепло.
 В вас — свет души моей, поземка дней,
 Метели бед и праздника крыло.

*Перевела с башкирского
 Ирина Снегова*

* * *

Когда в дальний пускаюсь я путь,
 Молча еду дорогой степной,
 Чувство странное полнит мне грудь —
 Будто что-то потеряно мной.
 Но мой день — не без солнца рожден,
 Моя ночь — не без звезд и луны...
 То ли взгляд, ускользнувший, как сон,
 То ли радость минувшей весны,—
 Будто что-то потеряно мной:
 То ли нежная чья-то рука,
 То ль мелодия в чаще лесной,
 То ль роса на реснице цветка...
 Будто что-то потеряно мной:
 Может, заданный кем-то вопрос,
 Может, слово порою ночной,
 Что услышать потом не пришлось...
 Потерял ли я это в пути?
 Смыли ль воды, сгорело ль в огне?
 Как бы вспомнить мне, как бы найти!
 Где искать — наяву ли, во сне?..
 На душе неизбежная грусть —
 Будто что-то потеряно мной...
 И к разгадке я с муками рвусь
 Сквозь преграды, что встали стеной...
 Не подаст ли кто знак или весть —
 Что же это потеряно мной?..
 Может, в поисках этих и есть
 Высший смысл моей жизни земной?..

Обращение к роднику

Синева зачерпнув тубетейкой, мой дед
 Напоил меня властью той водою когда-то...
 Родником с той поры мои годы текли
 И не знали возврата, не знали возврата.
 О скажи мне, родник, ты ведь тысячи лет
 Рвешься к солнцу
 Сквозь землю, сквозь камни, сквозь травы,
 Как ты смог одолеть эту толщу земли,

Этот камень пробить?

Что за мощь в тебе, право!
— Ночь царит под землей.

Под землей — вечный мрак.
Но подвластен он силе моей и подсуден:
Тайна силы моей — в глубине. Это — так!
Оттого я не высох, хоть путь мой и труден...
Для того, чтоб увидеть земли светлый лик,
Я по каплям, трудясь, свое русло наполню.
Если слово созрело в тебе — в тот же миг
Обо мне, роднике, сам себе ты напомни!
Меру — грань позабыв, суетишься?.. Вину
Осознай — не блещи, словно лужица в мае:
Корни песен твоих пусть уйдут в глубину —
Слово к людям пробьется, преграды ломая...
...Осени мою песню и дай мне свой свет!
Путь к тебе устремляю, уж близкий к закату...
Синева зачерпнув тубетейкой, мой дед
Напомя меня влать той водою когда-то...

* * *

Мне говорят:

Не пламеней, уймись
В житейском этом странствии серьезном.
Хоть лбом о камень бейся! — Скрутит жизнь
И обуздает — рано или поздно...
Гадальщики! От вас одна беда:
Вам только вить бы из песка арканы...
Покоя ль ради мы пришли сюда,
В мир этот зыбкий, вздыбленный и странный?
Когда пылает голубая даль, не пламенеть?
Да что вы там твердите!..
Не пламенеть, когда скрежещет сталь,
Когда палит убийца из укрытья?
Не пламенеть, когда дитя-цветок,
Тропу забрызгав росами, смеется?
Когда на скалы, за броском бросок,
Волна в неистовом веселье бьется?
Унять, когда буйствует глупец,
В опасности — обычаи и разум?
Уймись — что с миром станет, наконец,
Коль, как и я, другие стихнут разом?
Что станет с миром, если вдруг родник,
Уймясь, пробить не сможет камня толщу,
И вслед за мною ветер стихнет вмиг,
И молния не засверкает больше...
Гадальщики!
Пока при свете дня
И в мгле ночной жизнь испытанья множит,
Ничто не сможет погасить огня
В душе моей — унять меня не сможет.

Перевела с башкирского
Елена Николаевская.

ПРИШЛА СКВОЗЬ НОЧЬ...

Живет в Москве женщина. Встает, как и все, по утрам, спешит на работу. Дел у нее всегда по горло. И в институте, где она, старший научный сотрудник, Ольга Ивановна Скороходова, участвует в важных исследованиях, занимается с аспирантами, выступает на обсуждениях. И дома, где ее ждут книги, недописанные статьи и письма, сотни и сотни писем со всех концов страны и из многих государств мира. И как-то даже не укладывается в голове, что эта живущая полнокровной творческой жизнью женщина — с самого раннего детства не видит и не слышит.

Слепозглухонемота. Она обрушилась на заболевшую менингитом девочку из степного украинского села, когда кругом бушевала гражданская война. Потом умерла мать. В пустой и холодной хате жалостливые соседки вздыхали над беспомощной восьмилетней сиротой. И горькой была бы судьба Ольги Скороходовой, родись она лет на десять раньше. Но она росла в советское время. В только что организованной Харьковской школе-клинике, куда она попала в 1925 году, девочке помогли освоить ручную азбуку, с ней стали заниматься опытные педагоги. А затем, после долгих месяцев упорной работы, профессор Иван Афанасьевич Соколянский сделал то, что многим казалось невозможным: восстановил у девочки устную речь.

Об этом писали, как о невероятном — слепозглухонемая заговорила! Сначала Ольга говорила плохо, трудно. Но она тренировалась часами, сотни и тысячи раз повторяя непослушные слова, — и в конце концов добилась нормального произношения. А с каким жаром она училась, как жадно впитывала знания!

О мужественной девушке узнала вся страна. Для тысяч людей она стала примером стойкости, несгибаемой силы духа. М. Горький писал ей: «Ваша личность для

меня... — символ победоносной энергии человеческого разума». И взволнованная, окрыленная вниманием и поддержкой, Ольга Скороходова обещала незнакомым друзьям в одном из своих стихотворений:

Товарищи мои, соратники, собратья!
Вот вам моя рука! Я к вам пришла сквозь ночь.
И все тепло души вложив в рукопожатье,
Я клятву вам даю преграды превозмочь!

Она сдержала свою клятву. Воля, талант и неутомимый труд прорвали злое колыце болезни. Наперекор всем несправедливостям природы Ольга Скороходова получила среднее образование, потом продолжала учебу в Москве, а в 1961 году, сорока семи лет, успешно защитила диссертацию, стала кандидатом педагогических наук. Сегодня вместе с другими сотрудниками института дефектологии Академии педагогических наук эта замечательная женщина, чей жизненный путь без преувеличения можно назвать подвигом, помогает людям, на которых обрушился недуг, найти свое место в жизни, как сумела его найти она сама.

О своем прорыве из тьмы, о мировосприятии Ольги Скороходова рассказала в книге, вышедшей в Москве вскоре после войны. Книга была переведена на несколько языков. В прошлом году издательство «Педагогика» выпустило ее новое, дополненное издание¹, куда вошли и стихи Ольги Скороходовой. Читая, не устаешь поражаться жизнестойкости, оптимизму, богатству интересов этой женщины, имя которой известно ныне всему миру.

Но есть еще одно имя, которое часто называют рядом со Скороходовой, — имя американки Элен Келлер. История ее жизни — это тоже история мужественной борьбы с тяжелым недугом. Но если Скороходова всегда чувствовала дружескую помощь множества людей, постоянную заботу страны, то Элен Келлер порой приходилось вести борьбу по существу в одиночку, опираясь на поддержку единственного верного друга...

¹ Скороходова О. И. «Как я воспринимаю, представляю и понимаю окружающий мир», Москва, «Педагогика», 1972 г.

В один из летних вечеров 1886 года в доме на тихой улице маленького городка в штате Алабама шестилетняя девочка играла на полу с матерчатой куклой. Прижимая к себе куклу, она время от времени ощупывала ее пальцами и издавала звуки, похожие на повизгивание щенка. И родители, глядя на девочку, в который раз спрашивали себя: думает ли она о чем-нибудь, возникают ли в ее мозгу сколько-нибудь связные мысли? И вообще, есть ли у этого ребенка хоть какие-то шансы стать разумным человеческим существом?

Элен Келлер не было еще и двух лет, когда после тяжелой болезни она лишилась зрения и слуха. О взрослом в таких случаях можно сказать: тяжелый недуг оборвал связи человека с окружающим миром. Но что сказать о ребенке, у которого еще не успело возникнуть ни прочных связей, ни устойчивых представлений об окружающем? Маленькая Элен оказалась отрезанной от мира стеной темноты и молчания, когда она еще ничего не знала о жизни. Правда, перед самой болезнью она уже начинала было лепетать отдельные слова, но что могло остаться в памяти после четырех лет безмолвия?

Целыми днями она бродила по дому, ощупывая стены и предметы, ориентируясь по запахам и дуновению воздуха от окна или двери. Но понимала ли она что-нибудь в этом тесном мирке, доступном ее осязанию и обонянию? На этот вопрос не было ответа.

Больше всего Элен любила играть со старой матерчатой куклой. А наигравшись, укладывала ее в кроватку, в которой спала, когда была совсем маленькой. Но вот однажды там появилось что-то новое, — незнакомое и непонятное девочке. Это «Что-то» было чуть больше ее куклы, но оно было теплее и шевелилось. С тех пор каждый раз, когда Элен подходила к кроватке, чтобы уложить свою куклу, мать, отец или служанка спешили увести ее из комнаты.

Но в этот летний вечер родители, разговаривая у открытого окна, не заметили, как Элен, встав с пола, пробралась вдоль стены к кроватке. В первый момент ей показалось, что постель пуста. Обрадованная, она стала укладывать в нее куклу, и вдруг пальцы ее наткнулись на «Что-то». Копившееся день за днем раздражение против этого неизвестно откуда взявшегося, нарушившего привычный уклад «Чего-то», внезапно вылилось во вспышку ярости. Элен с такой силой рванула к себе легонькую кроватку, что младенец выпал бы, не успей его подхватить подбежавшая мать. И долго еще Элен, словно дикий зверек, визжала, кусалась и царапалась, пытаясь вырваться из рук схватившего ее отца.

Когда девочка, наконец, обессилев, утихла и ее уложили спать, отец сказал:

— Она становится опасной. Я просто боюсь за бэби. Надо отослать ее в приют. Ничего не поделаешь, другого выхода у нас нет.

Но мать воспротивилась.

— Знаю я эти приюты! Там никому до нее не будет дела. Если б только нам удалось с ней объясниться!.. Я верю, что Элен — способная, умная девочка.

— Но разве мы не сделали все, что могли? Вспомни: к каким только врачам ее не возили! И все тщетно... Нет, я уже больше ни на что не надеюсь.

— И все-таки мы должны...

Они долго спорили в тот вечер, и в конце концов мать настояла на своем: попытаться еще раз.

И через некоторое время в доме появилась Анна Салливен, скромно одетая девушка из Бостона, которую Келлеры уважительно стали называть учительницей, хотя и знали, что подготовка у нее, увы, совсем не учительская...

Анна Салливен родилась в бедной семье и десяти лет осталась сиротой. Из жалости ее и маленького брата взяли в находившийся неподалеку приют для престарелых. Там они прожили четыре года — двое детей среди нескольких десятков больных стариков. Анна, у которой с раннего детства было очень слабое зрение, видела все хуже и хуже и, наконец, почти ослепнув, была отправлена в бостонскую школу-приют для слепых детей. Здесь четырнадцати лет она начала учиться в первом классе. После лечения зрение немного улучшилось, и девочка смогла продолжить учебу вместе со зрячими детьми. Но сколько было насмешек над «тетей», сидевшей за партой рядом с малышами! Когда Анна кончила шестой класс, ей было уже двадцать лет... Вот тогда-то ее и порекомендовали Келлерам. Это было счастьем для Элен, что учительницей ее стала именно Анна Салливен — девушка редкой доброты, ума, бескорыстия и сердечности.

Надо сказать, что Келлеры были людьми весьма скромного достатка. У отца Элен, редактора небольшой провинциальной газеты, дела шли так неважно, что временами, иногда по несколько лет, он не мог даже платить жалованье учительнице. Другая на ее месте, возможно, просто взяла и ушла бы. Но Анна так привязалась к девочке, что забывала о деньгах. А потом эта привязанность превратилась в дружбу, которую они обе пронесли сквозь всю жизнь, не расставаясь почти полвека. Вся история жизни Элен Келлер — это прежде всего история самоотверженности, верности и неутомимого труда замечательной женщины из народа Анны Салливен.

А между тем начало, казалось, не предвещало ничего хорошего. Элен с первого дня возненавидела «Чужую», которая завела новые, непривычные и непонятные ей порядки.

Родители, смирившись с тем, что слепоглухонемой девочке невозможно ничего объяснить, давно уже махнули рукой на ее «манеры». Элен ела руками. Привлеченная вкусным запахом, лезла за лакомыми кусками в чужие тарелки. Не умела обслужить себя в самом малом... Всему этому учительница с самого начала объявила войну. Терпеливо, день за днем она приучала девочку есть ложкой, правильно сидеть за столом, мыться, одеваться.

Элен яростно сопротивлялась. Она не могла понять, чего от нее хотят, почему «Чужая» не дает ей жить так, как она привыкла. Летели на пол ложки и тарелки, комната оглашалась ревом и визгом.

Долго не налаживался контакт. Сломать лед помогли бусинки — маленькие деревянные бусинки, которые Анна научила Элен нанизывать на нитку. Но еще больше понравилось девочке «играть в пальцы». Оказалось, что не так-то просто отгибать их по одному, по два, по три вверх или в сторону, крепко сжимая остальные, быстро складывать их в щепотку, так же быстро распрямлять ладонь, сжимать ее в кулак... «Пальцевых фигур» было много и все их надо было повторять за «Чужой» в определенном порядке. Но у Элен оказалась отличная память. Она быстро запом-

нила все фигуры и,— так бедна была развлечениями ее жизнь,— что бывало, устроившись где-нибудь в уголке, часами увлеченно «играла в пальцы» сама с собой или с куклой.

— Смотрите, она уже научилась составлять много слов! — не без гордости сказала однажды Анна отцу Элен.

Но тот по-прежнему не верил, что из всей этой затеи может что-то выйти:

— Она же не понимает, что означают все эти фигуры. Для нее это просто игра.

— Придет время — все поймет. Вот увидите, мистер Келлер!

Анна постаралась сказать это бодрим тоном, но в душе у нее, увы, не было полной уверенности... Да, она сумела завоевать доверие девочки, сумела вложить ей в руки инструмент. Но как научить ее пользоваться этим инструментом? Как заставить ее понять, что все эти сочетания «пальцевых фигур», которые она научилась так хорошо воспроизводить, — не что иное, как слова дактильной речи глухонемых? Как перекинуть мост от знака к предмету и понятию?

Чего только Анна не пробовала делать! Когда девочка тянулась за куклой, она «сигналила» ей в ладонь: «к-у-к-л-а» — и давала куклу только после того, как она повторит это слово. Когда Элен играла с собакой, Анна заставляла ее «произносить» пальцами: «с-о-б-а-к-а». И так — почти с каждым предметом. Но все было тщетно. Девочка охотно «играла в пальцы», но, как Анна ни билась, она не могла уловить никакой связи между этой игрой и окружающим миром.

Так начался и тот апрельский день. Все утро Анна, поставив перед Элен чашку с водой, пыталась растолковать ей слова «чашка» и «вода». Наконец, видя, что ничего не получается, она повела девочку гулять. Во дворе они остановились возле водопроводной колонки, и Анна решила сделать еще одну попытку. Она пустила воду. Элен подставила ладони под кран и улыбнулась: день был жаркий, и ей была приятна эта льющаяся прохладная струя. И тогда Анна принялась «сигнализировать» в мокрую ладошку: «в-о-д-а, в-о-д-а».

На лице Элен отразилась досада. Ей вовсе не хотелось сейчас «играть в пальцы», — хотелось просто держать руки под струей. Но Анна повторяла снова и снова, сначала медленно, затем все быстрее: «в-о-д-а, в-о-д-а, в-о-д-а»... И вдруг в лице девочки что-то изменилось. На миг она замерла, потом в волнении схватила Анну за руку. Маленькие пальцы задвигались, складываясь в знакомые фигуры: «в-о-д-а»... Она еще не успела кончить, когда дрогнувшая рука Анны быстро погладила ее по плечу. Это был знак одобрения, и пальцы Элен уже уверенно повторили: «в-о-д-а».

Поняла?! Анна еще боялась до конца поверить. Может быть, просто совпадение?..

Но Элен тут же рассеяла ее сомнения. Наклонившись, она коснулась пальцем земли и опять схватила Анну за руку, требуя ответа. «З-е-м-л-я», — ответили пальцы Анны. И девочка безошибочно повторила за ней новое слово.

Это был день открытий. Руки Элен не знали усталости. Они касались всего, что могли осязать, — и жадно просили Анну: назови!

К концу этого необыкновенного дня она знала уже больше тридцати слов. И среди них было слово, ставшее для нее таким же родным как «мать» и

«отец» — слово «учительница». Много лет спустя Элен Келлер напишет проникновенную, взволнованную книгу об Анне Салливен, которую она всю жизнь так и звала Учительницей. А тогда, в тот апрельский день 1887 года, девочка, ложась спать, в первый раз за все время крепко обняла и поцеловала Анну.

Всего две недели спустя Элен сумела составить целое предложение, а затем последовала первая «малышовая» книжка и первые неуверенно продиктованные на бумаге строки из рельефно-точечных брайлевских букв для слепых, — букв, усвоенных Элен уже через три месяца после того, как она узнала, что на свете существуют слова... Это удивительно быстрое развитие слепоглухонемой девочки, начавшей «с нуля», поражало воображение, казалось чем-то невероятным, загадочно-непостижимым. Имя Элен Келлер стали на все лады склонять в религиозных проповедях. Говорили об «озарении свыше», о «чудодейственном пробуждении разума», которое, дескать, неопровержимо свидетельствует о «божественном вмешательстве».

К счастью, сама Элен еще долго ничего не знала об «ореоле исключительности», которым поспешили окружить ее имя падкие на сенсации газеты, провозгласившие девочку из Алабамы «еще одним американским рекордом». Анна Салливен с самого начала прочно заслонила девочку от всей этой трескотни. Она понимала: если толки о «маленьком алабамском чуде» дойдут до Элен — это помешает ее развитию.

Потому что не было никакого чуда. Была очень сообразительная, одаренная девочка, изо всех сил тянувшаяся к жизни, к людям. И рядом была девушка, которой не хватало знаний и опыта, которая часто не знала, как подступиться к возникшим перед ней все новым проблемам нелегкого обучения, но в конце концов всегда находила верные решения, — все ее мысли были об одном: помочь Элен поскорей вырваться из тьмы и одиночества.

У них не было специальных часов, отведенных на уроки. Уроками были все дни с утра до вечера. А перерывами были игры. Понимая, как важно для Элен поверить в свои силы, Анна уделяла много внимания ее физическому развитию. Она научила девочку бегать по ровной лужайке, играть в пятнашки, забираться на развесистое дерево, ветви которого начинались почти у самой земли. «Лучше шишки и ссадины, чем сознание своей неполноценности», — говорила Анна в ответ на опасения родителей. Позже, когда Элен уже училась в Бостоне, Анна помогла ей научиться грести, плавать, даже нырять. Элен стала чувствовать себя в воде так уверенно, что иногда отваживалась купаться в пруду одна. Обвязывалась закрепленным на дереве шнуром, чтобы найти путь к берегу, — и плыла.

И еще ей всегда помогала огромная любознательность, интерес к жизни. Когда в то первое лето в городок приехал бродячий цирк, Элен, только что узнавшая от учительницы о слонах, львах, обезьянах и прочих диковинных животных, стала просить, чтобы ей их непременно всех показали. И так велика была настойчивость девочки, что дрессировщик, к которому привела ее Анна, не только прокатил ее на слоне и дал поиграть с мартышками, но, после некоторых колебаний, разрешил даже войти в клетку ко льву. Лев был очень смиренный, почти ручной, но когда Элен, погладив его спину и гриву, стала осяпывать нос, он слегка заворчал. И по дороге домой пальцы

девочки сообщили Анне о самом сильном впечатлении: «У льва большое мурлыканье». Конечно, она ничего не слышала там, в клетке, но чуткие пальцы уловили вибрацию, похожую на ту, которую она чувствовала, глядя кошку.

...1896 год. Элен Келлер, которой скоро исполнится шестнадцать, учится в Нью-Йорке в школе для глухонемых. Она единственная слепая в классе, но это не мешает ей быть одной из лучших учениц. Правда, рядом с ней за партой сидит Анна Салливен. Иначе нельзя: кто-то должен переводить Элен тексты учебников, объяснения учителей, ответы учеников. А когда после уроков они остаются вдвоем, Элен все чаще повторяет одну и ту же фразу: «Я хочу потом поступить в колледж». И Анна, которая первое время ничего ей на это не отвечала, надеясь, что Элен постепенно сама поймет, что мечтает о невозможном, — решает, наконец, поговорить со своей воспитанницей всерьез.

— Отдаешь ли ты себе отчет, как трудно попасть в колледж? — начинает она однажды вечером, неторопливо и четко «произнося» пальцами в ладонь Элен. — Сдать экзамен далеко не всегда удается и тем, у кого нормальное зрение и слух. А тебе пришлось бы заниматься вдвое напряженней, чем любому из них...

— Если надо, я смогу заниматься вдвое напряженней, — слышится в ответ. — Сил у меня хватит.

Да, это именно слышится. Уже несколько лет Элен упорно учится говорить. И хотя для постороннего уха речь ее звучит довольно невнятно и неразборчиво, — Анна понимает каждое слово.

— Но пойми: школа, в которой ты учишься, просто не может подготовит к поступлению в колледж. Ее программа на это и не рассчитана: глухонемые не поступают в колледжи...

— Значит мне надо перейти в школу, где учатся девушки с нормальным слухом и зрением.

Зрение... Элен и не догадывается, как ухудшилось оно у Анны за эти годы. По вечерам, переводя своей воспитаннице новую книгу или очередной параграф учебника (лишь немногие из них были написаны доступными Элен рельефно-точечными брайлевскими буквами), Анна все чаще вынуждена прерываться, чтобы дать отдохнуть глазам. И каждый раз придумывает какую-нибудь «причину» остановки, чтобы Элен ничего не заподозрила... А если Элен будет готовиться в колледж, читать придется в несколько раз больше. Выдержат ли ее глаза такое напряжение?

Но дело не только в зрении. Чтобы подготовиться в колледж и учиться в нем, нужно много денег, — а где их взять? Родители Элен так стеснены в средствах, что не только задолжали Анне жалованье за несколько лет, но не могли даже наскрести денег на поездку дочери в Нью-Йорк. И поездка, и учеба в школе для глухонемых стали возможны лишь благодаря помощи благотворителей. До сих пор Анна старалась скрывать от Элен все эти невеселые обстоятельства, — но, быть может, лучше сейчас сказать ей правду?

Нет, Анна чувствует, что не может, физически не может лишить свою воспитанницу надежды на поступление в колледж. И она пытается добыть денег: пишет письма, наносит визиты состоятельным людям.

Трудно сказать, дало ли бы все это результаты, если бы не Марк Твэн. Знаменитый писатель, которому шел уже седьмой десяток, принял живое уча-

стие в судьбе Элен Келлер. Он и его друзья развернули энергичную кампанию по сбору средств, и нужная сумма была собрана.

Элен становится ученицей подготовительной школы для девушек, собирающихся поступать в колледж. И, как всегда, рядом с ней за парту садится Анна. Все прежние занятия с Элен, отнимавшие столько сил, теперь кажутся ей совсем нетрудными по сравнению с новой нагрузкой. И не только потому, что читать приходится все больше и больше: Элен оставила уже далеко позади шестой класс, которым закончилось образование ее учительницы. Анна теперь учится сама, подолгу разбираясь в новом материале. Глаза устают так, что порой кажется: еще несколько дней — и она вообще не сможет читать... Все чаще Анна переводит Элен тексты, задачи, упражнения, которые сама не в состоянии понять. И все схватывающая на лету ученица нередко объясняет непонятное той, кого она по-прежнему с любовью называет Учительницей...

Два с половиной года пролетели незаметно. Наступил день, которого Элен ждала с таким волнением, — день начала экзаменов. Анну попросили выйти из класса. Ее место занял незнакомый Элен мужчина. Он переводил ей вопросы экзаменаторов, а Элен печатала ответы на пишущей машинке.

Да, на обыкновенной пишущей машинке для зрячих. Она научилась печатать на ней по десятипальцевой системе еще несколько лет назад. Элен так прочно запомнила расположение букв, что печатала не хуже профессиональных машинисток. И не только для себя. Анна поручала ей печатать многие свои письма и прочие бумаги. Каждый раз Элен требовала, чтобы ее работу тщательно проверяли, и, если обнаруживалась хоть малейшая ошибка, — перепечатывала все заново. Не удивительно, что сейчас, на экзаменах, преподаватели были поражены безукоризненной грамотностью ее ответов.

Экзамены, дающие право на поступление в колледж, успешно сданы, — но Элен ждет разочарования. Женский колледж при Гарвардском университете, куда она хочет поступить, — отказывается ее принять. Профессора не верят, что слепоглухонемая девушка сможет осилить весь курс обучения. Это большое, на что они могут согласиться, — это разрешить ей посещать некоторые лекции без права получения диплома. Анна просит, доказывает, убеждает, — все безрезультатно.

И тогда Элен садится за свою пишущую машинку и обращается к администрации колледжа с письмом. Она кончает его такими словами: «Я сознаю, как велики препятствия, которые мне надо будет преодолеть на пути к знанию. Но настоящий солдат не признает себя побежденным до того, как грянет битва».

Такой силой духа, таким страстным желанием учиться равно проникнуто это письмо, что оно не оставило равнодушными даже тех, кто возражал против приема Элен Келлер в колледж. И вот она — студентка.

С первых же дней им с Анной приходится заниматься еще напряженней, чем в подготовительной школе. Книги, книги, книги. Объемистые тома по философии, истории, литературе... Все чаще они засиживаются до глубокой ночи — это единственный способ не отстать от других студенток. Однажды вечером Анна прерывается на середине фразы и чувству-

ет, что не может больше прочесть ни слова. Строки сливаются перед глазами, голова разламывается от боли. Скрывать больше невозможно...

Встревоженная Элен, которая уже и до этого, чувствуя неладное, несколько раз просила Анну поверить зрение, — заставляет ее немедленно пойти к главному врачу, и сама отправляется вместе с ней.

— Это безумие! — восклицает врач, осмотрев глаза Анны и узнав, сколько она ежедневно читает. — Вы должны прекратить чтение по вечерам, если хотите сохранить остатки зрения!

— Что он сказал? — спрашивает Элен, когда они выходят из докторского кабинета.

— Сказал, чтобы я давала глазам немножко больше отдыха, — отвечают пальцы Анны.

Однако Элен теперь уже не обманешь. Полная беспокойства, она готова бросить колледж, — но, к счастью, удается найти женщину, которая знает «пальцевую речь» и согласна частично заменить Анну в роли тещи и переводчика. Только частично. Анна по-прежнему всегда рядом с Элен и по-прежнему помогает ей в наиболее трудных занятиях.

А самое трудное из них — работа над книгой. С этим предложением является к Элен один нью-йоркский издатель, познакомившийся с несколькими написанными ею в колледже сочинениями. Времени и без того не хватает, и все-таки, отрывая часы от сна, Элен принимается за книгу. Она пишет о своем детстве, о том, как вошла в ее жизнь Анна Салливен, как шаг за шагом помогала ей выбираться из тьмы. Пишет, зачеркивает, переделывает снова и снова. Кажется, этой работе не будет конца...

И тем сильнее радость Элен и Анны, когда в 1902 году книга «История моей жизни» выходит в свет. А еще через два года всплакнувшая от счастья Анна поздравляет свою воспитанницу с окончанием колледжа. Взысканная Элен бережно ощупывает только что полученный диплом, — никогда и нигде еще не вручавшийся человеку, лишенному зрения и слуха.

Итак, — успех. «Историю моей жизни» переводят на многие языки. На полученные деньги Элен и Анна покупают дом — первое их собственное жилище. Но, увы, сбережения тают гораздо быстрее, чем можно было ожидать. И встает вопрос: что делать дальше?

Элен пробует заняться литературным трудом. Но издатели возвращают ей рукописи, вежливо, но твердо давая понять, что для них могут представлять интерес лишь рассказы о себе самой. А все, что она могла о себе написать, уже написано... И Элен вынуждена принять предложение отправиться в поездку по стране с платными лекциями.

Разумеется, с ней едет Анна. И каждый раз они появляются перед аудиторией вдвоем: несмотря на ежедневную упорную тренировку, произношение Элен остается очень нечетким, малоразборчивым, и Анне приходится повторять за ней чуть не каждое слово. Но интерес к лекциям-рассказам Элен о своей жизни — от этого не понижается. Залы неизменно полны даже в самых маленьких городках.

Месяц за месяцем они колесят по Штатам. Поезда. Вокзалы. Сутолока пересадок. Незнакомые гостиницы, где Элен, не зная расположения комнат, не может и шагу ступить без помощи Анны. А глаза Анны видят все хуже. Она не говорит об этом ни слова, но Элен и сама чувствует, какими неуверенными стали ее шаги на улицах — особенно по вечерам.

Однажды в Буффало, не разглядев ступенек,

Анна падает с лестницы. Травма так серьезна, что поездки приходится на некоторое время прервать. Но едва Анна встает на ноги, — они снова отправляются в свое бесконечное лекционное турне.

Элен понимает: эти путешествия становятся для них непосильными — на улицах и перронах Анна теперь почти так же беспомощна, как она сама. Но что поделаешь, лекции — их главный источник дохода. Никакой другой работы ни у нее, ни у Анны нет... И они продолжают ездить до тех пор, пока болезнь снова не сваливает Анну с ног.

Дом, купленный после окончания колледжа, приходится продать. И хотя Элен начинает получать небольшую благотворительную пенсию от миллионера А. Карнеги, денег все равно не хватает. Ведь теперь их трое: к Элен и Анне присоединилась молодая девушка — шотландка Полли Томсон, ставшая их верной и незаменимой помощницей. Полли — и секретарша, и переводчик, и повариха, и провожатая. В общем, семья выросла, а «кормилец» по-прежнему один — Элен.

Неожиданно для всех она поступает в... эстрадно-цирковую труппу. Многие осуждают ее за этот шаг: «Столько учиться, кончить колледж, — чтобы потом развезжать с циркачами, показывая себя, как диковинку?!» Элен отвечает коротко и ясно: деньги. Это для нее единственный способ выбраться из материальных затруднений, сделать кое-какие сбережения, необходимые для лечения Анны.

Собственно, номер, с которым она выступает, несложен. Элен в нарядном платье под музыку проходит по сцене, подходит к роюлю, касается вазы с цветами, затем обращается к залу с небольшой речью. Но потом приходится еще отвечать на вопросы, нередко глупые и бестактные. Чаще всего ее спрашивают, закрывает ли она глаза, когда спит... Публике особенно нравится, что Элен благодарит ее за аплодисменты. «Я ощущаю их ногами», — объясняет она.

Вот так два года гастролировала Элен Келлер вместе с клоунами, акробатами, жонглерами и дрессировщиками. А позже, получив, наконец, достойную ее знаний и способностей работу в Фонде помощи слепым, сколько еще раз повторила она маршруты своих прежних поездок по Штатам, взывая к сочувствию, неутомимо собирая пожертвования для тех, кого поразил недуг!..

Ольга Скороходова и Элен Келлер. Две стойкие, сильные духом, целеустремленные женщины, сумевшие не только прорвать стальное кольцо болезни, но и подняться к высотам знания и творчества, стать нужными людям. Их пример показывает, как велики возможности человека. Но сравнивая эти два жизненных пути, невольно думаешь о том, насколько труднее было мужественной американке пробивать себе дорогу в обществе, где властвуют деньги.

М. ЛИСТОВ

ВЛАДИМИР САНИН

Повесть,

Новая метла чисто метет

призванная

внести

необходимую

ясность

в некоторые

сенсационные

события,

потрясшие

весь мир

Если покойный колдун и посеял кое у кого из кванов сомнения в божественном происхождении сына Солнца, то теперь эти сомнения исчезли без остатка. Верный Нув торжествовал и ходил по становищу с таким гордым видом, словно он, а не Лан сразил колдуна лучом.

Кстати, тот же Нув оказал нашим друзьям еще одну большую услугу. Именно по его предложению общее собрание племени единодушно избрало колдуном Аркашу — честь, которая еще никогда не оказывалась лицу его возраста и тем более пришельцу. Согласно обычаю, Аркаша трижды отказывался от столь почетного предложения, но в конце концов позволил себя уговорить и с благородным достоинством принял из рук вождя отличительные знаки колдуна — четыре шакальих хвоста, которые торжественно были привязаны к его шевелюре.

— Хорош! — не без ехидства сообщил Лешка. — Поздравляю, гражданин колдун!

— Спасибо, — проворчал Аркаша, с отвращением ощупывая хвосты. — Как бы избавиться от этой дряни?

— Издай новый закон, — посоветовал Лешка. — Скажем, отныне колдуну вместо шакальих хвостов носить собачьи. Должен ведь ваш брат мракобес чем-то отличаться от прочих верующих! Впрочем, не расстраивайся, они тебе идут.

Однако шутки шутками, а новое служебное положение дало

Рисунки

С. Хализова

Окончание. Начало см. в № 9.

ребятам весьма ощутимые преимущества. По табели о рангах колдун кванов был вторым человеком после вождя, а учитывая то, что обладателем шакальих хвостов являлся теперь не какой-нибудь безграмотный Пок, а сын Солнца, этот пост приобрел особую роль. После блистательной победы в поединке авторитет Лана был столь высок, что — стыдно об этом рассказывать — кваны падали на колени и целовали следы его ног. Пришлось специальным актом запретить такое безобразие, а заодно и процедуру целования ступни с последующим водружением ее на голову.

Седобородый Тан настолько уверовал во всемогущество нового колдуна, что безропотно согласился и на ряд других реформ.

Так, начисто отменялись жертвоприношения Солнцу — вредный обычай, из-за которого племя лишалось значительной части пищи. Вместо мяса богам отныне преподносились только обглоданные кости, которые, как безапелляционно заявил Аркаша, его небесный родитель считает лакомством.

Был изменен и ритуал молитвы о ниспослании кванам удачной охоты. Прежде Пок, сын Шакала, уединялся в пещере и полчаса там бесновался, выкрикивая какие-то нелепости. Это, быть может, и вселяло в кванов священный трепет, но не способствовало их эстетическому воспитанию. Аркаша и Лешка решили, что если уж кваны требуют заклинаний, то пусть они будут выдержаны в духе оптимизма и прививают людям музыкальные навыки. Отныне перед охотой кваны собирались на площади Стрельцова и слушали новую молитву. Аркаша становился в позу и запевал:

Заправлены в планшеты космические карты
И штурман уточняет в последний раз маршрут.
Давайте-ка, ребята, закурим перед стартом,
У нас еще в запасе четырнадцать минут!

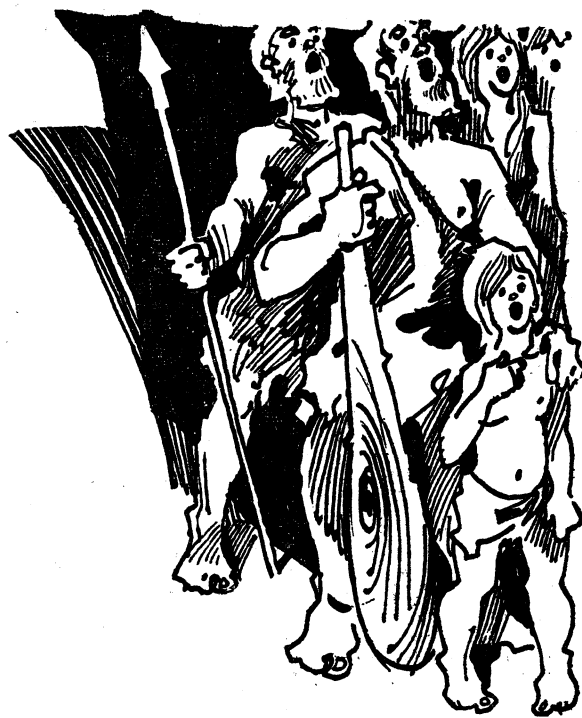
Далее включался Лешка со своим баритоном, и ребята пели вместе:

Я верю, друзья, караваны ракет
Помчат нас вперед, от звезды до звезды!
На пыльных тропинках далеких планет
Останутся наши следы...

Тут все племя подхватывало вызубренный наизусть рефрен и в молитвенном экстазе повторяло:

...на пыльных тропинках далеких планет
останутся наши следы!

Новая молитва кванам понравилась до чрезвычайности, и, главное, она приносила

им удачу: целых полтора месяца подряд охота была отличная, пока не произошло чрезвычайное происшествие, о котором читатель узнает несколько позднее.

Стрела летит в архара

Нув допустил одну оплошность. Кванам еще ни разу не удавалось полакомиться мясом архаров, горных козлов, которые прыгали по неприступным скалам, держась от охотников на расстоянии, вдвое превышающем дальность полета дротика. Поэтому, если кто-либо из них завирался, кваны шутили: «Ну, пошел ловить архаров!» И когда Нув метким выстрелом из лука поразил эту вождящую цель, он был вне себя от радости. Ему бы сказать, что козел случайно свалился со скалы, — и все бы этому поверили. Однако Нув был плохим дипломатом и гордо заявил, что самолично убил архара. Врать парень не умел, а оправдаться — не мог: дал слово Лану и Поуну молчать о луке.

Над беднягой смеялось все племя, посчитав его хвастуном. Насмешки мужчин Нув переносил болезненно, но страшнее всего было то, что над ним вместе со всеми смеялась и Лава, к которой юного геркулеса влекло с неодолимой силой. Если раньше дочь Вака благосклонно с ним разговаривала и даже — верный признак симпатии! — расчесывала при нем свои прекрасные черные волосы, то теперь она относилась к Нуву с неприкрытой иронией. Нув ей нравился, но хвастовство у кванов считалось почти таким же непростительным пороком, как трусость.

Обо всем этом, вызванный, наконец, друзьями на откровенность, рассказал сам Нув. Он недоумевал: почему Лан и Поун продолжают скрывать от племени лук? Разве они не хотят, чтобы кваны стали сильнее? Вникнув в состояние без вины виноватого друга, Лешка и Аркаша приняли важное решение.

Аркаша трижды ударил колотушкой по звенящей стальной стенке древнелета. Услышав сигнал: «Все на сбор!», кваны бросили свои дела и сбегались на площадь. Сын Солнца был краток.

— Может ли кто-нибудь из охотников убить архара? — спросил он. — У кого хватит силы поразить архара дротиком или копьем?

Взглянув на вершину скалы, где резвились горные козлы, кваны заулыбались. Скала была почти отвесной, и даже гибкий леопард не рискнул бы своей шеей ради столь неверной добычи.

— Такой кван еще не родился, — усмехнулся седобородый Тан, лучший охотник племени, и, спохватившись, добавил: — Может быть, Лан своим лучом убьет архара?

— Это сделает Нув, сын Оленя, своим языком! — выкрикнул шутник Коук, и все засмеялись.

Нув печально взглянул на своих могущественных друзей и опустил голову.

— Хорошо! — согласился сын Солнца. — Пусть это сделает Нув.

И взяв из рук Лешки лук, протянул его побледневшему от волнения юноше.

Кваны продолжали смеяться шутке Коука: странный предмет, который держал Нув, им ни о чем не говорил.

— Если Нув промахнется, он умрет от стыда, — прошептал юноша.

— У Нува сильная рука и верный глаз, — подбодрил его Лешка. — Лан и Поун знают, что Нув не осрамится.

Нув посмотрел на Лаву, которая насмешливо улыбалась, глубоко вздохнул и прице-

лился. Мгновенно распрямилась туго натянутая тетива, и пораженный стрелой архар свалился со скалы к ногам онемевших от неожиданности кванов.

Не веря своим глазам, Тан подошел к архару и потрогал стрелу.

— Архар мертв! — торжественно изрек вождь. — И это сделал Нув!

— Своим языком! — гордо напомнил юноша. — Над Нувом все смеялись!

— Но теперь мы знаем, что Нув не хвастун, — возразил вождь.

«И Лава тоже знает?» — глазами спросил Нув у девушки, и она ответила ему взглядом, от которого на бледном лице юноши вспыхнул счастливый румянец.

— Лук подарили племени Лан и Поун! — воскликнул Нув. — Теперь руки у кванов станут длиннее на много шагов!

— Лан и Поун дадут лук каждому квану? — сдерживая радость, спросил Тан.

— Да, каждому, — волнуясь, подтвердил Аркаша: ведь шла воистину великая, звездная минута! Он кивнул Лешке, и тот принес из тайника, устроенного в расщелине скалы, груды изготовленных ранее луков и стрел.

Прошли бы десятилетия, а может быть и века, и люди все равно изобрели бы это оружие. Поэтому будем скромно считать, что наши друзья благодетельствовали не все человечество, а его небольшую часть — немногочисленное племя.

Лук, быстро освоенный кванами, сделал охоту менее опасной и более добычливой. Дротики и метательные копья с крючками уходили в прошлое, даже дети не желали ими развлекаться, предпочитая стрелять по воронам и шакалам из маленьких луков. Отныне охотник, пусть и не очень сильный, мог поразить животное на расстоянии в несколько десятков шагов.

Кваны были счастливы, но больше всех — Нув. Не только потому, что восстановил свое доброе имя: дальше и точнее Нува никто — даже могучий Тан — не мог послать стрелу.

«Адмиральский козел»

Всякое великое изобретение приводит к неожиданным последствиям.

Лук произвел переворот в жизни кванов: охота стала отнимать куда меньше энергии. Если раньше охотники возвращались к вечеру и без сил валились на землю, то теперь

они приносили добычу уже в полдень. В них бурлили неизрасходованные силы, и мужчины не знали, куда себя деть. Они изготовляли впрок луки, стрелы и каменные орудия, бесцельно бродили по становищу, часами болтали, сидя у костра, спали до одури — и все равно, как говорил сын Луны, «свободного времени у них оставалось вагон и маленькая тележка».

Праздношатающиеся мужья вмешивались в домашнее хозяйство, давали нелепые указания, требовали разнообразия в еде и усиленного внимания к своим драгоценным особам, вызывая тем самым у жен справедливую досаду.

В жизнь племени срочно требовалось внести какое-то разнообразие.

Назревали важные реформы.

Первой и главной из них явился перевод старых охотников на пенсию. Эта гуманная мера не только сохраняла их здоровье, но и удлиняла рабочий день молодых кванов. Старики были чрезвычайно довольны своим новым положением и свысока посматривали на зеленую молодежь. Но это продолжалось недолго. Новизна ощущений быстро прошла, и — вечная проблема! — пенсионеры начали изнывать от безделья, которое дурно влияло на их характер и приводило к многочисленным склокам. Выполнять женскую работу — подметать пещеру, выбивать пыль из шкур, собирать ягоды и прочее — старики наотрез отказывались, а никакого другого занятия им предложить не могли.

— И как мы это забыли! — спохватился Лешка. — Эх ты, а еще сын Солнца! Я бы такого колдуна уволил без выходного пособия.

Лешка разыскал подходящую древесину, уселся за работу и к вечеру изготовил не очень изящный, но, прямо скажем, вполне пригодный комплект домино.

Как известно, чтобы научиться этой игре, высшего образования не требуется, и воспрянувшие духом старики быстро стали заядлыми «козлистами». С утра до вечера они «забывали козла», входили в раж, отчаянно спорили и ругались. Аркаша не забыл внести в свою тетрадь, что первую «рыбу» сделал Тун, сын Быка, а первого «адмиральского козла», огорчив противников до слез, дал одноглазый Вак.

Кстати, изобретение домино принесло облегчение и женщинам: Лан и Поун установили, что топливо для очагов должны запасать проигравшие.

«Проблема пенсионеров» была решена, и тогда Аркаша напомнил своему заместите-

лю, что в спортивной сумке уже десять дней задыхается без работы и сохнет от тоски футбольный мяч.

— А с кем я буду играть? С архарами? — огрызнулся Лешка, немало смущенный тем, что в сутолоке будней забыл о футболе.

Деликатный Аркаша промолчал, а час спустя изумленные кваны смотрели, как сын Луны забавляется странным подпрыгивающим предметом: подбрасывает его ногами, головой, плечом и подолгу не дает предмету опуститься на землю. Старики полюбовались занятым зрелищем и вернулись к своему домино, а молодежь, как и следовало ожидать, влюбилась в мяч с первого взгляда. Площадь имени Эдуарда Стрельцова по своим размерам соответствовала футбольному полю, и молодые кваны до наступления темноты с несказанным азартом гоняли мяч от ворот до ворот. Разумеется, о правилах и, тем более, о технике не могло быть и речи, но сам процесс игры так пришелся кванам по вкусу, что следующим утром после «охотничьей молитвы» никто не захотел идти работать. Только когда сын Луны расшнуровал мяч и тот, шипя, испустил дух, новоиспеченных футболистов удалось выпроводить из становища на охоту. Как читатель догадывается, к футболу мы еще вернемся.

Большое внимание наши ребята уделили и подрастающему поколению. Мальчики у кванов были рослыми и крепкими, они не боялись ни холода, ни жары и мечтали поскорее стать охотниками. Девочки мало в чем уступали своим сверстникам: таких отчаянных забияк надо было еще поискать.

Лешка решил создать из подростков команду спортсменов. Кроме обязательной стрельбы из лука, дети занимались спортивным плаванием, бегом на короткие дистанции, прыжками, метанием копья. Дети же младшего возраста научились играть в прятки, классы и... стали воспитывать щенков. Лан и Поун, хотя и не без труда, убедили Тана в огромной пользе, которую принесут племени собаки.

Так что позвольте внести в наше документальное повествование еще один пункт: первые собаки — Барбос и Жучка — были приручены племенем кванов в июле месяце десятого тысячелетия до нашей эры.

Влияние инициативного Поуна все росло. Перечень его заслуг блистал такими достижениями, как изобретение домино, футбола и глиняной посуды. Именно — посуды... Однажды Лешка вылепил из глины чашку и обжег ее на огне. Красавица Кара, дочь Лилии, первой заинтересовалась гончарны-

ми экспериментами Лешки, быстро ухватила суть дела и вскоре превзошла все надежды наших ребят: глиняная посуда, сделанная ее руками, была достаточно крепкой, не лишенной изящества, а главное — разнообразной. Многие женщины племени последовали примеру Кары. Но никто, разумеется, не забыл, что самую первую чашку сделал сын Луны.

Кроме того, Лешка научил кванов пользоваться рычагом. Ликованию племени не было конца, когда всего лишь трое охотников, руководимые Лешкой, сдвинули рычагом — пятиметровой лесиной — огромный камень и сбросили его с горы на дно узкой расщелины, по которой, как утверждали кваны, могли незаметно пробраться тауры.

Одних этих дел уже было вполне достаточно, чтобы обессмертить Лешкино имя.

Прошу, однако, не думать, что авторитет сына Солнца пошатнулся. Отнюдь нет! Кваны хорошо помнили, что именно Лан рассыпал звезды и волшебным лучом убил злого Пока, по которому никто не собирался плакать. А молитвы Лана? Разве не они обеспечивают кванов обильной добычей?

Конечно, Аркаша не завидовал Лешкиной славе — наоборот, успехи друга радовали его. Однако положение первого колдуна обязывало. Сын Солнца знал, что кваны ждут от него очередного чуда и их ожиданий нельзя обмануть.

Не сразу, конечно, но удалось и это. Была поймана буйволица с теленком, постепенно приручена, названа Зорькой. И пришел день, когда эта первая в истории корова допустила к своему вымени первую доярку — все ту же неугомонную Кару, дочь Лилии. Это был воистину торжественный момент, ребята очень жалели, что не могут вызвать из редакции газеты фотокорреспондента.

Кстати сказать, на пути одомашнивания животных сын Солнца смертельно рассорился с угрюмым человеком по имени Воок. Тот категорически был против молока, считая, что оно на пользу лишь грудным детям, а не мужественным воинам. Воок демонстративно разбил кувшин с первым надоем и даже замахнулся палицей на Аркашу.

Этот последний поступок навлек на Воока гнев всех кванов. Поднять руку на сына Солнца, как он смел! И вождь изгнал Воока из племени. Никто не пожалел об этом, но Воок, уходя, затаил зло. Он кричал издали, что сын Солнца и сын Луны — не боги, что это простые мальчишки, что он еще отомстит...

Когда-то колдун Пок готовил Воока себе в преемники. Теперь изгнанный Воок изливал свою ярость словами поверженного колдуна. А племя смеялось вслед Вооку — смеялось, пока он не скрылся за дальним перевалом.

Однако угроза Воока имела последствия...

«Жил-был таур трусливый!»

Случилось так, что увлечение пением охватило все племя. Аркаша и Лешка только диву давались. Выучив с полдюжины песен, кваны беспрестанно их распевали, нещадно коверкая слова и нимало не смущаясь этим: все равно о смысле текста они не имели ни малейшего представления. Правда Нув и Кара, обладавшие тонким слухом и превосходной памятью (Нув с одного раза запомнил наизусть клич Лана, потрясший кланов во время его поединка с Поком), делали все меньше ошибок и пели на русском языке вполне сносно, хотя и с иностранным акцентом. Но рулады одноглазого Вака заставляли Аркашу и Лешку содрогаться в конвульсиях. Музыка старый кван отдавался почти столь же фанатично, как игре в домино. Однако с меньшим успехом. Вак полагал, что главная задача певца — орать как можно громче, и обращал внимание не столько на мелодию, сколько на раскатистое произношение буквы «р». От слов, не содержащих этой буквы, Вак отделялся скороговоркой, а потом уж расходился востом:

Бур-р-р-ря мгланеба кр-р-рой!
Вихр-р-р-ри снежна кр-у-руты!
Тока звер-р-р назавой!
То заплакадядя!

Других песен он еще не выучил, но свой любимый куплет ревел по десять раз в день, вызывая насмешки слушателей, интуитивно чувствовавших, что Вак явно не Шалапин.

Седобородый Тан, чутко улавливавший настроение своих подданных, предложил колдунам — к этому времени Лешка за свои доблести был увенчан четырьмя шакальими хвостами — создать песни на кванском языке. Ребята, конечно, согласились, и заказы посыпались со всех сторон. По праву дружбы первой была удовлетворена заявка Нува, попросившего сочинить песню о Лаве, потом Вак получил текст со множеством «р» о своем прародителе Буйволе, футболисты — о футбольном мяче (вольный перевод песни Владимира Войновича и Аркадия Остров-

ского) и так далее. Колдуны сознавали, что музыка — важная часть общечеловеческой культуры, и отнеслись к заказам со всей серьезностью. Для облегчения работы было решено, не мудрствуя лукаво, подгонять кванские слова под известные мелодии. Так, Нув, например, при появлении любимой запевал своим звучным баритоном:

По становищу красавица идет!
Нув про Лаву эту песенку поет!
Пусть дочь Вака слушает, Нув ей будет петь!
Очень Нув желает на нее смотреть!

Лава, первая на свете красавица, в честь которой исполнялась серенада, останавливалась и в качестве гонора исполнителю позволяла досыта собою любоваться. Все девушки отчаянно ей завидовали и требовали от своих поклонников таких же знаков внимания. Поэтому Лану и Поуну, в приемной которых вечно толпились просители, пришлось работать в две смены, пока все влюбленные не обзавелись собственными серенадами.

Наконец-то появился и первый поэт среди кванов: им оказался Коук. Лично, своими силами, без всякой посторонней помощи он создал на мотив «Блохи» замечательные куплеты о хвастуне-тауре. В исполнении автора куплеты пользовались грандиозным успехом. Живо жестикулируя и корча забавные рожи, Коук пел своим дребезжащим тенором:

Жил-был таур трусливый!
Большой хвастун он был!
Своим языком длинным
Он мамонта убил!
Ха-ха! Глупый таур!
Ха-ха! Большой хвастун!
Но вот таур однажды
Зайца повстречал!
И так перепугался,
Что сразу убежал!
Ха-ха! Трусливый таур!
Ха-ха! Зайца испугался!

Коука заставляли петь «на бис» до тех пор, пока он совершенно не охрип. Даже седобородый Тан не устоял против искушения и голосом, лишенным всякой музыкальности, частенько напевал с тех пор:

Ха-ха! Трусливый таур!
Ха-ха! Зайца испугался!

С утра до вечера над становищем звучали песни. Пожилые пели про таура и «Ревела буря, дождь шумел», молодежь — серенады и «Катюшу», а дети — про серенького козлика, от которого остались рожки да ножки.

С легкой руки шутника Коука и другие доморощенные поэты начали складывать свои песни. Не все из них вошли в золотой фонд кванской музыкальной культуры, но главное было сделано: песня завоевала прочные позиции.

Чем пагать духом, лучше пагать носом

Однажды Лешка застал Аркашу за странным занятием: тот сидел на валуне и не отрываясь смотрел на часы.

— Сын Солнца боится прозевать обед? — поинтересовался Лешка.

— Погоди... еще немножко... — Аркаша впился глазами в циферблат, потом встал и высокопарно провозгласил: — Исполнилось ровно полтора месяца с того мгновения, как терзаемый любопытством сын Луны, в миру Алексей Лазарев, нажал своим преступным пальцем кнопку древнелета. Приветствую тебя, о Поун, в эту знаменательную минуту!

— Что ж, юбилей, — согласился Лешка, присаживаясь. — Как будем отмечать, товарищ колдун? Предлагаю заколоть на шашлык мамонта и приготовить рагу из носорога. Голосую: кто «за»?

Аркаша вздохнул и сел на валун. Шутка повисла в воздухе.

— Скучаешь? — догадался Лешка.

Аркаша кивнул.

— Знаешь, иногда просыпаюсь и места себе не нахожу! — признался он. — Нам-то что, а родители... Через две недели ребята в девятый класс пойдут... Все, что угодно, отдал бы за книги... Может, еще разок древнелет попробуем?

Аркаша говорил прерывисто и бессвязно. Лешка молчал.

— Прости, — сказал Аркаша, вставая. — Размагнитился немножко. Пройдет.

— Садись, — предложил Лешка и с любовью посмотрел на друга.

Аркаша сильно изменился и мало чем напоминал прежнего тихоню, вечно погруженного в свои возвышенные мысли о прошлом человечества. Он вырос, сильно загорел и окреп — его руки налились мускулами, в движениях появилась решительность, а в глазах — воля. От Аркашиной одежды остались брюки, переделанные в шорты, и рваная куртка. Полуботинки давно развалились. К ступням Аркаша привязал два куска невыделанной оленьей кожи — ходить босиком он так и не научился.

Лешка выглядел еще более экстравагантно — разумеется, с точки зрения современного франта: все его обмундирование состояло из набедренной повязки и бутсов. Правда, в рюкзаке хранилась заветная динамовская форма, но ее Лешка берег. Он тоже заметно вытянулся и раздался в плечах. Аркаша определил, что если его друг будет два года расти такими темпами, он наверняка догонит Нува.

— Да, размагничиваться в нашем положении вредно, — сказал Лешка. — Чем падать духом, лучше падать носом, как батя говорил. Все равно, братишка, нам деваться некуда. Давай не мечтать, а просто вспоминать Москву, как сказку, ладно?

— Хорошо, — согласился Аркаша.

— А древнелет попробуем, — продолжал Лешка. — Но в последний раз, чтобы не мучить себя несбыточными надеждами. А то в Маниловых превратимся. Руку?

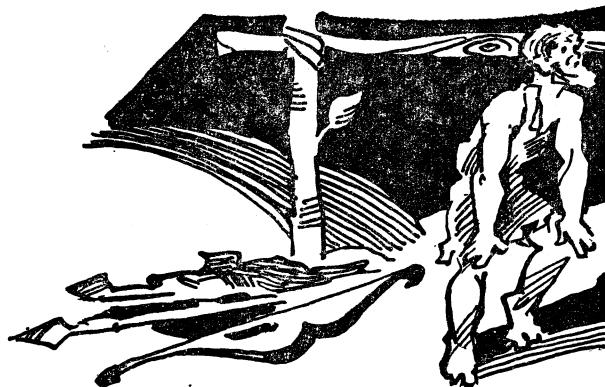
Друзья обнялись.

Новые попытки запустить древнелет ничего не дали, и ребята решили его разобрать. Единственным подходящим инструментом оказалась отвертка в Лешкином ноже — к счастью, добротная сделанная. Два дня с утра до вечера, сменяя друг друга, ребята отвинчивали сотни больших и малых болтиков, выдергивали заклепки, разрушая чудесную машину — гордость Чудака.

По становищу быстро пролетела волнующая весть: «Лан и Поун остаются с племенем навсегда!» Древнелет, почитаемый и священный, до сих пор беспокоил кванов, как бельмо на глазу — все помнили, как он когда-то растворился в воздухе, унося с собой Лана и его высокого тощего спутника. Вождь запретил соплеменникам задавать Лану и Поуну вопросы о древнелете, чтобы не натолкнуть колдунов на мысль вновь улететь. И теперь радостно взволнованные кваны смотрели, как один за другим, обнажая остов древнелета, слетают сверкающие стальные и алюминиевые листы.

Древнелет разбирали бережно: до появления металла пройдут еще тысячелетия, и все могло, как говорил Лешка, «пригодиться в хозяйстве». Десятки листов, стальных трубок, мотки проводов, полупроводники и прочее богатство было тщательно сложено в пещере и прикрыто шкурами. К удивлению Лешки, в стенках древнелета оказались два мощных аккумулятора тока, вполне пригодных для использования.

— Эх, нашлись бы лампочки, — вздыхал Лешка. — На весь первобытный мир иллюминацию бы устроили!

К вечеру второго дня от древнелета на месте его посадки осталась лишь прямоугольная вмятина. Все пути к возвращению были отрезаны.

«Мамонты» и «Буйволы»

Обрадованный Тан хотел было наделить каждого из колдунов пятым шакальим хвостом, но Лешка и Аркаша заверили вождя, что и четырех вполне достаточно. А чтобы дать выход энтузиазму, охватившему кванов, колдуны предложили провести футбольный матч.

К этому времени Лешка уже создал из молодых кванов две команды — «Мамонтов» и «Буйволов». Тренировки проходили сносно, и теперь можно было попробовать свести эти команды в настоящей игре...

Уже одно появление команд на площади Эдуарда Стрельцова вызвало аплодисменты (удары кулаками и ладонями по груди): «Мамонты» были, как один, одеты в набедренные повязки из шкуры оленя, а «Буйволы» — из шкуры волка. Имели отличительные знаки и капитаны: Нув перепоясался леопардовым хвостом, а Лешка надел свою динамовскую майку, белые трусы, гетры и бутсы. Капитан «Буйволов» в этом наряде выглядел столь эффектно, что все девушки смотрели на него с немим восхищением, особенно Кара.

Команды выстроились в центре поля. Капитаны пожали друг другу руки, Вак — единогласно избранный судьей — по сигналу хронометриста Лана дунул в сирену и — игра началась!

И как началась! Нув прямо с центра поля ударил по воротам «Буйволов» и... забил гол, потому что вратарь Коук в этот момент

решил позабавить публику и связал Барбоса и Жучку хвостами. Щенки отчаянно лаяли и пытались укусить друг друга, а зрители стонали от смеха. Лешка отчитал беспечного вратаря, и Коук поклялся стоять, как скала. Игра снова началась с центра, и Лешка показал все, на что он способен: на полном ходу обвел одного за другим пятерых из команды «Мамонтов», обманул вратаря и всадил мяч в ворота.

Игра проходила в высоком темпе и вполне корректно, хотя и не без отдельных недоразумений. «Мамонты» пожаловались судье, что Коук положил у штанги лук и обещал всадить стрелу пониже спины каждому, кто посмеет ударить по воротам. Вак, не долго думая, подбежал к шутнику, огрел его ремнем по хребту и назначил... одиннадцатиметровый. К сожалению, в данном случае справедливость не восторжествовала: едва Нув приготовился ударить по воротам, как на него, науськанные неугомонным Коуком, с лаем бросились Барбос и Жучка. Щенков Нув прогнал, но сгоряча ударил мимо ворот.

— Пусть мазила Нув идет играть в домино! — орал торжествующий Коук.

Среди болельщиков образовались два противоположных лагеря, возглавляемые Лавой и Карой. Когда шли в атаку «Мамонты», их приверженцы вставали на ноги и требовали: «Шайбу!» Болельщики «Буйволов» терпеливо дожидались своей минуты и дружно скандировали: «Мо-лод-цы!» и «Судью на мыло!»

Гул стоял невероятный. Нув и Лешка, лидеры своих команд, неудержимо носились по полю, воодушевляя игроков. Под шумок вновь «отличился» Коук. Чтобы обеспечить себе легкую жизнь, он сдвинул штанги, но был разоблачен и наказан тремя пенальти, которые на этот раз уверенно реализовал Нув. Болельщики «Мамонтов» неистово топтали ногами, а Лава выбежала на поле и угостила героя жареной печенью вепря — самым лакомым блюдом. Правда, Лешка превзошел самого себя и фантастическими сольными проходами сквитал счет, но левый крайний «Мамонтов» Гун при явном попустительстве Вака забил из положения «вне игры» пятый гол. Крики «Судью на мыло!» смешались с воплями Гуна, который шлепнулся на землю и начал выковыривать из ноги занозу: оказывается, Коук незаметно рассыпал на штрафной площадке острые колючки.

Вак пригрозил нарушителю правил изгнанием из племени на один день и, разу-

меется, назначил очередной одиннадцатиметровый.

Первый тайм закончился со счетом 6 : 4 в пользу «Мамонтов».

Во втором тайме события приняли неожиданный оборот. О том, что после перебива команды меняются воротами, игроки раньше не знали и поначалу никак не могли сориентироваться. При этом особенно пострадали «Мамонты», которые забили два гола в свои ворота, что вызвало издевательское скандирование лагеря Кары: «Мо-лод-цы!» Но пока Коук от смеха катался по земле, Нув снова почти с центра поля забил ему седьмой гол. Взбешенный Лешка хотел прогнать Коука с поля, но тот вновь поклялся исправиться, и на этот раз сдержал свое слово: ни одного гола больше не пропустил. Стоило кому-нибудь из «Мамонтов» приблизиться с мячом к воротам, как шутник делал страшное лицо и дико орал: «Змея!» Нападающий, естественно, испуганно подпрыгивал, а в это время «Буйволы» подхватывали мяч. Пока «Мамонты» раскусили очередную уловку Коука, в их ворота влетело четыре гола, блестяще забитых Поуном. И финальный свисток судьи зафиксировал победу «Буйволов» со счетом 8 : 7.

В то время, как торжествующие болельщики и победители измывались над поверженными «Мамонтами», жюри определяло лучших игроков матча. Большую алюминиевую медаль получил Поун, среднюю — Нув, а малую Вак попросил себе. Было также решено: встречи двух популярных команд сделать традиционными, проводить соревнования юных дублеров и дисквалифицировать Коука — пока не исправится.

В заключение несколько слов о мировом значении этого футбольного матча.

Матч был проведен двадцатью двумя игроками, в два тайма по сорок пять минут, при наличии судьи, стандартных ворот и поля размером сто на шестьдесят метров. Протокол матча, подписанный судьей Ваком и капитанами команд Нувом и Лазаревым Алексеем Васильевичем, к счастью, сохранился в Аркашиной тетради, и это обстоятельство делает все сомнения излишними.

Следовательно, первый в истории футбольный матч был проведен не в Англии в 1861 году, как до сих пор утверждают гордые жители Альбиона, а 18 августа десяти тысячного года до нашей эры. И футбольные статистики поступят правильно, если будут датировать рождение футбола числом, указанным в протоколе. Правда, вместо подписей Вак и Нув поставили крестики, но стоит

ли упрекать уважаемых кванов за то, что объективные причины помешали им получить хотя бы начальное образование?

Есть и еще один свидетель, победивший время: камень, на котором Лешка шилом ножа выцарапал силуэты участников матча и реактивный самолет, символизирующий, по мысли художника, быстроту неутомимых кванов. И если бумага с протоколом может истлеть от времени, то камень вечно будет свидетельствовать о том, что именно с матча «Буйволов» и «Мамонтов» ведет свое летоисчисление наш с вами любимый футбол, уважаемые читатели.

Тауры

Спокойная жизнь порождает беспечность: впервые за долгие годы вождь перестал выставлять дозорных.

Ранним утром кванов разбудил лай Барбоса и Жучки.

Щенки часто просыпались до рассвета и ревелись перед пещерой, гонялись друг за дружкой, весело тявкали. Кванов, превосходно реагирующих на сигнал любой опасности, такая безобидная возня не трогала, и они спали спокойно. Сегодня, однако, прерывистый лай щенков поднял кванов на ноги. Молодой Кун нетерпеливо подскочил к выходу, выглянул из пещеры — и со стоном подался назад: его плечо сильно оцарапал дротик.

— Тауры! Тауры!

Пещера огласилась криками.

— Всем молчать! — громовым голосом воскликнул Тан. — Воины, к бою! Пусть женщины и дети уходят в дальний угол!

Взяв наизготовку луки, воины быстро окружили вождя. Нув, подняв палицу, замер у входа, и в ту же секунду в пещеру просунулась косматая голова таура. К счастью, Нув изменил свое решение: вместо того, чтобы обрушить на врага палицу, юноша левой рукой неожиданно схватил его за горло и втащил в пещеру. Снаружи раздались громкие негодующие возгласы.

Судя по доносившимся крикам, врагов было много, и женщины горестно запричитали в углу.

Между тем над полузадушенным тауром поднялись палицы.

— Не надо! — закричал Аркаша, и палицы повисли в воздухе. — Кто из кванов знает язык тауров?

— Умерший колдун Пок, изгнанник Вокк и одноглазый Вак, — ответил вождь.

— Таура нельзя убивать! — возбужденно

сказал Аркаша. — Пусть Вак спросит его, каким путем сюда пришли враги и сколько их.

— Нув для этого и не убил таура! — воскликнул юноша.

— Нув молодчина! — похвалил его Аркаша. — Пусть Вак допросит.

Дрожа от страха и с ужасом глядя на грозные лица обступивших его кванов, пленник сообщил, что два дня назад к ним пришел незнакомый кван. Тауры очень удивились, потому что кваны давно куда-то исчезли, и хотели было прикончить пришельца, но когда узнали, что он хочет отомстить своему племени, то оставили квана в живых. Он поведал о богатой и солнечной земле, лежащей по ту сторону каменной гряды, и его рассказ привел тауров в восторг. Они давно собирались покинуть свою страну, где было много болот и мало пищи: бесчисленные стаи волков разогнали стада оленей и буйволов, и охота у тауров шла плохо. Не раз они пытались перебраться через каменную гряду, но тщетно: неприступные горы карали разведчиков смертью. Однажды во время обвала погибло сразу восемь отборных воинов, и после этого племя отказалось от дальнейших попыток проникнуть за грядю. И вот является кван и говорит, что он может указать безопасный проход, и даже не через горы. Пришелец случайно открыл это место, когда был изгнан из племени: оно находится там, где горы вплотную подходят к реке и где вода с грохотом падает на камни. Раньше тауры подходить боялись к страшному водопаду, но кван их успокоил: он обнаружил такие камни, по которым легко перейти даже ребенку.

И Гуал, вождь племени, решил немедленно отправиться на завоевание новых земель. За помощь таурам кван потребовал огненной клятвы, что ему отдадут в жены одну девушку из племени, изгнавшего его. И Гуал поклялся, протянув к огню руку.

— А сколько воинов привел сюда изменник Вокк? — спросил Вак.

Таур много раз сжимал и разжимал пальцы на руках, и Тан, следя за его жестами, откладывал палочки.

— Пятнадцать раз по десять — сто пятьдесят, — быстро подсчитал Лешка. — Почти по четыре на каждого воина-квана...

Пленник больше был не нужен, и Тан велел его убить, но колдуны уговорили вождя не делать этого: таур может еще пригодиться. Ему связали руки и ноги, и пленник, не веря тому, что его оставляют в живых, притих в углу пещеры.

Тауры совещались. Среди их голосов выделялся начальственный бас вождя Гуала, человека огромного роста и непомерной силы, про которого кваны говорили, что он убил больше людей, чем у него пальцев на руках и ногах. К сожалению, слух старого Вака ослаб, и он, как ни старался, не мог уловить смысла доносившегося до пещеры разговора. Было, однако, ясно, что тауры не осмелятся на опрометчивый штурм входа, а будут искать другие возможности.

А если так, то у кванов есть время и возможность поразмышлять над своим положением. Велев воинам не спускать глаз с входа в пещеру, Тан позвал колдунов, Нува, Коука, Вака и нескольких стариков на военный совет.

— Что делать?

Главный вывод был один: кваны оказались в каменной ловушке, ибо единственным подходом к пещере овладели тауры. Вождь не мог себе простить, что не поставил дозорных, они бы заметили подходивших врагов и не подпустили бы их к пещере. Один воин наверху, вооруженный луком, стоил десятых врагов, которые должны подниматься по узкой тропе.

— Зато седобородый Тан не дал Вооку лук и стрелы! — успокаивая вождя, напомнил Лешка. — Если бы тауры увидели у изменника это оружие, они постарались бы до похода научиться делать лук и стрелять из него.

После недолгих прений военный совет решил, что положение хотя и очень плохое, но далеко не безнадежное.

Во-первых, пока племя находится в пещере, оно в относительной безопасности. Благодаря мудрой предусмотрительности вождя, в прохладных нишах хранится много вяленого мяса, есть и вода в глиняных сосудах, на два-три дня ее хватит.

Во-вторых, кваны обладают луками и стрелами. Чтобы их изготовить и, тем более, научить тауров пользоваться ими, изменнику Вооку нужно много времени.

В-третьих, у кванов есть Лан и Поун, которые не дадут племени погибнуть.

Помощь с неба

Как вождь и предполагал, тауры так и не решились на штурм. Но седобородый Тан не знал, что Гуал просто решил взять кванов измором — изменник Воок рассказал, что через три дня осажденным нечего будет пить.

Расчет был точный: на четвертые сутки у кванов осталось лишь несколько литров воды. В пещере стояла духота, по безоблачному небу равнодушно проплывало жаркое солнце, а дождь, на который всей душой надеялись кваны, так и не приходил. Пить хотели все, но вождь повелел хранить остатки воды для детей, а также для... Лешки и Нува. Почему — читатель скоро узнает.

Осажденные страдали от жажды. Ни о чем, кроме воды, никто не мог думать. Аркаше нойливо лезло в голову воспоминание о бутылке лимонада, которая осталась в холодильнике в квартире Чудака, Лешку преследовала мысль о душе, который он принимал после тренировок, а воины, еле сдерживая себя, смотрели на видневшуюся внизу реку. В углу жалобно выл связанный пленник, но на него никто не обращал внимания.

Снаружи доносились веселые возгласы тауров. Они были уверены, что долго осажденные не выдержат и сдадутся на милость победителей. Выучив при помощи Воока несколько кванских слов, тауры кричали:

— Лава будет четвертой женой Гуала!

— Пусть Кара выйдет из пещеры, ее ждет Воок!

— Тауры хотят посмотреть, какого цвета сердце у Тана!

Кваны содрогались от страха и ненависти, а Кара тихо сказала Лешке:

— Лава и дочь Лилии скорее умрут, но не достанутся таурам.

— Мы еще поживем! — пытаюсь изобразить улыбку на почерневшем лице, успокаивал девушек Лешка, а Нув, до боли сжимая челюсти, яростно орудовал отверткой.

Теперь пришло время познакомиться читателя с планом, разработанным Ланом и Поуном.

Вы, конечно, помните, что детали разобранного древнелета ребята сложили в пещере. «На всякий случай», — решили они тогда, и теперь этот случай представился.

Собрав под руководством Лешки из стальных трубок прочный каркас, кваны прикрутили к нему алюминиевые листы и восстановили древнелет почти в его прежнем виде. Почти — потому, что, если раньше древнелет представлял собой герметически закрытый шкаф, то теперь четыре его стенки опирались прямо на землю — нижние листы, служившие полом, прикручены не были. Зато много хлопот доставили Лешке аккумуляторы, которые должны были сыграть первостепенную роль в предстоящей операции.

— Готово! — сказал наконец Лешка.

Наступил решительный момент. Тан на-

лил в глиняную чашку немного воды и подал Нуву. Все племя с нескрываемой завистью смотрело, как Нув подносит чашу ко рту. Рука его дрожала.

— Нув не хочет пить,— опуская голову, дрогнувшим голосом прошептал юноша.

— Нув должен пить!— сурово сказал вождь.— Иначе у него не хватит сил и племя погибнет!

— Нув даст немного воды Лаве...— жалобно произнес исхудавший геркулес.

— Лава не возьмет ни капли,— решительно возразила девушка.— Разве Нув хочет, чтобы Лаву все презирали?

Юноша беспомощно взглянул на непреклонных Лаву и Тана, тяжело вздохнул и опустошил чашку. Вслед за ним без колебаний выпил и Лешка.

— Ну, да помогут кванам боги науки!— пошутил бледный Аркаша и обнял друга.

В наступившей тишине Нув и Лешка залезли в древнелет, приподняли его изнутри и, осторожно ступая, понесли к выходу.

Кваны затаили дыхание.

— Внимание, товарищи!— послышался глухой голос Лешки.— Провалиться мне на этом месте, если тауры сейчас не начнут орать благим матом!

Снаружи послышались удивленные возгласы: тауры обнаружили, что вход в пещеру закрыт.

— Это колдуны!— осажденные узнали голос изменника Воока.— Тауры не должны бояться Лана и Поуна, они мальчишки и простые люди!

— Ну, чего ждете?— весело воскликнул Лешка.

И тут же раздался пронзительный вопль: один из врагов ударил кулаком по алюминиевой стенке и... был отброшен в сторону!

— Это Воок!— прислушавшись к воплям пострадавшего, определили кваны.

Между тем тауры не придали значения неудаче Воока: они решили, что тот просто расшиб кулак. Поэтому несколько воинов, объединив свои усилия, разом бросились на древнелет, и их перемешанные с руганью стоны так развеселили кванов, что они радостно запрыгали по пещере.

— Подлый Воок,— прокричал Коук.— Скажи своим таурам, что они не увидят кванов, как не увидят свои уши!

Взрыв бешенства — и в древнелет полетели дротики, копья и камни. Древнелет не шелохнулся.

— Вход в пещеру заколдован!— торжественно изрек старый Вак.

Мог ли он, могли ли остальные кваны

вообразить, что перед ними сейчас возникла первая в истории человечества замкнутая электрическая цепь?

— Не поминайте лихом!— донесся до кванов веселый голос Лешки, и древнелет, к неопишуемому ужасу тауров, сам собой начал выползать из пещеры!

Такого ошеломляющего зрелища мозг первобытного человека переварить не мог. Тщетно Воок кричал, что это сверкающее на солнце сооружение никому не причинит зла, что оно долгое время стояло на поляне и в него можно было запросто залезть. Воока уже не слушали. Потрясенные тауры побежали без оглядки. Лишь храбрый Гуал нашел в себе мужество испытать судьбу: он подскочил к древнелету и попытался свалить его, но, отброшенный неведомой силой, пустился бежать без оглядки за своими незадачливыми сородичами.

Путь к реке был расчищен, и кваны бросились к заветной воде. Одни пили, погружившись в реку по горло, другие черпали воду кувшинами и чашками, третьи, кому не досталось посуды, наполняли ладони — и пили, пили, пили без конца. Никто уже не думал о таурах. Лишь мудрый Тан с беспокойством и огорчением отметил, что тауры прекратили свое беспорядочное бегство. Они остановились, и это внушало тревогу. Видимо, враги, поначалу ошеломленные неожиданностью, понемногу приходили в себя.

И тут произошло трагическое для кванов событие.

Вылезая вслед за Нувом на свежий воздух, Лешка, взбудораженный столь быстрой победой, не обратил внимания на то, что древнелет стоит на самом краю тропы. От резкого движения он покачнулся и — полетел вниз, грохоча по камням, рассыпаясь на части.

Тауры заметили это и тотчас повернули назад. Тан приказал племени немедленно бежать в пещеру.

Но время было упущено. Пока кваны суетились у реки, выгоняя из воды детей, тауры были уже рядом. По знаку Гуала группа воинов перерезала тропу, ведущую в пещеру, а остальные тауры окружили полукольцом прижатых к реке кванов.

Положение стало отчаянным.

Луки и стрелы остались в пещере, лишь немногие кваны сумели вооружиться дубинами и дротиками, брошенными врагами при их поспешном отступлении. Тауров было вдвое больше, они горели жадной реванша, и рукопашная схватка могла закончиться только полным истреблением кванов.

— Тела кванов пожрут гиены!— приближаясь, торжественно кричал Воок.— Кванам теперь не помогут их мальчишки-колдуны!

Тауры даже не торопились — так они были уверены в победе. Они громко смеялись, свирепо вращали дубинами и готовили к бою дротики.

— Попрошаемся, что ли?— слабо улыбувшись, сказал другу Аркаша.

— Пожалуй,— кивнул Лешка.— Не пойму только, увидимся мы или нет через двенадцать тысяч лет.

— Поживем — увидим,— печально пошутил Аркаша.

По кличу Гуала тауры двинулись на кванов.

— Лан, сын Солнца!— в отчаянии воззвал Тан.— Пусть небо поможет кванам! Сделай так, сын Солнца, чтобы их не убили!

Того, что произошло в следующую минуту, Аркаша поклялся не забывать всю жизнь. Впрочем, он мог и не клясться — такое не забывается.

— Солнце!— воскликнул Аркаша, на мгновение чуть ли не поверив в действительность своего отчаянного призыва.— Порази тауров своими лучами! Помогите нам, Солнце! Помогите!

И едва Лан произнес последнее слово, как послышался резкий свист — и на площади... появился древнелет!

И нападающие, и осажденные замерли: обе стороны не верили своим глазам.

— Михаил Антоныч, мы погибает!— во всю силу своих легких завопил Аркаша, когда из раскрывшейся дверцы показалось знакомое лицо Чудака.

Быстро оценив ситуацию, тот скрылся за дверцей — и окрестности огласил рев мощной сирены. Все люди — и кваны, и тауры — упали ниц, парализованные не поддающимся описанию ужасом первобытного человека перед голосом страшного бога.

— Это наш друг, не бойтесь!— счастливо смеясь, кричали Аркаша и Лешка.— Поднимайтесь, это ведь Чудак, Михаил Антоныч!

Узнав в пришельце того доброго человека, который был первым спутником Лана, кваны вскочили на ноги и радостными криками приветствовали своего спасителя. Теперь уже в победе никто не сомневался, и воины бросились на все еще скованных смертным страхом тауров. Но Чудак их остановил.

— Не надо больше крови,— сказал он.—

Враги уже поняли, что кваны непобедимы, пусть уйдут.

И тауры, которым старый Вак не без сожаления сообщил о милосердии Главного Бога, под хохот и улюлюканье кванов бросились бежать. На минуту они замешкались, и тогда все увидели, как разъяренный Гуал опустил тяжелую палицу на голову изменника Воока. В примитивном сознании Гуала мелькнула мысль, что именно Воок навлек несчастье на племя тауров, хитро подставил их под удары богов, которые, как видно, надежно охраняют кванов.

Михаил Антонович чуть не прослезился, осознав, каким своевременным оказалось его появление.

— Ведь я должен был полететь только завтра,— смеясь и вытирая платочком глаза, повторял он.— Мальчики мои, ведь я должен был полететь только завтра!

И обнимал вцепившихся в него мертвой хваткой Аркашу и Лешку.

Из пещеры доносились душераздирающие вопли пленника, о котором все забыли. По просьбе Лана и Поуна вождь велел его развязать. Потрясенного таура напоили, показали ему груды брошенного его соплеменниками оружия, и затем Вак по просьбе Аркаши сказал пленнику:

— Кваны не станут убивать таура. Пусть он идет в свое становище и поведает обо всем, что видели его глаза. И пусть предупредит тауров: если они еще раз нападут на кванов, то будут перебиты все до единого!

Тауру дали еду на дорогу, и он, не веря своей свободе и каждую секунду ожидая удара сади, пустился наутек.

— Жил-был таур трусливый!..— неожиданно затянул Коук, и все подхватили:

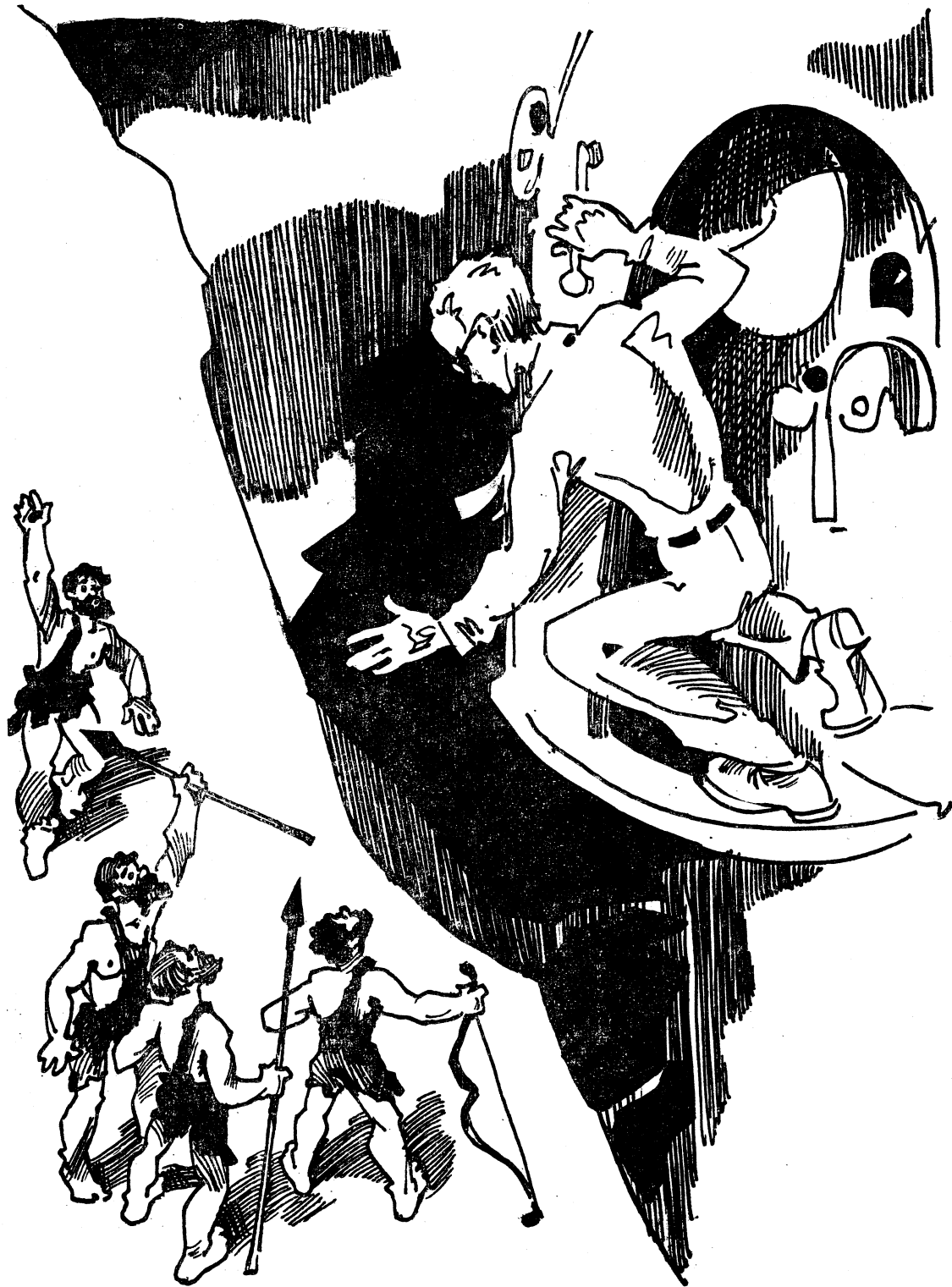
Большой хвостун он был!
Своим языком длинным
Он мамонта убил!
Ха-ха! Глупый таур!
Ха-ха! Большой хвостун!..

Племя праздновало победу. Это был, наверное, самый памятный день в жизни кванов, рассказы о котором сохранились на многие поколения.

«Мы еще вернемся, грузья!»

Хотя ребята изнывали от желания узнать московские новости, они тактично позволили Чудаку сначала раздать подарки.

Конечно, в первую очередь получили свои леденцы детишки: каждому досталась це-

лая жестяная коробочка, и пусть читатель, юный или бывший когда-то юным, представит себе радость обладателей такого волшебного лакомства. Вся площадь заполнилась сплошным хрустом и счастливым визгом, и Чудак, на котором повисла гроздь благодарных мальчишек и девчонок, изнемогал от смеха.

Женщины затем были одарены несказанно прекрасными стеклянными бусами, шелковыми лентами и карманными зеркальцами. И это привело к неожиданному последствию: почти до вечера племя не ело, потому что женская его половина с бурным восторгом изучала свои отражения. Мужчины даже оробели — так похорошели их жены и подружки, украшенные бусами и разноцветными лентами.

Затем настала очередь воинов: каждому из них Чудак вручил по добротному ножу, а седобородому Тану — настоящий кинжал в стальных ножнах. Кроме того, кваны получили изрядный моток нейлоновой лески и запас рыболовных крючков, и Лешка, не теряя времени, тут же организовал краткосрочные курсы по изготовлению удочек.

Наконец, подарки были розданы, и Чудак уединился с ребятами для долгожданного разговора.

Все произошло так, как и представляли себе друзья. Вернувшись домой после поездки в универмаг, Михаил Антонович был потрясен исчезновением древнелета. Учитель не допускал и мысли о том, чтобы Аркаша оказался способным на столь легкомысленную выходку, и, рассуждая логически, предположил, что его юный друг оказался жертвой какого-то чрезвычайного обстоятельства. Мальчишка-сосед подтвердил: да, в квартиру несколько часов назад заходил Лешка Лазарев, «тот самый нападающий, который утром забил три гола, слышали?»

Чудак немедленно позвонил родителям, встревоженным отсутствием сыновей, и с глубоким огорчением убедился в правильности своей догадки.

Произошло непоправимое. Свой древнелет Чудак создавал много лет. Конечно, теперь ничего не надо придумывать вновь, второй экземпляр машины можно изготовить значительно быстрее, скажем, за полгода, но стоит ли говорить, что такой срок никого устроить не мог? Кто даст гарантию, что за это время с ребятами ничего не произойдет?

Нельзя было терять ни минуты. Михаил Антонович пригласил к себе родителей беглецов, рассказал им всю правду и попро-

сил не бить тревогу, а срочно прийти к нему на помощь. Умолчал он лишь об одном обстоятельстве, которое волновало его больше всего: какую кнопку нажали ребята? Если большую и синюю, то есть надежда, что сейчас они находятся среди гостеприимных кванов, но если любую другую... Чудак и думать боялся о том, что произойдет в этом случае: искать беглецов во всей истории Земли, пожалуй, безнадежнее, чем пресловутую иголку в стоге сена.

К счастью, Лазарев и Сазонов-старшие оказались людьми мужественными и волевыми. Всецело доверившись учителю, они взяли очередные отпуска, общими усилиями приобрели все необходимые материалы и более полутора месяцев дневали и ночевали на квартире Чудака. Конечно, значительно проще было сделать древнелет на заводе, но Михаил Антонович опасался, что пока на это будет дано разрешение, пройдут драгоценные дни и даже недели. Прав он был или не прав — другой вопрос, но факт остается фактом: как и первый древнелет, второй сооружался без всякой огласки в той же комнате. Помимо размеров, он отличался от своего предшественника лишь сиреной, на которую Чудак возлагал большие надежды: быть может, ее гул подскажет ребятам, что помощь пришла.

— И всего несколько часов назад, — закончил учитель свой рассказ, — я пожимал руки вашим родителям. Все они здоровы, но, скажу откровенно, считают минуты, оставшиеся до вашего возвращения. Я понимаю, что сегодня у кванов большой праздник, однако задерживаться нельзя. Готовьтесь к полету.

Чудак, Аркаша и Лешка стояли у древнелета, а вокруг них столпились кваны. Шутка ли сказать — ведь племя, быть может, навсегда расставалось с Ланом, Поуном и Ваталом, сыном Неба, который своим громовым голосом спас кванов от гибели.

Уже были сказаны все слова и спеты прощальные песни. Женщины плакали, и даже на глаза воинов набегали непривычные им слезы. Положив тяжелую руку на плечо плачущей Лавы, ссутулился Нув, с незнакомо серьезным лицом застыл шутник Коук и хмуро разглядывал свои натруженные ладони одноглазый Вак. Печально склонила голову красавица Кара: ей очень нравился Поун и, может быть, впервые она отдавала себе отчет в том, что испытывала к сыну Луны не только дружеские чувства. Нужно сказать, что и Лешка чувствовал в себе какую-

то странную неуверенность, когда встречался взглядом с Карой.

— Кваны счастливое племя!— подняв руку, провозгласил седобородый вождь.— Небо, Солнце и Луна пожалели кванов и прислали к ним своих сыновей! Лан, Поун и Ватал уходят, но они вернуться, потому что кваны их очень любят и не пожалеют для них пищи, крова и своих жизней!

— Мы вернемся, кваны!— воскликнул Аркаша.

— Мы обязательно вернемся!— подтвердил Лешка.

А Чудак просто развел руками, как бы говоря: «Разве можно сомневаться, что мы снова будем вместе?»

И тут кваны не выдержали, с криками бросились обнимать своих верных друзей и покровителей, и все сразу как-то повеселели.

— Однажды один таур...— захлебываясь, припомнил Коук.

— Пусть Коук помолчит!— обнимая Лана и Поуна, отмахнулся Нув.— Коук потом расскажет про таура.

Шутник сокрушенно махнул рукой.

...Все на свете имеет начало и конец, и наступила минута, когда дверца древнелета скрыла за собой покидающих племя друзей. И все же кванам суждено было еще раз увидеть сына Луны. Не успел Чудак нажать кнопку, как Лешка, спохватившись, закричал:

— Подождите! Аркашка, снимай часы!

И, выскочив из кабины, Лешка подбежал к ошеломленной Каре, надел часы на ее загорелую руку и — приложился губами к соленой от слез щеке дочери Лилии.

И все. Дверца вновь захлопнулась, на этот раз окончательно, и послышался резкий свист.

Кваны остались одни...

Автор обещал строго придерживаться фактов и поэтому ничего больше не может рассказать о судьбе этих славных людей.

Конец, который может стать началом

Моя повесть заканчивается. Повторять всем известные подробности о возвращении ребят не хочется, а заключительную часть конференции в актовом зале Московского университета столь подробно осветили сотни газет и журналов, что вновь останавливаться на этом не имеет смысла.

Поначалу я опасался, что слава может опьянить ребят и дурно повлиять на их характеры, но, к счастью, этого не произошло: не из того теста были сделаны мои друзья. Можно лишь поразиться и позавидовать той жадности, с какой они набросились на учебу! Только теперь Аркаша ожесточенно штурмует физику, а Лешка — историю. Кроме того, Аркашу во внеурочное время часто можно увидеть в спортивном зале, и тем, что ему удастся семь раз подряд выжаться на турнике, наш друг гордится не меньше, чем пока еще не очень твердой, но все-таки пятеркой по физике.

А Чудак? Каждый вечер ребята проводят в его обществе — либо на квартире, либо в экспериментальной лаборатории, в которой под руководством Михаила Антоновича создается новый, более надежный вариант древнелета. Они отчаянно спорят о маршруте очередного путешествия и никак не могут пока прийти к соглашению.

Чудак внезапно заинтересовался проблемой возникновения первобытной металлургии и настаивает на полете в неолит — новый каменный век, Аркаша же мечтает разгадать тайну Атлантиды и проверить гипотезу Тура Хейердала о заселении американских континентов, а Лешка предлагает посетить Египет периода постройки пирамид либо древний Рим: а вдруг удастся своими глазами увидеть битву при Каннах, полюбоваться прекрасной Клеопатрой и пожать руку мужественному Спартаку?

Ладно, подождем. Не станем торопить друзей с их новым путешествием: ведь, говоря между нами, это не то же самое, что в воскресенье съездить в Сокольники, не так ли?

Ездил ли царь по царской дороге?

«Ну, раз уж дорога названа *Царской*, то, наверное, ездил,— скажет иной любитель топонимики,— говорят же, что Ермак Тимофеевич с дружиной зимовал на Чусовой у камня Ермак».

«Так-то оно так, но ведь из топонима можно извлечь и несусветную чепуху,— усомнится скептик.— Не будете же вы уверять, что название лугу *Чертородина* дано потому, что там родился черт?»

Можно ли верить названию? Правда или вымысел в его основе? Достоверно ли оно как исторический источник?

Вопрос этот совсем не так празден, как может сперва показаться. И хотя давно стало азбучной истиной, что топонимы подчас бывают настоящим кладом для историка, далеко не каждое название «правдиво».

Вот почему принцип «доверяй, да проверяй» в топонимике — один из самых основных. Некритическое же отношение к названию, безоговорочная вера в его «историчность» могут завести очень далеко...

Героическая фигура русского первопроходца Ермака Тимофеевича привлекла к себе внимание и летописцев, и сказителей. Позже к ним присоединился целый сонм ученых. Но вот беда: мы

почти ничего не знаем о досибирском периоде жизни Ермака. Мнения исследователей разошлись: одни говорят, что Ермак родом с Чусовой, другие — что он волжанин или донской казак. Многие неясно и в его сибирском походе.

А нельзя ли привлечь топонимику? Ведь известно, что на Урале множество названий деревень, урочищ, скал образованы от имени Ермак. Что если собрать весь этот материал и нанести его на карту? Быть может, мы уточним маршруты грозного атамана? А если эту работу провести в Поволжье, на Дону и в других местах, то не узнаем ли мы что-нибудь о досибирском периоде деятельности Ермака?

Увы! Ничего нового мы не узнаем, хотя на Урале действительно множество названий восходит к имени Ермак, например, есть деревни *Ермаки*, *Ермаковка*, *Ермачата*. И некоторые из этих названий в местах, где проходил маршрут Ермака (камень *Ермак* на Чусовой, *Ермаково Городище*

на Тагиле), возможно, и на самом деле связаны с его именем.

Но ведь названия типа *Ермаков Камень*, река *Ермаковка* и другие в обилии встречаются на Урале и очень далеко от исторически засвидетельствованного маршрута Ермака (*Чусовая — Серебрянка — Баранча — Тагил — Тура — Тобол*). Есть, например, *Ермаковские Поля* в Камышловском районе Свердловской области. Только не пахал там Ермак, да и не бывал.

Самое же интересное, что названия с основой Ермак на каждом шагу встречаются на всей территории Российской Федерации. В Белозерском крае на Вологодчине течет *Ермаковский Ручей*, есть там и озеро *Ермаково*, неподалеку в Вологодской же области находим деревни *Ермаки*, *Ермаково*, *Ермакова Гарь*. Еще дальше, в Архангельской области — целая россыпь «ермаковских» названий: гора и ручей *Ермак* на Мезени, *Ермаков Ручей* в бассейне Пинег и множество других.

Что же это значит? Может быть, Ермак воевал и на русском Севере или родом оттуда? Нет. Просто топонимика — не помощник в решении трудного вопроса о начале жизненного пути Ермака: названия такого рода встречаются на всей территории, где живут русские, и даже там, где

заведомо не бывал Ермак — есть же село *Ермаковское* в Красноярском крае.

Почему так получилось, вопрос не из трудных. Прежде всего *Ермак* — старое русское имя, вторичное образование от *Ермолай*. Могло быть и прозвище *Ермак*: есть русское диалектное слово *ермак* — «ручной жернов», «большой артельный котел». От имени и прозвища *Ермак* возникла популярная фамилия *Ермаков*.

Ясно, что громадное большинство таких названий к самому Ермаку Тимофеевичу не имеет никакого отношения, так как Ермаков и Ермаковых было много. Попробуй определи, от какого Ермака пошло название! Вот и приходится учитывать реальный исторический маршрут Ермака: названия по линии маршрута могут быть (и то не безоговорочно) связаны с его именем, в стороне от нее — не связаны. И значит, не имя подсказывает маршрут, а маршрут указывает на имя!

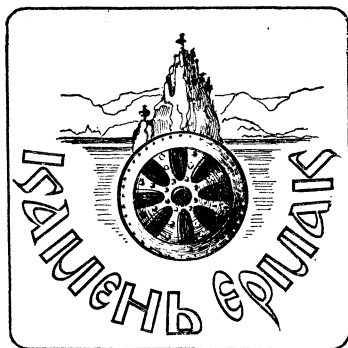
Но и это еще не все. Образ Ермака, близкий и дорогой народу, мог переноситься на особо выдающиеся объекты: память народная могла закрепить дорожное имя в названии красивого утеса на Чусовой (а сам Ермак там мог и не быть) или горы на Мезени. И надо думать, что таких образных топонимов с основой *Ермак* очень много.

Образное народное видение то и дело создает удивительные по выразительности названия. Высокая скалистая гора, вершина которой часто скрывается в облаках, именуется *Старик-Камень*: горы кажутся вечными, во всяком случае они древнее и людей, и лесов, над которыми возвышаются. Красивый луг с золотыми головками цветов народ может назвать *Москва* — *золотые маковки*, а крутую гору с буреломом — *Сломившая голова*.

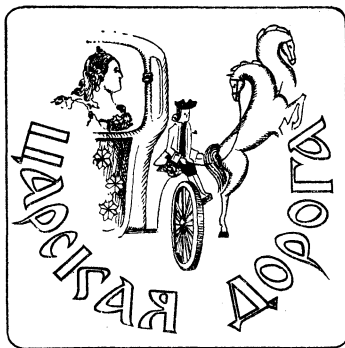
Но как это образное видение может мешать историку!

Вот одна любопытная история. Революция устранила социальную несправедливость и в топонимике. Многие уже накрепко забыто. Если в учебниках еще можно найти, что Волгоград некогда назывался *Царицын*, а город Пушкин — *Царское Село*, то мало кто знает, что Йошкар-Ола в свое время называлась *Царевкокашайск*.

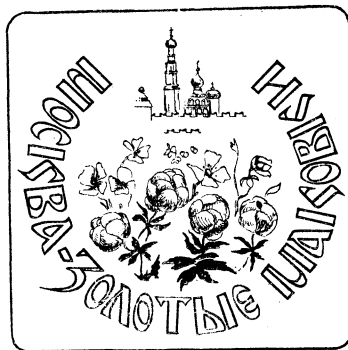
Однако утвержденная революцией практика переименования коснулась далеко не всех названий с нечуждым словом *царь*:

чем мельче объект и древнее повод названия (в большинстве случаев вообще забытый), тем меньше было оснований для переименования. И, к нашему удивлению, современная русская топонимика прямо-таки кишит «цар-

скими» названиями: тут и река *Царева*, и *Царицын Лес*, и пашни *Царицыно* и *Царево*, и горы *Царский Лес* и *Царева Гора*, и покосы *Царица* и *Царство*, и та самая *Царская дорога*, с которой мы на-

чали наш разговор, и без счету других.

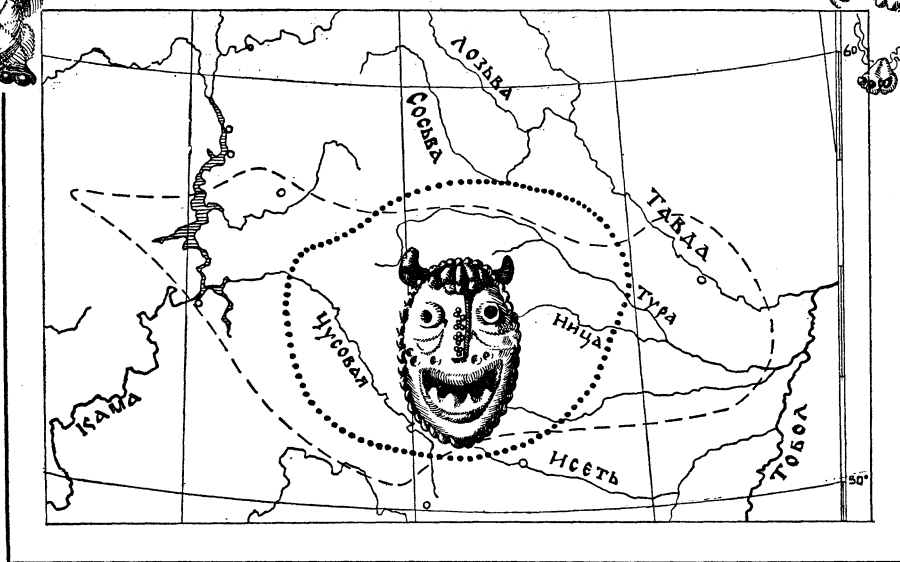
Одни из этих названий действительно указывают на былую принадлежность какому-то царю или царице, другие — опять-таки созданы народным образным видением. Так, покосы *Царица* и *Царство* просто указывают на высокое качество или величину объекта, подобно общеизвестным *Царпушка* или *Царь-колокол*. А название *Царское Село* сначала вообще произносилось *Сарское Село*, и по происхождению связано с финским названием Saari poisio — «островной хутор». Непонятное финское название было переосмыслено русскими как *Царское*.

Значит, совсем не легко узнать, ездил ли царь по Царской дороге — может быть, и случилось такое, может, по этой дороге шли когда-то царские войска, а может быть, она просто очень красива. Потому-то в каждом отдельном случае надо проводить особое исследование, опираясь на исторически засвидетельствованные факты, сама же по себе топонимика, взятая изолированно, да еще и при поверхностном подходе, может только запутать.

Буквальное понимание значения топонима сплошь и рядом обманывает топонимиста. Если же умеючи взяться за дело, то можно даже нечистую силу заставить поработать на историю, правда, не всегда и не всякую: в топонимике Урала на каждом шагу встречаются *чёрт* и *шайтан*, но первый из них совершенно бесполезен для истории, а вот второй... Впрочем, по порядку.

Излюбленный герой топонимики — хулиганистый и веселый русский черт — отнюдь не является исторической фигурой. Но даже и порожденные суевериями названия нельзя в большинстве случаев понимать буквально — болото *Чертюва Лужа* названо так не потому, что в ней, по поверьям, черти купались. Гора *Чертюва Банька* не потому, что там якобы мылись черти, и, наконец, урочище *Чертюродина* не потому, что там будто бы родился черт. Все эти названия при ближайшем рассмотрении оказываются метафорами, обозначающими просто неприятные места, где только черту купаться, или где на подьеме влору черту вспотеть. В том то и дело, что *Чертюродина* — это не место, где, по поверьям, родился черт, а такое поганое место, где только он и мог бы родиться.

Конечно, бывает и так, что на-

родное предание повествует о горе, где жили бесы — *Бесеновке*, или скалах, которые нагородили черти — *Чертовом Городище*. Как не вспомнить здесь, что ископаемый слизняк белемнит в народе называют *чертов палец*, а окаменелую раковину аммонита — *чертов глаз*. В этом случае метафора куда проще, но установить причину названия еще труднее, так как «документальных» свидетельств, естественно, нет.

Между тем подобные названия могут быть порождены легендами, и наоборот, легенды часто возникают из «интересных» названий. Название *Чертова Гора* (где только черту ходить) порождает легенду о жившем на ней черте, которая уже по-другому объясняет название (гора, где жил черт).

Вот уж где действительно черт ногу сломит, так в этих топонимических дебрях!

А между тем и здесь мы опять-таки находим удивительное пересечение народного видения и действительности, в том смысле, конечно, что черт некогда воспринимался как нечто реально существующее: мотив названия и здесь совершенно затемнен.

Что же, топонимику нельзя использовать как исторический источник? Да ничего подобного! То-

понимы — ценнейшие исторические свидетельства. Только историческое в них далеко не всегда лежит на поверхности.

Вот ведь можно на службу истории поставить даже *шайтана* (тюркское «черт», «дьявол»). Смотрите, как интересно получается. Ни в Ленинградской области, ни в Марийской АССР, ни в Оренбургской области (а там кругом тюркская топонимика!) нет ни одной деревни, название которой образовано от слова *шайтан*. А в Свердловской области деревень и урочищ *Шайтан*, *Шайтанка*, *Шайтановка* — десятки. Есть они и в Пермской и Тюменской областях. Нанесли их на карту, и оказалось, что особенно много таких названий в среднем течении Чусовой, верхнем течении Туры и Пышмы, то есть как раз там, где часто встречаются топонимы, образованные от прежнего наименования манси — вогулы (река *Вогулка*, гора *Вогульская*). А ведь шайтанами тюрки, а затем и русские первопроходцы называли языческих богов коренного населения Урала и Сибири. Вот вам и новое доказательство исторического пребывания манси (вогулов) на этой территории.

Еще замечательнее, что топонимический ареал (круг обитания) то-

понима *шайтан* чуть ли не в деталях совпадает с зоной распространения древнего, ныне вымершего южнотурецкого диалекта, составленной по различным данным венгерским ученым Яношем Гуя.

А между тем сами названия с основой *шайтан* ничем не отличаются от названий с основой *черт* и также могут быть результатом образного народного видения. Но если повсеместно распространенные названия с *чертом* — сколько их не картографируй — ничего не дадут историку, то названия с *шайтаном* оказались полезными, так как зона их распространения своеобразна.

Ну, а на вопрос, ездил ли царь по *Царской дороге*, серьезный топонимист должен сперва ответить «не знаю», а затем поискать ответ в архивах, местное же население расскажет вам очередную легенду.

А. МАТВЕЕВ,
доктор филологических наук

В ПОСЕЛКЕ У ДИКОЙ РЕКИ

Открытие ошеломило Дюшку: соседская Римка Братенева похожа на красавицу Наталью Гончарову, жену Пушкина. Очень похожа — курчавинки у висков, точеный нос... Много раз от нечего делать листал Дюшка Тягунов толстую старую книгу с картинками, много раз видел портрет жены поэта, а Римку встречал во дворе чуть ли не каждый день, но только сегодня, только сейчас мелькнула у него эта странная мысль о схожести...

И небо над поселком Куделино, стоящем на берегу дикой реки, и весеннее солнце, и улица, по которой, рыча от натуги, вминая грязь, шли лесовозы, — все будто бы стало иным. К Дюшке пришло первое, неведомое доселе чувство. Когда Римка пошла из школы домой, Дюшке захотелось кинуться за нею следом, смотреть в ее узкую спину, «чувствовать незримую натянутую струну — от нее к нему, и изумляться взахлеб лезущей во все щели траве, каменному упрямству валуна при дороге, нагретости крыш, синеве дня, собственному существованию на этом свете».

Поэтично, тонко, целомудренно рисует рождение нового Дюшки писатель Владимир Тендряков в повести «Весенние перевытши»¹.

К мальчишке пришла любовь.

Пусть не пугает некоторых моралистов это слово в применении к тринадцатилетнему подростку. «Во все времена и у всех народов педагоги ненавидели любовь», — с горькой иронией сказал однажды А. С. Макаренко в беседе с учителями. Ненавидели — потому что не понимали и не хотели понять великую преобразующую силу этого первого, сильного и глубоко личного переживания. Сколько непоправимых бед нанесли такие педагоги (да и родители) юным душам, бесцеремонно — на правах старших — врываясь в этот только-только расцветающий мир, твердя о безнравственности там, где именно и рождается не

книжное, а сугубо свое, уже отмеченное тайной радостью и болью понятие высокого нравственного идеала.

Сегодня оно конкретно — в виде Римки Братеновой, а завтра уже распространяется на все, что окружает юного человека.

Перевытши — это образ совершенно нового видения Дюшкой знакомых прежде вещей, нового понимания знакомых прежде слов, отношений между людьми.

Действительно, что-то перевернулось в душе мальчишки. Открытия следовали одно за другим. Даже время стало не тем привычным — с циферблатом и стрелками, — а невидимым и всемогущим, оставляющим ежесекундно свои следы на земле.

Но больше всего неожиданностей таили в себе люди. И чем полнее понимал их Дюшка, тем активнее становилось его желание в чем-то помочь им, что-то исправить в их жизни, с чем-то не согласиться.

У первой любви, как у солнца, — лучи во все стороны.

Началось с Римки, а тепло попало на шуплого, задерганного, не очень-то счастливого Миньку.

И силы-то природа Миньке не дала, и гнетут домашние неурядицы, а поделиться не с кем. Со своими заботами он первым ни к кому не подойдет, душу не откроет. Учителям же в школе особого дела до Миньки нет: занимается как-то, уроки не пропускает — и ладно. А Дюшка нашел тропиночку к Миньке. Не искал, да нашел. Поддержал однажды в мальчишке чувство собственного достоинства, дал понять, что вместе им нипочем беды-горести. И все хорошее, что было в Миньке, раскрылось навстречу Дюшкиному солнцу.

Был и такой случай. Как-то Дюшкина мама посетовала вслух, сказала Федору Андреевичу, отцу Дюшки, что с тех пор, как они поженились, тот ни разу не подарил ей цветов. А ведь было — дарил, но пятнадцать лет назад.

Дюшка случайно слышал это. И в том, что отец ночью поехал

на катере в далекий город за нарциссами, — тоже лучик от Дюшки.

А как встревожился он, когда Федор Андреевич, человек деятельный, — на нем держится производство в поселке Куделино, — решил «исправить» жизнь неудачника Богатова, отца Миньки. Тотчас вспомнились Дюшке слова матери: «Наш отец любит ковать счастье несчастным на их головах. Не заметит, как человека в землю воьбет от усердия»...

Умей слушать, когда тебя просят, — вот в данном случае смысл Дюшкиного протеста. Он горячо любит отца и никогда не осмелился бы с ним спорить, но что поделаться, если не менее, чем отец, стал дорог Дюшке Богатов.

Центральное место в повести занимает конфликт между Дюшкой и Санькой.

Санька Ераха — самый сильный из ребят на улице — придумал забаву: кидать веревочной петлей живых лягушек в мишень, нарисованную мелом на стене сарая. Мало того — других ребятшек заставлял расправляться с лягушками. Может быть, так «завлаживался» Санька и раньше, но именно теперь Дюшка почувствовал острую неприязнь к Саньке, сказал ему в лицо все, чего тот заслуживал.

Трагические последствия конфликта с Санькой до конца не сказаны. Да и надо ли? Важно то, что Дюшка пришел к твердому убеждению: если Саньке будет хорошо в этой жизни, то ему — Дюшке — плохо. И не только ему — людям будет плохо.

Примечателен образ еще одного мальчишки — Кольки Лыскова, — так или иначе связанного с этой историей. Кое в чем он отдаленно похож на Миньку — и силой не вышел, и дома, надо полагать, нет для Кольки теплого уголка. Такие неприкаянные ребята — подходящий материал для дурного влияния, особенно, если есть у них к этому предпосылки. У Кольки они, как видно, были, и очень быстро Санька Ераха прибрал его к рукам. За могучей спиной

¹ Журнал «Новый мир», № 1, 1973 г.

Саньки можно было безнаказанно подличать и даже издеваться над сверстниками, перед которыми раньше Колька ходил бы с заискивающей улыбкой.

Если ничто не изменится в судьбе Кольки Лыскова, то, думается нам невольно, какой же вырастет из него человек? Не станет Саньки, Колька непременно найдет себе более умного, может быть, но не менее подлого покровителя. И поднимется за его спиной неизвестно до какой высоты, и научится ловко скрывать свою непопечальность, и приспособливаться к любым обстоятельствам, лишь бы иметь власть над людьми и безнравственно пользоваться этой властью...

Как всякое истинное произведение, повесть Владимира Тендрякова не однозначна. Не к заданному выводу стремится автор, он вместе со своим юным героем исследует жизнь и пытается найти истину, любит и негодует. Только равнодушным жизнью кажется пресной и серой. А стоит затеплиться сердцу, вспыхнуть солнцу,— и вся она озарится красками: от самых радужных до самых мрачных. И это так же естественно, как невозможно представить себе свет без тени, а наше бытие без побед и проблем.

Вокруг повести «Весенние перевертыши» могут возникнуть споры и разговоры. Почему, допустим, у такого «нормального» (по

характеристике Федора Андреевича) отца, как сплавщик Ерохин, вырос сын — трус и живодер Санька, а у неудачника Богатова — смелый и справедливейший Минька? Почему в школе, когда возник инцидент с кирпичом, ни директор Анна Петровна, ни учитель Васильев, никто, по сути дела, не заинтересовался Санькой глубже? Ведь можно было бы, наверное, предотвратить несчастье, окажись учителя внимательнее к Саньке. Пришел же Васильев к Тягуновым домой, когда Дюшка получил по математике двойку. Плохая оценка послужила весомым поводом к разговору. А черты жестокости, которые при желании уже можно было разглядеть у Саньки,— это не повод?

В повести достаточно материала и для других вопросов. Повесть заставляет нас думать, сопоставлять, волноваться. Опубликована она в «толстом» журнале, и можно полагать, что предназначена взрослому читателю. Но, думается нам, в равной мере повесть адресована и подростку.

У многих крупных писателей прошлого, работавших в основном для взрослых, выходили книги, составившие ныне золотой фонд библиотеки отрочества. Примерно такая же картина и теперь. Весьма ценные книги для подростков выходят время от времени из-под пера «взрослых» писателей. В том же «Новом мире» не так

давно была опубликована повесть Василия Быкова «Обелиск» (она уже выпущена отдельной книжкой). О достоинствах повести много писали. Но нам хотелось бы подчеркнуть, что и это произведение — для отрочества (хотя, конечно, с не меньшим интересом читается и взрослыми). И кажется, что Василий Быков не задавался специальной целью — написать повесть для подростков. Это так получилось...

«В часы вечерних размышлений о судьбе своих воспитанников,— писал известный педагог В. А. Сухомлинский,— я часто думал, что вступление в годы отрочества — это словно второе рождение человека... Глубокая заинтересованность в судьбе других людей — суть отрочества... Подросток с интересом исследует противоречия и определяет свою точку зрения».

Как важно на этом трудном пути дать подростку талантливую книгу, проникнутую высокими идеалами справедливости, мужества и гражданственности!

Две отличные повести для подростков опубликованы в «Новом мире» за последнее время. И хотя ребята далеко не всегда — по вполне понятным причинам — заглядывают в «толстые» журналы, с этими произведениями им стоило бы познакомиться, поговорить о них в своем кругу.

Л. РУМЯНЦЕВ

ТВОЙ ЧЕТВЕРОНОГИЙ ДРУГ

В Минске мне довелось участвовать в подведении итогов кинолого-биологического конкурса, который был объявлен в конце прошлого года республиканской пионерской газетой «Зорька» и Клубом служебного собаководства ДОСААФ.

Кинология — это наука о собаке. Биология — ...должен знать всякий, биологию изучают в школе. Словом: что ты знаешь о четвероногом друге! О его службе человеку, о его преданности, о том, как собака помогла нам в Великой Отечественной войне! Конкурс — открытый, то есть принять участие в нем могли каждый мальчишка, каждая девчонка, независимо от того, где они живут, в каком классе учатся.

Подобный конкурс был в Ленинграде, а еще раньше — в Tallin, столице Эстонии. Конкурс в Минске оказался самым внуши-

тельным. От желающих участвовать в нем письма шли не только со всей Белоруссии, но и с Урала, из центральных областей РСФСР и даже из-за рубежа — из Болгарии. Шесть тысяч участников! Шесть тысяч ребят рылись в журналах и книгах, усердно посещали библиотеки, чтоб найти нужные ответы на вопросы конкурса. Они присылали альбомы, изготовленные собственными руками, объемистые рефераты, настоящие художественные выставки.

И вот все это представлено для обозрения в залах центрального Дворца культуры профсоюзов Минска. На итоговое заседание жюри пришли сотни ребят-минчан, приехали пионеры и пионерки из Могилева, Бобруйска, Гомеля, Слонима, других городов Белоруссии. Жаль, что не смогли присутствовать на нем участники

конкурса, мои земляки — Вова Корзуб из Свердловска, Вера Ильиных из города Богдановича, Оля Автюшенко и Геня Соснора из Нижнего Тагила, ребята из краснотурьинской школы № 2.

Призы победителям — подарочные издания [книги в роскошных переплетах, фундаментальный труд по кинологии «Служебная собака»], путевки в Артек. Но, конечно, самым главным и дорогим подарком были маленькие щенки — завтрашние большие друзья.

После торжественной части — «Собачий дивертисмент»: показательные выступления агитбригады Минского клуба, а на следующий день — выставка на стадионе «Спартак», в центре города.

Конкурс прошел интересно, весело и, самое главное, полезно.

Б. РЯБИНИН

Страшилище

Наташа Петрова — рыженькая, щупленькая, не по годам деловитая, шустрая. Живет с родителями вдаль от поселка, на сторожевом пикете. Их кирпичный дом — на берегу канала. Канал глубокий, ровный, как натянутый трос. Он из края в край пересекает совхозную землю. Все лето бурлит в нем прохладная вода. Отец Наташи — Илья Иванович — дежурный регулировщик. С «паука» — распределительного сооружения — по отводным канальчикам направляет воду на рисовые, кукурузные поля, на огородные плантации. Он же охраняет мост через канал, лесные насаждения.

Иногда и Наташа помогает отцу: покрывает на «пауке» металлическую ручку, поднимется дверь-заслонка, и шипящая вода из головного канала хлынет в нужном направлении. Отец радуется: растет помощница.

В свободное время сидит Наташа с книгой у самой воды, под тополями. Следит,

как весело резвятся в канале молодые утки, важно плавают, кигикают гуси, как выныривают зеленые лягушки, усаживаются рядом у водяной кромки с вытаращенными глазами и стреляют в кружащихся мошек клейкими языками.

Вечером к берегу подъезжают машины с рабочими совхоза. После трудового жаркого дня бросаются люди в живительный поток, плавают, ныряют. Далеко слышны их звонкие голоса.

Возвращается домой и мать Наташи — Любовь Петровна, известная звеньевая. Из дому она уходит чуть свет. В летние месяцы Наташа в доме — полная хозяйка: готовит обед, стирает, кормит поросенка, птицу, следит за цветами...

Вчера Любовь Петровна пересчитала утят и ахнула: шестерых недостает.

— Куда они девались? Лисица подкараулила? А ты-то куда смотрела?

Сегодня Наташа весь день следила за выводком. Никакой лисицы и близко не было. Но мать снова четырех утят не досчиталась.

— Этак через неделю ни одной птицы во дворе не останется, — говорила она с укоризной.

Больно было это слушать. И утят жалко.

На следующий день на глазах у Наташи произошло непонятное. Нырнул утенок в воду да и не показался больше. Затем со вторым произошло то же. Старая утка захлопала крыльями, надрывно закричала. А в этот момент исчез третий утенок. Вскоре что-то длинное, черное бултыхнулось в канале. Гуси с гоготанием в стороны разлетелись.

Помчалась Наташа на рисовое поле, нашла там отца, впопыхах все рассказала. Илья Иванович — бегом, к телефону. Позвонил в рыболовецкий колхоз. Рыбаки — тут как тут — на грузовой машине прикатили.

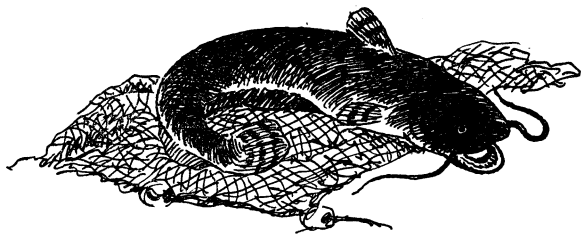
— Не иначе зубастая пожаловала, вот и балует, — сказал рыбацкий бригадир Федосеевич, черный от загара, с белесыми усами.

С двух сторон переезда рыбаки перегородили канал сетями. Лодку на воду спустили, били по воде веслами, шум поднимали, пугали рыбу. Результатов никаких. Тогда один

из рыбаков длинным шестом стал ширять в железобетонную трубу, по которой вода под мостом проходит. Что-то забурлило, ударилось в сеть, да так, что колья запрыгали.

Не мешкая, дюжие парни в прорезиненных костюмах стали тянуть сеть. И выволокли на берег огромного, как бревно, черного усатого сома. Бился он отчаянно. Сеть изорвал. Прибежавшего поглазеть парнишку так хвостом ляснул, что тот кубарем — в воду, с головой окунулся.

На огромной башке сома блестели маленьенькие черные глаза. Плавники, усищи, хвост — ходуном ходили.

— Вот это страшилище! — радовался удаче бригадир Федосеевич. — Спасибо девочке, что выследила, помогла изловить разбойника.

Сома погрузили в машину и увезли.

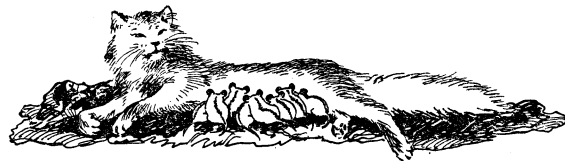
В канале воцарился порядок. А Наташа и теперь все еще присматривается, не появится ли новый хищник.

Кицуня

У дружка моего Леньки была серая кошка с длинными усами и пушистым хвостом. Он всех уверял, что она сибирская. Мне казалось, если кошка сибирская, то должна быть дикой и злой. Эта же терлась о наши ноги, любила, когда почешут за ухом, громко мурлыкала. Ее и называли каким-то странным именем — Кицуня.

Мышей ловила Кицуня так, будто они сами к ней в рот прыгали. Истребила она их не только в своем дворе, но и в соседних. По ночам даже в степь ходила, приносила сусликов.

Летом на чердаке родились у нее крохотные слепые котятки. Но кошке почему-то чердак не понравился. Она бережно в зубах перенесла детей в дровяной сарай, уложила в

темном углу на тряпье. Несколько дней лежала с ними, облизывала, кормила.

В дом пришла отощавшей, голодной. Мать Лени дала ей рыбы, налила плошку молока.

Когда Кицуня воротилась в сарай, котят на месте не оказалось. Металась она туда-сюда, тоскливо мяукала. Все было напрасно. Кошка подходила к людям, глядела умоляюще, будто просила: «Помогите детей отыскать!»

Куда делись ее малыши, оставалось тайной.

Ночью родители Лени проснулись от шума во дворе. Визжала Кицуня и слышен был чей-то пронзительный писк.

Утром мать Лени вышла доить корову и увидела у порога мертвую темно-рыжую крысу с оскаленными зубами. Кошка же исчезла. Сколько мы ни звали ее, не откликлась.

Прошло несколько дней. Отец Лени очистил от мусора хозяйственный двор: ворошил старую солому, что зиму пролежала у стены сарая. Когда он снял верх почерневшей копны, увидел нишу и кучу всякого тряпья. В нем преспокойно лежала Кицуня. К соскам ее припали молодые, еще беспомощные крысятки.

Отец Лени объяснил нам, что котят у Кицуни украла и съела крыса. А кошка усыновила ее детей.

Утята-парашютисты

Утром, в воскресный день, прикатил ко мне знакомый егерь Григорий Степанович. В комбинезоне, весь запыленный.

— Едем в лес. Диковину покажу.

Не стал я спрашивать, что и как. Быстро собрался. И вот мы мчимся на мотоцикле по проселочной дороге, да так, что в ушах свистит...

Солнце только что оторвалось от земли. Верхушки деревьев будто полымем охвати-

ло. Остановились у пруда. Идем через дамбу. Корявые дубы к самой воде протянули ветки-лапищи. Никак не могу догадаться, чем егерь хочет удивить.

У поляны он поднял сухой сук, показал им на высокий берест. На нем, как косматая шапка, чернело сорочье гнездо. Григорий Степанович постучал сукон по стволу дерева. Из гнезда выпорхнула кряковая утка и скрылась за верхушками деревьев. Я действительно удивился. Утка — на дереве! Такое не приходилось видеть.

Егерь поманил меня дальше и метрах в ста от пруда еще одно такое гнездо показал.

— А как же они птенцов с такой высоты снимать будут?

— Я и сам не раз о том думал. Но мы — увидим. Недели этак через две. Обязательно за тобой подскочу, — пообещал приятель.

Но я уехал по делам на целый месяц. Когда возвратился, Григорий Степанович упрекнул меня: ты, мол, многое потерял.

Неделю дежурил он в шалаше, недалеко от знакомого мне береста. Однажды увидел, как из гнезда яичные скорлупки полетели. Тут уж зевать было нельзя. Пришлось ему и ночью глаз не смыкать. Но лишь на следующую ночь, когда в воздухе повисло июльское удушье, утка выпорхнула из гнезда, облетела вокруг пруда и села на поляне, недалеко от дерева. Она суетилась, моталась из стороны в сторону по траве, по настилу прошлогодних листьев. Затем остановилась на возвышенном месте, вытянула шею, растопырила крылья, издала резкое, повелительное: кря-кря!

Из гнезда высунулась желтовато-бурая головка птенца. Вот он уселся на самом краю гнезда. И снова раздалось: кря-кря!

Утенок, как заправский парашютист, бросился вниз головой. Он ударялся об ветки, цеплялся за листья и, кувиркаясь, шлепнулся в траву. Утка подскочила. Убедилась, что жив. Снова приняла прежнюю позу. Кря-кря! — и второй кубарем полетел вниз.

Четырнадцать птенцов отчаянно выбросились с восьмиметровой высоты. Утка взлетела на дерево, заглянула в гнездо, вернулась к детям. Теперь она крякала совсем по-другому: тихо, нежно.

Вот она поковыляла к лесной дорожке. Птенцы, как бурые шарики, покатались следом. Они выстроились один за другим в цепочку и, переваливаясь с боку на бок, семенили за матерью. У крутого бережка кряква остановилась. Утята окружили ее. Мать как лыжник стала скользить по склону, скатилась в воду. Последовало новое: кря-кря!

Один за другим утята бросились вниз. Вскоре счастливая семейка плыла по тихой заводи среди зеленых камышей.

Кто победил владыку птиц?

Резвая, игривая весна небывало рано при-мчалась в Приманычье, на Черные земли. Побелевшее солнце так слепило, так жгло, что на взгорьях закурился голубоватый пар. В степных буераках оседали, ежились, сопели ноздреватые коричневые сугробы. Местами совсем обнажилась земля, щетиной пробивалась сквозь мертвую гниль ликующая зелень.

Высоко, в заоблачной сини, уже трутрукали журавли — пролетные оркестранты. Пониже проплывали косяки казарок, серых гусей. Необоримая сила гнала их к местам гнездовий.

Едва уловимые вздохи весеннего ветра несли травяную прель, полынную горечь, щекочущий дух чернобыльника.

В бескрайней степи, как островки в половодье, темнели кошары. Застоявшиеся овцы томилась, бляели: им грезилась зеленые дали, вольный игривый ветер. Неудержимо-властно звала, тянула взрастившая их степь.

Николай Алексеевич — колхозный чабан — высокий, плечистый, в овчинном полушубке, черной барашковой ушанке, обходил окрестность. Длинной рукояткой герлыги прощупывал землю, оттаяла ли. Осматривал низины, где скапливалась талая вода. Овчарка Милка моталась из стороны в сторону, обнюхивала на посеревшем снегу заячьи и лисьи следы, извилистые мышинные тропки. Неожиданно она стряхнула с себя обуявшую ее одурь, взметнула уши, вытянула шею, вздыбила загривок, уставилась в сторону буерака. Чабан увидел на склоне ложбины, среди сухих прошлогодних стеблей репейника, что-то большое, серое, припавшее к земле.

«Сайгак? Дрофа? Нет, видимо, волк к кошаре подбирается? — подумал он. — Но почему в эту пору? Где он был ночью? Эх, ружья не захватил!»

Милка вздрагивала, нервно повизгивала, ждала сигнала.

— Сюда! Стоять! — приказал чабан.

И Милка, ежась, послушно припала к правой ноге хозяина.

— Улю-лю-лю-у! — закричал Николай Алексеевич и палкой, будто ружьем, стал целиться. Однако, угрозы его не испугали зверя. «Смелый, дьявол. Или смертельно голоден», — мелькнула мысль. И чабан пошел напрямик к оврагу, играя увесистой герлыгой. Милка шла настороженно, готовая рвануться в схватку.

И вдруг чабан явственно различил: среди репейника сидел степной орел. Подошел ближе. Милка неуверенно скакнула к птице и сразу же попятилась. Наохленный степной хищник умирал. Он медленно открыл глаза, как-то безразлично, без страха и гнева, взглянул на человека. И сразу же померк свет в его помутневших глазах: они подернулись поволокой.

На окровавленном снегу жгутом лежали внутренности орла.

Что же произошло? Бой в воздухе? Николай Алексеевич не раз видел, как хищники с клетотом носятся друг за другом над степью. В момент схваток от них клубами летят перья.

Собака безгласно обнюхала степного разбойника и отошла прочь. Она поняла: орел безопасен.

— Так кто же победил царя птиц?

Об этом много думал чабан.

Прошлым летом собирался я побывать на Черных землях, повидаться с чабаном — бывшим сослуживцем. Но случай представился лишь в сентябре. С раннего утра тряслись мы в кабине машины-цистерны, развившей чабанам питьевую воду. Шофер — белобрысый, бойкий паренек Саша — как-то легко, играючи вел грузовик по бездорожью с пригорка на пригорок, ориентируясь лишь по ему известным приметам. Он без умолку тараторил, восхищался всем, что видел. А над степью висело такое удушье, такое пекло, казалось, трава испепелится.

— Не заблудимся?— спросил я.

— Будьте покойны, не впервой. Все будет, как в аптеке.

Когда он с горки дал машине разгон, я закричал:

— Тормози! Впереди — вода!

Перед нами и впрямь раскинулось озеро. Явственно было видно, как перекатываются волны.

— Тут на сто километров лужи не сыщешь!— кричал Саша.

— А озеро?— указываю я.

— Это — чудеса в решетке. Маревое. От жары.

Мы быстро мчались к кажущемуся озеру, а достичь его никак не могли. Когда стали взбираться на подъем, «вода» исчезла. До самого горизонта открылся полынный бархат степи. Изредка по сторонам ярко выделялись купы красно-коричневых кустов жухлого конского щавеля, желтели островки донника-буркуна да древние кусты татарника с бледно-малиновыми султанами.

Несколько раз перед машиной появлялись табунки куропаток. Темно-серые птицы быстро-быстро бежали по степи. Саша «нажимал на газ». Когда машина настигала птиц, они разлетались в стороны. Шофер входил в азарт, глаза его горели.

— Смотрите! Смотрите! Еще выводок!— восхищался он. А после небольшой паузы продолжал:— На прошлой неделе, хоть верьте, хоть нет, чуть дудака не задел. Вот эта птица, скажу я вам! С овцу. Точно!

Над степью, на небольшой высоте, кружили ястребы. Иногда останавливались, стремглав обрывались к земле.

Когда мы преодолели очередную ложбину и поднялись на взгорок, Саша остановил машину.

— Привал,— сказал он.— Сейчас уточним, куда ехать.

Он достал из запасника старенький полевой бинокль. Взобравшись на цистерну, долго осматривал горизонт.

— Ну, я же говорил, как в аптеке!— радостно воскликнул Саша.— Отару вижу.

Вскоре мы подъехали к чабанскому вагончику на колесах. Поодаль, помахивая хвостами, отфыркиваясь, паслись гнедые лошади.

Навстречу машине бросилась лохматая дворняжка и, захлебываясь, залаяла. Но стоило Саше выйти из кабины, воинственный пыл собаки поостыл. Она виновато заюлила хвостом.

— Эх ты, своих не узнаешь,— пожурил ее Саша. А та, не зная, как искупить вину,

лизнула Саше руку и тут же повалилась на траву. На меня же собака поглядывала с недоверием: «Что, мол, это за личность пожаловала и как отнесутся к этому мои хозяева?»

— Наконец-таки!— приветствовала нас статная, черноволосая женщина в пестро-зеленом халате, выйдя из-под брезентового навеса. Она хлопотала у газовой плиты с красным баллоном.— А мы еще вчера выглядывали... Вода-то кончилась.

— Вчера на ремонте был, Тамара Ашотовна,— ответил Саша.

— А где же Николай Алексеевич?— спросил я.

— Где ж ему быть? У отары. Водопой у них. Овец-то теперь вдвое больше. И напоить их — не просто.

Мы поднялись, чтобы идти к отаре. Тамара Ашотовна сверкнула белками крупных выпуклых глаз.

— Никуда не пойдете. Здесь я — командир! Сначала пообедаете, потом — воля ваша.

Мы изрядно протряслись, проголодались. Женщина усадила нас на скамейку под навесом. На раскладном столике появились две миски с дымящимся жирным пловом. Мы ели с таким аппетитом, с такой жадностью, будто боялись, что у нас отберут миски, и молча поглядывали друг на друга. От добавки, правда, отказались. На второе хозяйка поставила горячее молоко в алюминиевых кружках.

После такого обеда, как после тяжелой работы, мы стали мокрыми, хотя жара уже спадала.

Наперебой, в два голоса, мы расхваливали еду, благодарили Тамару Ашотовну. Она лишь улыбалась, обнажая на темном загорелом лице белые ровные ряды зубов.

После узнал я: Тамара Ашотовна — жена Николая Алексеевича. Много лет делит с мужем его нелегкую кочевую жизнь.

Вскоре к вагончику подошел высокий стройный чабан. Он пристально взглядывался. Затем развел руки и ринулся ко мне.

— Вот это уважил, так уважил! А я-то принял тебя за начальство.

Мы стояли, обнявшись. Овчарка Милка, что неотступно ходила по пятам чабана, угрожающе рычала, видимо, боясь, чтобы я не задушил ее хозяина.

Саша вскоре уехал в другую отару. Обещал через неделю «подскочить» за мной, как он выразился. Я же принял на себя роль запасного чабана. В тот же день мы «переба-

зировались» на новую стоянку. Вечером пили ароматный степной чай из неведомых мне трав, слушали транзистор, до полуночи говорили.

С рассветом отара двинулась дальше. Там, где она проходила, оставалась, как машинкой остриженная, земля. Любуясь отарой, этим живым курчавым потоком, я невольно подумал: обидно, не знают горожане — любители шашлыков и плова, что это мой однополчанин, гвардеец, выращивает в степи так много чудесной баранины, тонны ценнейшей шерсти.

Следя за овцами, мы говорили и говорили. Вспомнили форсирование Одера, штурм Зееловских высот, друзей, которые не увидели Дня Победы. И не было конца этим старым и всегда новым воспоминаниям.

Как-то перед заходом солнца залюбовались мы орлом, парящим у облаков.

— Чем не бомбардировщик, — бросил Николай Алексеевич.

И будто в подтверждение его слов, орел стремительно бросился вниз, как самолет, пошедший в пике. У самой земли он взмахнул крыльями, выбросил вперед лапы, стал что-то хватать. До нас донесся душераздирающий плач. Орел взмыл в небо. А по склону с огромной быстротой помчался крупный, видимо, старый русак. Орел стал на небольшой высоте настигать его. Заяц упал на спину и снова, издавая отчаянный визг, с неимоверной быстротой замолотил задними ногами. Орел делал несколько заходов, но каждый раз отскакивал, роняя перья.

Когда заяц был уже в балке, орел снова атаковал его. И все повторилось, как прежде. Заяц упал, пронзительно вереща, ноги его мелькали в воздухе, как рычаги заведенной машины.

В чем-то орел просчитался. От страшного удара он взмыл вверх и, вскрикнув, как-то неуклюже полетел в сторону, сел на землю.

Заяц тем временем с неимоверной быстротой понесся через перевал.

Часа два следили мы за хищником. А он был недвижим. И мы подошли. Орел сидел с распоротым брюхом на орошенной кровью траве. Взлететь он больше не мог.

— Так вот кто победил царя птиц! — воскликнул Николай Алексеевич. — Ну, каково? А? Что ты теперь скажешь о зайце?

Павел КОВЕРДА,
Петр ЧУБЕНКО

Завидный

Во многих шахтах подстерегает человека метан. Коварен этот газ. Ни глазом нельзя его усмотреть, ни запахом он себя не выдаст. Появившись неожиданно-негаданно, он только и ждет шальной искры, чтобы причинить людям зло.

Предостаточно было метана и в старой уральской антрацитовой шахте, где произошли эти события. Надежных машин для работы под землей тогда, в трудные военные годы, еще не было, и на отвозке угля по выработке использовались лошади.

Был среди них Завидный, красивый, с могучей грудью, вороной конь. Работающий, понятливый. Обязанности его были просты. На стометровой глубине у ствола шахты к Завидному подцепляли несколько порожних вагонеток, и он должен был везти их к уклону — выработке, где скапливались вагонетки с углем. Здесь лошадь впрягали в грузный состав. И назад — к стволу. Вот такой маршрут — «уклон-ствол», «ствол-уклон»... Шахтерская лампа, прикрепленная к упряжке, выхватывала у темноты метр за метром. Рядом с лошадию шагал коногон Салимзян. Невысокий, худощавый, он давно работал в шахте. А в коногоны перешел после того, как пролежал целое лето в больнице — попал под обвал. От того случая след остался на правой щеке Салимзяна — синий шрам, как татуировка. Уголь уж если влезет в тело, так до гробовой доски метка останется.

Как-то однажды случилось, что Салимзян отстал от лошади. Бросился догонять, а Завидный уже у ствола. Кто же стрелку ему перевел? Присмотрелся при повторном маршруте — и ахнул. Подойдя к стрелке, конь приостановился и — р-раз копытом! Перо стрелки перескочило в нужную сторону.

Салимзян не отказался от этой «рационализации». Прицепит вагоны у ствола, свистнет, а дальше умное животное делало все само. Подойдя к уклону, Завидный помещал на стрелку привезенные вагонетки и терпеливо ожидал, когда плитовой подведет его к нагруженному составу. Свисток — и в путь... Конечно, коногон наблюдал издали. Вдруг со стрелкой не получится? Но Завидный работу «стрелочника» освоил.

Еще одну черту узнал Салимзян у Завидного — принципиальность. Как только увидит, что спускается в шахту новая смена, — работать прекращал. Сверхурочно — ни одной минуты. Если и прицепят нахально вагоны, Завидный настоит на своем. Он утащит их к конюшне...

Завидный не только знал норму времени, но и определял число вагонов. А привык он к шести однотонным вагонеткам. Подтянет первую вагонетку — звякнет сцепкой. Что ни вагонетка, то звяк... звяк... И попробуй-ка подцепить лишнюю! Дополнительный «звяк» служил сигналом «стоп»: Завидный останавливался. Сам-то Салимзян всегда оберегал друга и сверх нормы не загружал. Но находились шутники, которым нравилось одурачивать лошадь. Пододвигали вагонетку к соседней так, чтобы сцепка натягивалась и не звякала. Завидному не приходило в голову, что человек так коварен. Сил у него в избытке. Тем более, что по его лошадиной арифметике выходило, будто везет он шесть вагонов — обычную свою норму...

Задолго до войны спустили Завидного под землю. И он все время исправно работал, не опозорив своего красивого имени.

Хотя сменить имя ему-все-таки пришлось.

Однажды его определили на другой рейс. Он должен был подвозить порожняк к проходчикам, которые вели разработку штрека в угольном пласте. А пласт этот был особен-

ный: он был склонен к внезапным выбросам угля. Это еще одна коварная проделка природы. Не успеешь вовремя выскочить — завалит углем, который словно каким-то мощным залпом выбрасывается в выработку. И тут же, одновременно, вырвется из подземелья и газ — метан...

Давно уже ученые старались разгадать тайну горных ударов, чтобы вовремя предупредить людей о надвигающейся беде. Привлекла их внимание и эта уральская шахта.

Горняки часто встречали в выработках молодого человека, всегда чуть согнувшегося, будто из опасения задеть крепление. Человек носил очки. И никогда не расставался с каким-то прибором, на который нередко поглядывал, что-то прикидывая в уме.

На шахте знали, что он ищет способ предсказать внезапный выброс угля.

Человек в очках появился на шахте больше года тому назад, но никто не знал его имени-отчества. У шахтеров как-то не возникало надобности обращаться к нему, а если заходила речь о нем, именовали полусуто-полупочтительно «научным сотрудником».

Однажды, когда Завидный только что подвез порожние вагоны и ждал перецепки к нагруженному составу, произошел внезапный выброс. Выработку завалило. Люди и лошадь остались в каменном мешке. Выручили горноспасатели, освободили пленников.

Об этом уже и забывать стали, но как-то с Завидным произошел странный случай. Ни с того, ни с сего он порвал постромки и, освободившись от упряжки, не обращая внимания на крики коногона, ринулся в ко-

нюшню. «Ну, с ума сошел конь, — с жалостью подумали шахтеры. — Вот он, испуг-то, когда дал о себе знать».

И вдруг с той стороны, откуда прибежал Завидный, донесся приглушенный, но сильный хлопок. Выброс угля и метана...

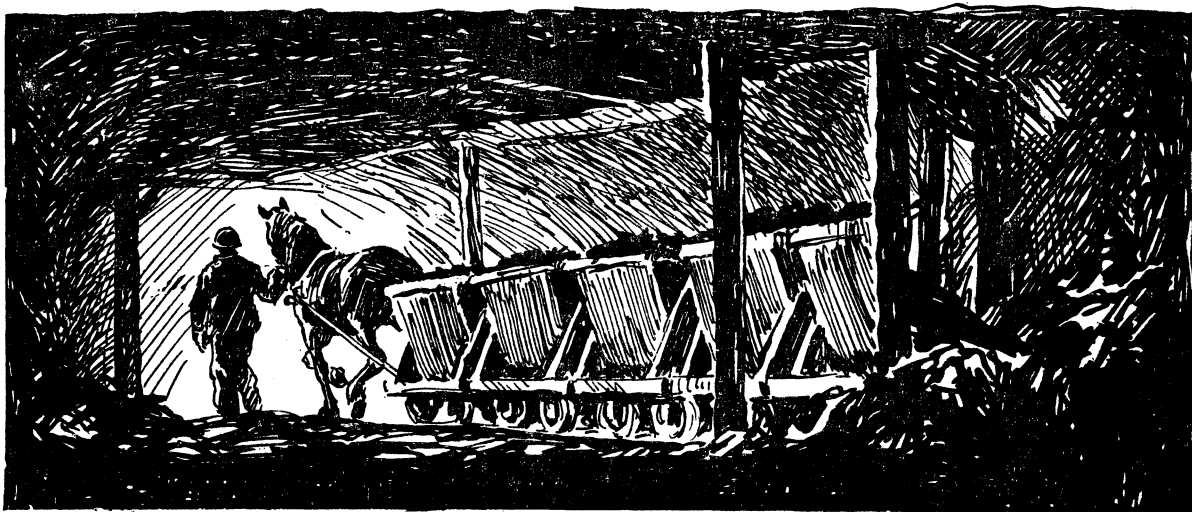
Выходит, Завидный каким-то своим лошадиным чутьем опередил беду. Видно, он почувствовал, что движется то самое, что уже принесло однажды страх ему и людям. В организме лошади включился в действие какой-то «прибор», более чуткий к внезапному выбросу угля, чем тот, который брал с собой в шахту научный сотрудник...

С тех пор не раз случалось, что Завидный до срока оказывался в конюшне. Шахтеры, веря в его прогноз, уходили тогда из забоя и минут десять — пятнадцать ждали выброс угля. И с чьей-то легкой руки Завидный прочно получил второе имя «Научный сотрудник».

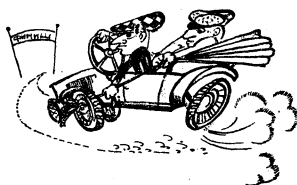
С этим именем трудяга-конь и был списан на-гора.

Несколько лет еще «Научный сотрудник» работал в жилконторе, развозил воду. Подземный паек за четвероногим ветераном специальным приказом по шахте оставался пожизненно.

Часто своего друга навещал Салимзян, ушедший уже на пенсию. Салимзян гладил огрубевшую от времени шерсть лошади, угощал сахаром. Перед расставанием он прижимал щекой к теплой лошадиной голове. А «Научный сотрудник» будто этого и ждал. Жался к человеку и словно молча что-то рассказывал ему. Видно, вспоминал былую работу в шахте, сетовал на то, что скучно, даже с полной кормушкой овса, жить без настоящего дела...

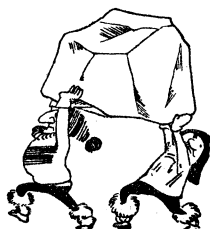
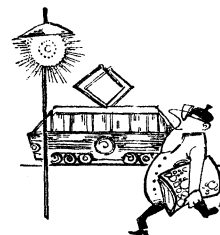

- ЦЕНА УСПЕХА
- ЛЮБОПЫТНЫЕ СИГНАЛЫ
- ИМПОРТ... ЛЬДА
- 409 КИЛОМЕТРОВ ПЕШКОМ

В 1932 году в связи с пуском Ярославского шинного завода был проведен автопробег Москва — Ярославль — Москва. Нелегкой ценой достался успех Г. Черкасскому и И. Успенскому — победителям этого пробега. В пути у них неожиданно отказал привод рулевого управления. Но спортсмены не растерялись: они привязали веревки к рулевым рычагам и так довели машину до финиша.

Года два назад на конечных трамвайных остановках в Дрездене появились любопытные сигналы. Подходя к трамваю, пассажир еще издали может узнать, сколько секунд осталось до его отхода. За минуту до отправления на остановке вспыхивает световой сигнал, а когда до отхода трамвая остается десять секунд — сигнал начинает мигать. За три секунды до отправления мигание прекращается. Пассажир, таким образом, точно знает, нужно ли ему ускорить шаг или же можно не спешить.

Датские корабли, которые перевозят продукты в Гренландию, возвращаясь назад, загружают свои трюмы... льдом. Лед на холодном континенте образуется не из воды, а из прессованного снега, и потому отличается необычайной чистотой.

54-летний член английского парламента Ричард Крошоу, в прошлом офицер парашютных войск, установил новый мировой рекорд непрерывного хождения. Он прошагал подряд 79 часов 21 минуту, покрыв за это время расстояние, равное 409,34 км. Ничего не скажешь: человеческая выносливость поистине безгранична...

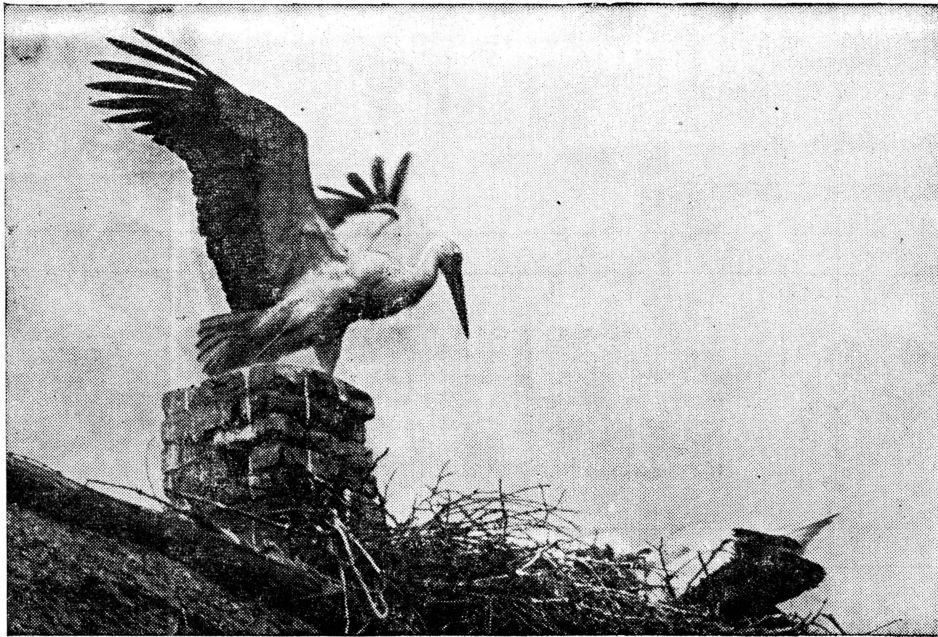

Фото
М. Милицина
(г. Киев),

ПРИРОДА К ЧЕЛОВЕКУ...

Фото
А. Рыжкова
(г. Курган) ▶

Фото
В. Юхина
(г. Казань)

Фото
Л. Беляева
(г. Днепропетровск)

И ЧЕЛОВЕК—К ПРИРОДЕ

**ЧИТАТЕЛЬ-
РЕДАКЦИИ,
РЕДАКЦИЯ-
ЧИТАТЕЛЮ**

«Найти себя!» — эта рубрика посвящена тем, кто вступает в жизнь, кто ищет ответа на главный вопрос: кем быть? Рассказы о людях и профессиях, интервью с видными учеными, очерки с ударных комсомольских строек, комментарии к анкетам вчерашних десятиклассников — эти и другие материалы, которые будут опубликованы в 1974 году, мы надеемся, помогут подросткам определить свое призвание.

...Рейс пассажирского самолета «ИЛ-18», следующего из Иркутска в Свердловск, протекал, как говорят авиаторы, нормально. Внезапно в пилотской кабине вспыхнуло табло: «Пожар 3-го двигателя». Через несколько минут вышел из строя второй. С земли на запросы экипажа поступают неутешительные ответы: ближайшие аэропорты закрыты, видимость ниже допустимой.

...Далеко впереди, прямо за статуей, неведомо как и откуда появилась колонна солдат. За ней, с небольшим интервалом, вторая колонна. Потом третья, четвертая... и так до самого горизонта. Мы схватили биноклы. В изумительно ровных рядах насчитали пятьдесят человек. А таких рядов в колонне — сто. На плечах солдаты несли странное оружие с длинными стволами, расплюснутыми на концах. Мы видели их бессмысленные физиономии, покрытые каплями пота. И вдруг все они пропали, будто провалились. Исчезновение было полным и ошеломляющим. Еще не осела пыль, поднятая сапогами, а их уже не было...

Повесть Ю. Ярового, рассказывающая о беспрецедентной посадке самолета с двумя неисправными двигателями, написана на документальной основе и посвящена мужественным летчикам Аэрофлота. Второй отрывок взят из научно-фантастического романа С. Слепынина «Странник по звездам», который обращен к вечной и никогда не стареющей теме — содружеству человека и природы.

Роман — своеобразное предупреждение тем, кто представляет будущее человеческого общества, как царство роботов, свободное от эмоций, «избавленное» от ценностей социального опыта и многовековой культуры.

Очерки об «индигирской Мангазее», островке древнерусской культуры на дальнем Севере, о научной экспедиции по «переписи» белых медведей, путешествие по «Стране Топонимии» — эти и другие краеведческие и научно-популярные публикации представляют, на наш взгляд, интерес для читателя.

И, как всегда, мы ждем от вас интересных материалов о следопытском поиске, о путешествиях в мир природы.

НАПОМИНАЕМ, ЧТО В РОЗНИЧНУЮ ПРОДАЖУ ЖУРНАЛ ПОЧТИ НЕ ПОСТУПАЕТ. ПОДПИСКА НА «УРАЛЬСКИЙ СЛЕДОПЫТ» ПРИНИМАЕТСЯ ПОВСЕМЕСТНО. ПОДПИСНАЯ ЦЕНА НА ГОД — 3 Р. 60 КОП.

Главный редактор С. МЕШАВКИН

Редколлегия: А. АСС, А. БОГАЧЕВ (зам. главного редактора), МУСА ГАЛИ, А. ДОМНИН, Б. КОЛЕСНИКОВ, В. КРАПИВИН, Ю. КУРОЧКИН, Г. МАШКИН, Н. НИКОНОВ, Л. РУМЯНЦЕВ, К. СКВОРЦОВ, И. ТАРАБУКИН (ответственный секретарь), В. ШУСТОВ

Обложка Е. СТЕРЛИГОВОЙ

РУКОПИСИ НЕ ВОЗВРАЩАЮТСЯ

Художественный редактор М. Горшкова.

Технический редактор Э. Максимова.

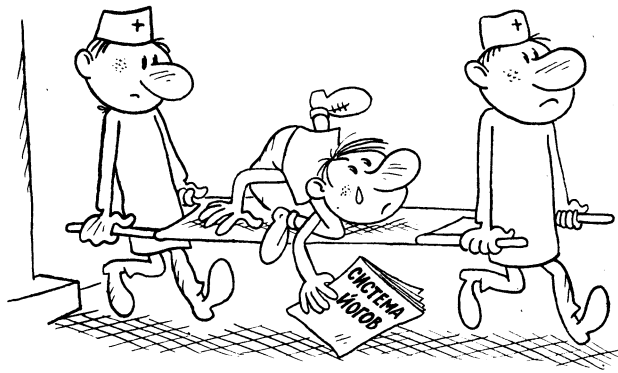
Корректор В. Бурангулова.

Адрес редакции: Свердловск, ГСП-353, ул. 8 Марта, 8. Телефон 51-22-40
Средне-Уральское Книжное Издательство.

Сдано в набор 28/VI 1973 г. НС 31478. Подписано к печати 17/VIII 1973 г. Бумага 84×108^{1/16}=2,62 бум. л.—8,8 печ. л. Уч.-изд. л. 10 Тираж 220 000. Цена 30 коп. Заказ 283.

Типография изд-ва «Уральский рабочий», Свердловск, пр. Ленина, 49.

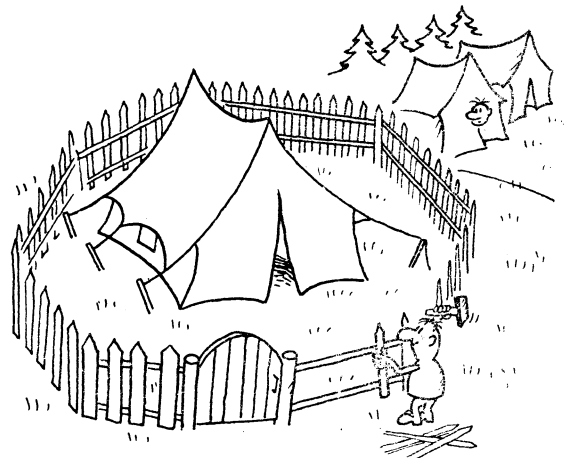
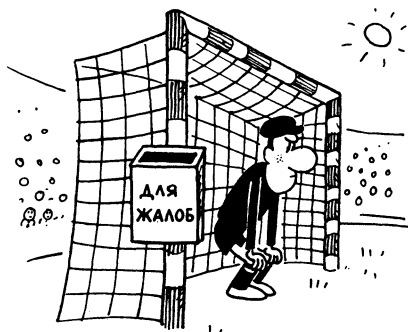

Рисунки В. Милейко

СКАЖИТЕ, ЭТО ПРАВДА, ЧТО У ВАС
ЗАТОПИЛО ВСЮ КВАРТИРУ?

ИНДИВИДУАЛИСТ

ЖУРАВЛИ (линогравюра)

Е. КОПОСОВ (г. Свердловск)